

Людмила Астахова, Яна Горшкова

ВОЛЧЬИ ИГРЫ

Помни о жизни

Людмила Астахова

Волчьи игры

«ЭКСМО»

2011

Астахова Л. В.

Волчьи игры / Л. В. Астахова — «Эксмо», 2011 — (Помни о жизни)

ISBN 978-5-699-52597-3

Земля Радости больна бесконечной войной, ведь никто и не предполагал, что противостояние между Империей и Северным Княжеством затянется на долгих двадцать лет. Лжебог-Предвечный разоблачен, но не побежден. Проклятье снято, а ненависть осталась. Не забылись прежние обиды, но уже накопились новые. И неясно, кто выстрелит тебе в спину – вчерашний враг или нынешний союзник.

ISBN 978-5-699-52597-3

© Астахова Л. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

«Голос Эйнсли» № 26 от 15 июня 308 года от ВР	5
«Новости Файриста», № 46 от 7 сентября 1 года НФ	6
«Зеркало Саннивы». № 1. От 2 января 309 года	7
«Вестник Конрэнта» № 2	8
«Шантйский курьер», ежемесячное приложение к «Голосу Эйнсли»	9
Агентство Новостей Файриста	10
Агентство Новостей Файриста	11
328 год от ВР или 20 год НФ (Нового Файриста)	12
Джойана Ияри	26
Удэйн ир-Апэйн	32
Джэйфф Элир	34
Джойана Ияри	36
Джэйфф Элир	42
Грэйн эрн-Кэдвен	45
Аластар Эск, князь Файриста	48
Грэйн эрна Кэдвен	54
Вилдайр Эмрис и Аластар Эск	57
Джэйфф Элир	63
Джойана Ияри	67
Джэйфф Элир	70
Грэйн эрн-Кэдвен	73
Джойана Ияри	81
Рамман Никэйн, граф Янамари	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Яна Горшкова, Людмила Астахова

Волчьи игры

«Голос Эйнсли» № 26 от 15 июня 308 года от ВР

Чрезвычайные известия

ДОМИНИОН ШАНТА. Сего дня пребывающий в пределах Доминиона Шанта Е.С.О. Вилдаир Эмрис эрн Лэнси милостиво изволил приказать оповестить всех своих добрых подданных о счастливом в состоянии семейства своего изменении. По высочайшему его соизволению мы публикуем милостивое обращение государя нашего полностью.

«Волею богов Мы, Вилдаир Эмрис, владетель земли Лэнси, Великий Эрн и Князь Священного Княжества Ролэнси, объявляем всем возлюбленным подданным Нашим о милости Глэнны, которая снизошла к Нам, воплощенная в возлюбленной Невесте Нашей, благородной и могущественной Джойане Янамарской, леди Алэи из семьи Ияри. Исполненные радости и благодарности, Мы даруем благородной и могущественной Джойане титул сиятельной Княгини Шантийской, а также владения на острове Тэлэйт в пределах Доминиона Шанта, достаточные для поддержания ее состояния.

Также Мы объявляем юношу Шэйрра, урожденного Алэя Ияри Янамарского, Нашим возлюбленным приемным сыном и Нашей Волей возводим его в достоинство эрна, опоры Нашего престола и верного подданного Нашей короны.

Да пребудет с нами милость богов.

На подлинном собственной Е.С.О. рукою подписано:

эрн-Лэнси Вилдаир.

Внутренние известия

РОЛЭНТ. Совет Эрнов округа Бриннси уведомляет об обретении имением Мэйфви нового владельца. Решением окружного Совета Эрнов имение, переданное в государственную опеку в связи с тем, что род владельцев Мэйфви трагически оборвался, выкуплено Е.С.О. Вилдайром Эмрисом эрн Лэнси и даровано Им почтенному Акэлиа Эгнайру, сыну Таррвейн, дочери Аслеиг эрн Акэлиэн. Названный Эгнайр отныне именуется владельцем Мэйфви. В связи с юным возрастом названного Эгнайра для рачительного управления землей Мэйфви окружным Советом назначены опекун и управляющий.

Внешние известия

ТОРГОВАЯ РЕСПУБЛИКА ИДБЕР. Из столичного Вэймса сообщают: спустя несколько напряженных лет вновь возобновилась работа нашего посольского представительства в Идбере. Его высокопревосходительство посол разместился со всем своим штатом в прежнем адресе.

«Новости Файриста», № 46 от 7 сентября 1 года НФ

Указ о престолонаследии

МЫ, АЛАСТАР ДАГМАНД ЭСК, КНЯЗЬ СЕВЕРНОГО КНЯЖЕСТВА ФАЙРИСТ,
объявляем всем верным Нашим подданным.

С самого первого мига вступления Нашего на Престол непрестанно Мы чувствуем свою обязанность пред Матерью Меллинтан и богинями-лунами, чтобы не только во дни Нашего правления возвышать благоденствие Отечества и Народа, но также обеспечить их спокойствие и благосостояние после Нас, чрез точное указание Преемника Нашего, сообразно с правами Нашего Княжеского Дома. Называя имя Преемника, Мы стремимся поставить Престол Наш в такое положение, чтобы он ни на мгновение не мог остаться праздным.

Призвав в помощь Мать нашу Меллинтан, Которая Свет Истины, а также по зрелому размышлению Мы определили: Наследником Нашим быть сыну Нашему Идгарду Алэя Дагманд Эск.

После сего Мы остаемся в крепком уповании, что в день, когда окончен будет путь Нашей жизни и Мать Меллинтан воззовет Нас в Свет, государственные сословия, которым настоящая воля Наша и сие законное постановление Наше в надлежащее время по распоряжению Нашему должно быть известно, немедленно принесут верноподданническую преданность свою назначенному Нами Наследнику нераздельного Престола Северного Княжества Файрист.

Дан в Амалере 6 сентября 308 года от ВР (Великого Раздора) или 1 год НФ (Нового Файриста)

На подлинном подписано собственною рукою :

АЛАСТАР ДАГМАНД ЭСК

**«Зеркало Саннивы». № 1. От 2 января 309 года
ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВЯТЕЙШЕГО и
НЕПОГРЕШИМЕЙШЕГО ЭСМОНД-КРУГА
от 1 января 308 года от ВР, № 12,
с посланием ко всему народу
синтафа о мятежнике Аластаре Эске**

Благословенный Круг Святых Эсмондов, в своем непрестанном попечении о народе Синтафа, об охране его от пагубного соблазна и спасении заблуждающихся, имев суждение о владетеле Эскизара графе Аластаре и его богоборчестве и идолопоклонничестве, признал своевременным обнародовать нижеследующее послание:

МИЛОСТЬЮ ПРЕДВЕЧНОГО,

Святейший и непогрешимый круг благословенных эсмондов заявляет, что никогда прежде Вера Наша не терпела столь злостной хулы и нападения от неисчислимых еретиков и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее, как в дни наши, когда Божиим попущением явился новый мятежник и еретик, Аластар Эск, владетель Эскизара. Диллайн по рождению, он в прельщении безумия своего нагло и дерзко восстал на Бога Диллайн и на святые Его Дары, а также пред всеми отрекся от веры предков и благодати Его и посвятил свою преступную деятельность на распространение в народе учений, противных Предвечному Богу и Эсмонд-Кругу, и на истребление в умах и сердцах людей Веры. В письмах, во множестве рассеваемых им и его приспешниками по всему свету, он проповедует с фанатичной ревностью ниспровержение всех догматов Веры и объявляет саму сущность Бога Диллайн: отвергает Предвечного, именуя Его магической машиной, поглощающей души верующих в него.

Посему, свидетельствуя об отпадении Аластара Эска от Блага Предвечного, Эсмонд-Круг объявляет онного Врагом, Еретиком и Предателем, к немедленной смерти осужденным в любой час, начиная с сего дня и до окончания Вечности, в любом месте, где будет застигнут, так же как и все потомство его от всех жен, законных и незаконных, до тех пор, пока не иссякнет кровь предателя в этом мире.

Подлинное подписал:

Благословенный Святой *Херевард Оро*.

«Вестник Конрэнта» № 2 от 15 января 309 года от ВР

Окружные известия.

Доброе начинание

Вниманию господ владетелей! На склады Общества содействия земледелию поступила очередная партия превосходных семенных Земляных Клубней эрны Рэймси. Клубни будут распределены между акционерами Общества согласно предварительной подписке. Все еще открыта подписка на апрельскую партию. Спешите присоединиться к Обществу содействия земледелию!

Счастливое разрешение

Из округа Кэйдренси сообщают. Благородная и могущественная эрна Грэйн, владетельница земли Кэдвен, третьего дня благополучно разрешилась от бремени, произведя на свет младенца мужеского пола. Младенец и роженица милостью Глэнны совершенно здоровы.

Техническое чудо

Новый речной бот, движимый силой двух паровых машин, сошел со ступеней столичной верфи. Судно приобретено «Лейтской компанией морского и речного судоходства» и будет совершать регулярные рейсы по Лейт с конечными остановками в Эйнсли и Бринн, перевоза как различные грузы, так и пассажиров. Е.С.О. княгиня Мэрсейл милостиво изволила лично наречь пароход именем «Проворный».

Акции или провокация?

«Вестнику» стало доподлинно известно, что в округе Риннси будет вскоре открыто очередное отделение «Ролэнтской дорожной компании» с продажей акций этого, пока еще существующего лишь в воображении господ акционеров, предприятия. Редакция вынуждена остереечь добрых наших сограждан от опрометчивых вложений в ценные бумаги столь ненадежной компании. Полагаясь на мнение многих известных инженеров и механиков, считается, что перемещение самоходных повозок силой пара совершенно невозможно. Но справедливости ради мы должны заметить, что иные, весьма уважаемые персоны, придерживаясь противоположных взглядов, уже приобрели бумаги «Ролэнтской дорожной». Не смея советовать, редакция «Вестника» оставляет решение, вкладывать или нет средства в акции компании, на волю господ читателей.

«Шантийский курьер», ежемесячное приложение к «Голосу Эйнсли»

Долгожданное новоселье

«Курьеру» сообщают из Доминиона Шанта, что 9-го числа сего месяца в только что отстроенном имении «Лалджета» состоялся торжественный прием и праздник по случаю завершения работ. Поместье сие расположено в чудесном уголке острова Тэлэйт близ города Шила и форта Сигрейн и принадлежит ее сиятельству Княгине Шантийской. Живописные красоты острова, будто драгоценная оправка, обрамляют это дивное строение. Дом имеет два этажа и двадцать четыре окна по фасаду, обращенному к востоку. Северная и южная стороны главного здания – о шестнадцати окнах каждая, западный фасад обращен к благоуханному саду, разбитому по личному проекту Е.С.О. княгини Вигдэйн. Также дом оснащен системой центрального отопления по последнему слову техники.

Торжественное мероприятие, почтенное присутствием Е.С.О. князя Вилдайра Эмриса и княгини Мэрсейл, а также его высокопревосходительством генерал-губернатором эрном Тэлдрином с супругой, прочими военными чинами и местными обывателями, переросло в обширное народное гулянье под кущами деревьев в саду. «Шантийский курьер» призывает всех добрых подданных Короны разделить эту радость с высочайшими особами и обитателями Доминиона Шанта.

Братство по оружию

«Курьер» спешит поделиться со всеми добрыми подданными ролфийской Короны радостным и весьма своевременным событием, имевшим место в пределах Доминиона Шанта. 10 дня сего месяца Е.С.О. Вилдайром Эмрисом был подписан Указ о создании на острове Тэлэйт Особого корпуса сил местного ополчения, кой возглавил лично его высокопревосходительство генерал-губернатор эрн Тэлдрин. Сей Корпус сформирован как из местных обывателей, так и добровольцами из метрополии. Честь и обязанности Шефа Корпуса милостиво изволил принять на себя Е.С.О. Вилдайр Эмрис. Целью формирования этих сил явится создание резервных сил обороны из местных уроженцев, их обеспечение всем потребным для несения службы, их обучение современным методам ведения войны. В составе Корпуса выделяется Особенная рота Шантийских Егерей, каковая рота является соединением регулярным, несущим непрерывное патрулирование в горах и долах Доминиона Шанта. Егерей возглавляет некий Элир Джэйфф, местный обитатель, посвященный Локке-Дилах в шурианской традиции, весьма искушенный в военном ремесле. Е.С.О. Вилдайр Эмрис изволил произвести Элира Джэйффа в чин пехотного капитана с жалованьем, достаточным для поддержания его чести и состояния.

Шефство над Особенной ротой милостиво приняла ее сиятельство Княгиня Шантийская Джойана.

Агентство Новостей Файриста

ВОЙНА

Срочное сообщение генерала Линна от 16 августа 12 года НФ.

16 августа два наших отряда достигли одновременно Мэйрула и вступили в бой с занимавшим у города позицию противником. Синтафцы последовательно были отбиты с пяти позиций и отступили. Мэйрул был занят нами.

На морском театре войны

[...] из Саннивы сообщают, что синтафцы сомневаются, чтобы у файристан была определенная цель, а предполагают, что у них имеются в виду три цели: достигнуть южных портов, отвлечь эскадру от ее базы и дожидаться переговоров о мире, которые могут быть вызваны демонстрацией флота.

Ролэнси. Здесь убеждены, что главные силы синтафского флота находятся вблизи Бурого залива и что на юг отправлены только разведочные суда. Большое сражение синтафцы решатся дать только у берегов Левенеца.

Фиртсвит

«Верное слово»

Хроника:

Выборы

«Известный националист Фарвиз Пэям выиграл на выборах в столичном 10-м избирательном округе. Выборы были бурные. Дело доходило до драки. Есть многочисленные раненые, несколько шуриа убито».

Крупная находка

Старший дворник дома № 66 по улице Умиротворения около двух лет тому назад нашел сверток, в котором находилось 3750 оули имперскими процентными бумагами. Находку свою дворник представил в полицию, где энергично принялись за розыск потерявшего сей сверток. Ныне за неотысканием собственника бумаг последние со всеми выросшими процентами были, по словам полицмейстера, вручены счастливому дворнику.

Агентство Новостей Файриста

14 февраля 15 года НФ состоялось соединение Левенеца рельсовым путем с городами Галзир и Цикар.

Газеты сообщают об изобретении нового взрывного вещества, коего сила превосходит все до сих пор известное. Будто бы количество этого вещества величиной в яйцо достаточно для взрыва броненосного корабля.

Летом, по словам газет, ожидается в Амалер из Ролэнси построенный там новый фрегат файристанского флота «Буйный». Фрегат этот Морское министерство предполагает осенью отправить в пограничные с Синтафом воды для патрулирования.

Идбер

«Криминальная хроника»

24 февраля в Коримском полицейском доме двое арестантов, Эрвэлин Райх, Фарик Исви, взломав пол в чулане, спустились через проделанное ими отверстие в выгребную яму, откуда выбрались во двор и скрылись.

Эббо

«Биржевые новости»

Из Файриста

Сообщают об изобретении нового взрывного вещества, сила коего превосходит все до сих пор известное. Будто бы количество этого вещества величиной в яйцо достаточно для взрыва броненосного корабля.

25 апреля 18 года НФ после полудня произошел взрыв трех котлов на военной фабрике в Моэре, вызвавший сильный пожар. Сообщают, что убито 50 человек и получило увечья 140. Из чего следует единственный вывод: Северное Княжество активно готовится к очередным военным действиям против Синтафа. Нашим промышленникам стоит обратиться к князю Эску с выгодными коммерческими предложениями, пока их не опередили подданные Вилдайра Эмриса.

Из Фирсвита

25 апреля. Больше двух десятков местных банков прекратили платежи. Национальный банк оказал поддержку, но опасаются дальнейших затруднений, почему господствует финансовая паника.

Пререкания между приверженцами и противниками столичного мэра кончились дракой. Противники стали стрелять из револьверов и ранили мэра, его брата и двух друзей, но не серьезно.

Послание, которое прочтет завтра при открытии парламента президент Свободной республики, гласит, что отношения Фирсвита с другими державами отличные и страна пользуется спокойствием. Затем указывается на предполагаемые мероприятия для упорядочения финансов.

328 год от ВР или 20 год НФ (Нового Файриста)

Рэналд эрн-Конри, лорд-секретарь

Серьезные и влиятельные мужчины, к каковым не без оснований относил себя Рэналд эрн-Конри, терпеть не могут попадать в ситуации, где выглядят нелепо и глупо. Кому из властных имущих понравится смотреться идиотом, пусть даже и в собственных глазах? А что может быть смешнее, чем шеф Собственной Е.С.О. Канцелярии, делающий вид, будто он прячется от своих же подчиненных? Только глава этой зловещей службы, на самом деле играющий в прятки с Гончими.

«Хотя, если посмотреть здраво, то скорее в жмурки, – мрачно сыронизировал лорд-секретарь, поглядывая на серебряную «луковицу» часов. – И глаза завязаны у всех игроков».

Щека под бархатной полумаской – кровь Морайг, маскарад, будто в одном из княгининых романчиков! – нестерпимо чесалась. И обстоятельство это хорошего настроения лорду Конри не добавляло.

Господин, упорно именующий себя Другом Свободы (хотя только ленивый не угадал бы в этой законспирированной персоне почтенного ир-Фартига, владельца «Лейтской компании морского и речного судоходства», канатной фабрики и даже бойкой газетки «Пакетбот»), в последнее время заимел дурную привычку опаздывать на пару-тройку минут. Словно пробовал терпение лорда-секретаря на зубок. Осторожненько, вкрадчиво, как это принято у ролфи – кусь! И вот мы уже снова умильно виляем хвостом, как будто попытка цапнуть – это маленькая досадная случайность... У Конри сама собою приподнималась губа в беззвучном рычании, едва он думал об этом. Р-распустились, толстосумы! Ничего-ничего, дайте срок... Набили мошну, отъелись на жирных контрактах военных поставок, протянули лапки к обширному файристанскому рынку. Это хорошо, что купцы богатеют. Значит, страна идет вперед и вверх. Но когда торговцы забывают свое место и начинают приножливаться к Власти, надо безжалостно бить их по носу. Он не преминет это сделать, но пока еще не время. Накрыть надобно сразу всех и прижать всю свору разом – только тогда отобьешь охоту зариться на чужой кусок.

Почтенного ир-Фартига придется пока терпеть. Он – всего лишь глашатай, а не главарь и не вдохновитель этого «заговора безземельных». Неплохое, кстати, название. Отлично будет смотреться в заголовках «Голоса Эйнсли». «Заговор безземельных»! Броско. Звучит!

– Милорд?

Конри снова глянул на часы и усмехнулся. Три минуты. Наглеют! На поклон (ишь ты, расшаркивается, что твой юнкер, только что каблуками не шелкает!) конспиратора-Фартига лорд-секретарь ответил небрежным кивком.

– Вы опоздали. Снова.

– Милорд, я...

– Впредь не позволяйте себе подобного, почтенный, иначе вашей братии придется делегировать ко мне кого-то более пунктуального. Я – человек военный и не терплю разгильдяйства. Итак?

– Милорд, счастлив сообщить, что ваша супруга пребывает в добром здравии и прелесть ее по-прежнему затмевает...

– Дальше! – поморщился Конри. И требовательно протянул руку: – Письмо?

Голос почтенного Друга Свободы завибрировал от едва сдержанного бешенства:

– Вот оно, милорд. Извольте.

– Еще что-нибудь, сударь?

– Да, – господин судовладелец воровато огляделся и понизил голос: – Мы столкнулись с непредвиденными сложностями, милорд. Ваши подчиненные в вэймской миссии... э-э... про-

являют повышенный интерес к делам нашего представительства. Боюсь, что вскоре они могут вычислить этот канал и... – Он осекся, сглотнул и побледнел, так что даже под маской стало заметно. – Не смею настаивать, но, возможно, милорд, вы поспособствуете нам в этом? Ваши Гончие, в особенности же этот, Одержимый...

Конри иронично повел бровями, наблюдая, как мелко дрожит подбородок почтенного ир-Фартига.

– О! Вам он внушает ужас, не так ли?

– А вам – нет? – забывшись, огрызнулся Друг Свободы. – Он же настоящий фанатик, этот Апэйн!

«И чем вы только думали, милорд, когда брали на службу в Собственную Канцелярию безумца, одержимого служением Локке?» Нет, вслух собеседник лорда Конри этого не сказал. Но так думал не только он один. Конри и сам испытывал неловкость в обществе этого дил-лайнского полукровки, с невероятной быстротой взлетевшего почти к вершине иерархической пирамиды Канцелярии. Следующая ступень – его, Конри, секретарское кресло...

– Фанатики, почтенный, хороши тем, что обычно живут недолго, – хмыкнул лорд-секретарь.

– Хорошо бы так, – вздохнул тот. – И... если позволите, милорд...

– Да-да?

– Новый налог на прибыль. И «шантийский» налог. Мудрость Его Священной Особы безмерна, однако... возможно ли как-нибудь повлиять?.. Скажем, некоторые компании могли бы сделать существенные пожертвования в случае ослабления этого бремени...

Еще бы! Доминион Шанта требует постоянных вложений. «Любезные кузены» оказались весьма прожорливы.

– Список этих «неких» компаний у вас имеется?

– Да. Соболаговолите ознакомиться... а также принять этот скромный...

– Уберите, – Конри брезгливо оттолкнул прилагавшийся к списку сверток. – Употребите ваши скромные подарки на какое-нибудь благое дело. Я посмотрю, чем мне вам помочь. Итак, здесь инструкции для курьера. И – небольшой дар, который он должен будет доставить моей леди.

– Будет исполнено, милорд.

– В таком случае, прощайте. Честь имею!

* * *

Апэйн, значит. Удэйн ир-Апэйн, прозванный Одержимым. Никак бойкий заместитель успел снюхаться с засевшими по посольствам на материке Гончими? Быстр и ловок, Святоша! Конри хмыкнул и стянул опостылевшую маску. Хитрые, умные... Сука Хайнри, прозванная Паленой, атташе посольства в Идбере – сама та еще фанатичка, того и гляди порвет глотку, стоит лишь ослабить поводок... Вечно хворый брюзга Рэдрин из файристанской миссии – жено-ненавистник и сквернословец, да к тому же бессребреник, будь он проклят. Хитрец и стервец Оринэйр, окопавшийся в Эббо... По отдельности каждый из них будет выжидать и помалкивать, но если они и впрямь объединятся и раскопают... Незаменимых в Собственной Канцелярии нет. К лорду-секретарю это, увы, тоже относится. И Апэйн уже дышит в затылок, вполне способный заменить...

Но никто из них не осмелится напасть первым. Не пойдет против шефа, потому что это – мятеж.

– Клянусь кровью Морайг, я еще прихвачу тебя за хвост, смесок. – Конри скрипнул зубами. – Змея с два ты неуязвим, как же! Неуязвимых в нашем деле не бывает, слеток, как и незаменимых, впрочем...

Идея, не слишком оригинальная, но в общем неплохая, осенила его и разгладила морщины озабоченности на челе шефа Собственной Канцелярии. Каждому есть что терять. Даже Апэйну.

Добравшись до резиденции, лорд-секретарь заперся в кабинете, уютно расположился в кресле и распечатал письмо, едва заметно пахнущее женщиной. Элайн леди Конри.

«Милый Рэналд! Ежечасно, в глубокой печали, повторяю я твое имя, и не бывало еще дня, когда бы я не кляла себя за ту давнюю мою трагическую ошибку...»

Грэйв эри Кэдвен

Доминион Шанта.

Округ Шила.

Имение «Лалджета».

Благородной и могущественной госпоже Ияри Джойане.

* * *

Дорогая Джойана!

Вы, несомненно, будете безмерно удивлены, получив это письмо по прошествии стольких лет, на протяжении которых я преступно пренебрегала нашим с Вами давним знакомством. Увы мне, но обстоятельства моей жизни складывались так, что не всегда возможно и далеко не всегда уместно было посылать о себе весточки особе, знакомство с которой явилось столь кратким и не столь близким и доверительным, как, возможно, следовало. Но льщу себе надеждой, что послание мое, призванное проложить своеобразный мост между нашими берегами, вызовет все-таки приятное удивление, а не иные чувства, каковы означенная особа с полнейшим на то правом может испытывать к недостойной отправительнице сего письма.

Не менее, чем самое это письмо, Вас, дорогая Джойана, возможно, удивит и гонец, коему я доверила столь важное для меня поручение. Сей юноша, как Вы, без сомнения, догадались сразу, едва лишь его увидели, есть не кто иной, как мой старший сын и наследник моего владения, посвященный Морайг именем Сэйвард сын Рэйберта, будущий владелец земли Кэдвен. Пройдя посвящение Матери нашей Морайг, он с отличием закончил Морской Кадетский корпус и Отдельные Гардемариинские Курсы при Морской Академии, после чего и был произведен в мичманы, каковое событие, дорогая Джойана, есть причина моей гордости и радости, понятной любой матери. Вы, коли возникнет у Вас такое желание, можете подробнейшим образом расспросить его обо всех моих делах, ибо Сэйвард весьма о них осведомлен, возможно, даже более, чем следовало бы сыну быть осведомленным о делах матери. К моей величайшей радости, юноша был назначен мичманом на военный шлюп («Юркий» – вымарано цензурой) и ближайшие несколько лет проведет близ милых моему сердцу берегов Вашего острова. Таким образом, дражайшая Джойана, у Вас есть возможность в живой и увлекательной беседе с этим юношей узнать из первых рук о том, как шли дела мои и моего семейства все это время. Что, несомненно, будет гораздо приятней и интересней, нежели попытаться описывать их на бумаге. Уповаю на то, что

Вы, моя дорогая, в память о давнем нашем знакомстве, не оставите юного Сэйварда своим покровительством.

Что же до меня, то вкратце дела мои таковы. Отпраздновав совершеннолетие дочери моей Эрмейн и оную просватав, получила я наконец-то возможность завершить начатое мною несколькими годами ранее обучение в заведении, образованном «для вящего распространения знаний в армии». Вы, моя дорогая, без сомнения, догадались, что я имею в виду. Вы всегда на моей памяти отличались завидным умением «читать между строк». Не знаю, порадуют ли Вас мои успехи, но все же спешу доложить, что поступить мне удалось сразу на «практический» курс, коий занимает собою год. Итак, прошедший год я провела в Эйнсли, в доме моей родни по матери, и все время свое посвящала изучению наук, потребных для моей будущей карьеры. Отделение я выбрала (геодезическое – вычеркнуто цензором), ибо оно более отвечало моим пожеланиям, нежели общее. В числе прочих предметов в курс включены (физическая география, священное начертание, военная статистика, геодезия со съёмкой и черчением, картография, а также сведения по инженерной и артиллерийской части – тщательно вымарано цензором) и прочее. И если Локка подарит мне улыбку удачи воина, то когда-нибудь мне предстоит применить все это на практике, и я не устану молить Господу, чтобы время это настало как можно скорее. Выпустилась я по 2-му разряду, что означает, дорогая Джойана, возвращение мое в армию в прежнем чине, без повышения. Вы спросите меня, дорогая, отчего я не приложила больших усилий и не использовала возможность попасть на дополнительный курс, дабы пополнить собою славные ряды офицеров (корпуса Генерального штаба – вычеркнуто цензором)? Признаюсь, подобные честолобивые мысли одолевали меня, и довольно часто, однако не так давно произошло событие, яснее ясного указавшее мне, что всяк потребен на подходящем ему месте. Речь идет о приеме, организованном для успешно выпустившихся из стен (Академии – вычеркнуто цензором). Не стану утомлять Вас, дорогая, подробным описанием сего мероприятия – они настолько похожи друг на друга, что ежели довелось видеть одно, то и прочие можно представить без труда. Скажу лишь, что участие мое едва не сорвалось из-за досадного и нелепого конфуза – оказывается, за последние годы я несколько раздалась в груди, отчего застёжки парадного моего мундира не пожелали на ней сходиться; однако четыре клина быстро поправили дело. Итак, на прием я все же попала и, должна признаться, чувствовала бы себя там не слишком уютно поначалу, если бы не поддержка моего доброго друга эрна Фрэнгена, коий сопровождал меня, как и подобает при наших с ним отношениях...

* * *

... – Кэдвен, немедленно прекрати трястись и лупать глазами, словно сова-курсистка! – глухо прорычал эрн Фрэнген и незаметно пнул супругу по лодыжке. Коротко, прицельно и почти не больно. Зато обидно и действенно. – И расправь плечи. Не треснет твой мундир, не переживай.

– Чтоб тебе Маар-Кейл под окнами выли, Фрэнген! – зашипела она в ответ, точь-в-точь кошка, получившая сапогом по хребту. – Еще раз пнешь – и я скормлю твои сапоги твоим же свиньям, так и знай!

– А потом накормишь меня мясом моих собственных детей, – хмыкнул он. – Повторяешься, дорогая. Когти Локки, как же ты мне надоела...

– Взаимно, – лучезарно оскалилась она. – Посмотри, значок там ровно?

– погоди, – Фрэнген замедлил шаг и аккуратно поправил серебряный значок Академии на отвороте ее мундира. – Теперь ровно. Хвост тоже на месте, не вертись. Все. Пошли.

Широкая лестница, ведущая в бальный зал, казалась сплошным серым потоком, вопреки всем земным законам устремленным не вниз, а вверх. Мундиры, мужские «хвосты» и косы, женские береты, галуны и шарфы, блеск эполет и аксельбантов – словно солнечные блики на свинцовых волнах. На выпускной бал свежее испеченные «академики» обязаны являться непременно с парой. Но большинство дам, ступавших на зеркальный паркет большого зала, тоже попирали его начищенными сапогами и мели подолами форменных юбок. Гражданские платья по фэйристанской моде были здесь столь редки, что их обладательницы казались чужими залетными птицами посреди мрачного строя вилдайровой Своры.

– Благородная и могущественная эрна Грэйн, владелица земли Кэдвен!.. Благородный и могущественный эрн Рэйберт, владетель земли Фрэнген!..

– Вот кому должны выть под окнами Маар-Кейл, так это гребаным церемониймейстерам, – с усмешкой шепнул «благородный и могущественный эрн». – За триста с чем-то там лет можно ведь придумать что-нибудь не такое громоздкое, а?

– Прекрати, – Грэйн сморщила нос. – Где бы мы сейчас оказались, если б не священные традиции?..

* * *

...И Вы можете представить мое удивление, дорогая Джойана, когда я была удостоена внимания персоны, Вам, вероятно, известной, каковая в свое время оказывала мне значительное покровительство, сказавшееся на моей карьере и моей жизни. В весьма изысканных и теплых выражениях похвалив мои успехи, означенная персона дала понять, что все это время не оставляла меня и мою семью своим вниманием и готова, буде возникнет у меня такое желание, и впредь покровительствовать семейству Кэдвен, как мне, так и моему старшему сыну, Сэйварду. Более того, в разговоре прозвучала и радость от того, как сильно Сэйвард походит лицом на своего деда по материнской линии, и одобрение тому, что мой первенец и наследник моего имени и владения избрал для себя путь посвященного Морайг. Вы легко представите себе, дражайшая Джойана, какие чувства охватили меня в тот момент...

* * *

...Страх. Именно так оно и называется, это самое чувство. Когда руки и ноги холодеют так, словно ты стоишь по горло в ледяной воде моря Кэринси, тонкая батистовая рубашка прилипает к мгновенно вспотевшей спине, и только плотное сукно мундира спасает от публичного позора; когда каждый волосок на твоей шкуре встает дыбом, уши сами собой прижимаются, а верхняя губа начинает подрагивать в предупреждающем оскале... Ролфийский страх выглядит

именно так – зеленый прищур, чуть сморщенный нос и белая полоска клыков меж приоткрытыми, будто в улыбке, губами.

– Моя дорогая эрна Кэдвен! Вы и представить не можете, как же я рад вас видеть!

Небеса не содрогнулись, луны не рухнули на землю, моря не вскипели, музыканты не сфальшивили ни в единой ноте воинственной дринги, а танцующие не сбились с шага. И даже бокал, который Грэйи небрежно держала наотлет в левой руке, не дрогнул в ее пальцах. Но ноздри лорда-секретаря Собственной Е.С.О. Канцелярии уже довольно раздувались, пробуя на вкус этот сладкий запах – пряный аромат давнего страха. Что ж. Тут нечего стыдиться. Недаром ролфи говорят: «По-настоящему бесстрашны только покойники».

– Взаимно, милорд. – Она чуть дернула подбородком, обозначая вежливый кивок.

– Наслышан о ваших успехах, моя эрна, хотя... – Конри сделал почти незаметный шагжок вправо, перекрывая ей путь к бегству. – Право, мне казалось, что вы были способны на большее, нежели выпуск по 2-му разряду. Разве что повышение в чине и служба в рядах офицеров корпуса Генштаба вас более не прельщает?

– Увы, милорд, – Грэйи показала зубы. Пока в улыбке. – Чем старше я становлюсь, тем более близка мне мысль о том, что не стоит пытаться прыгнуть выше головы.

– Верно, – тонко улыбнулся лорд-секретарь. – Хотя я знаю один способ проделать такое – повиснуть вверх ногами, ха-ха. Вижу, годы прибавили вам не только красоты, но и опыта, а также рассудительности, моя эрна. Полагаю, за это стоит благодарить вашего супруга? А впрочем, это не важно! – Он подхватил с подноса проходившего мимо слуги такой же тонкий бокал, что и у нее, пригубил вина и заметил с ноткой сожаления: – Увы, эрна Кэдвен, хоть ваши достижения и впечатляют, и опыта вам теперь не занимать, но вряд ли вам удастся так уж сразу получить должность, подходящую вашему чину. Разве что вы и впрямь захотели бы испытать свои силы на дополнительном курсе и влиться затем в корпус Генштаба... Нет?

«Мимо, Конри, – подумала она, мотнув головой. Пушистый волчий хвост, приколотый к берету Грэйи, качнулся и мазнул ее по щеке. – На честолюбие меня теперь не поймаешь. Локка!.. Я так надеялась...»

– И отделение вы выбрали геодезическое, – продолжал Конри, задумчиво покачивая в руке бокал. – Станный выбор. Рунопись, военная топография, статистика, инженерная и артиллерийская часть, тактика... Все это весьма пригодилось бы коменданту крепости на каком-нибудь отдаленном острове, но, насколько мне известно, все наши крепости и форты уже вполне укомплектованы офицерами. А вы ведь занимали должность помощника коменданта форта Кэйдриен, не так ли?

– Абсолютно верно, милорд, – Грэйи кивнула, оценив его осведомленность.

– Как удобно. – Лорд-секретарь был само участие. – Муж командует гарнизоном, а верная супруга во всем ему помогает! И притом успевает не только разводить свиней и выращивать «земляные клубни» на своих скудных землях, но и воспитывать сыновей! Вот пример, достойной ролфийской жены! А сыновей у вас двое, эрна?

– Двое, милорд. И дочь.

Страх, он же присущ любому живому существу под тремя лунами. Будь ты ролфи или шуриа, диллайн или полукровка, хоть раз в жизни, но ты почувешь затылком ледяное дыхание страха, воочию представишь, как стальные его когти, занесенные над тобой, вот-вот вопьются в загривок... Можно оцепенеть, не в силах шевельнуться или даже вскрикнуть, – в жизни эрны Кэдвен бывало и такое. Можно бежать со всех ног, не чуя под собою земли, – и это ей приходилось делать, что уж скрывать! Или развернуться и, оскалив клыки и роняя пену бешенства с губ, рвануться вперед, чтобы яростью побороть ужас, а там – будь что будет! Оцепенение, бегство, бой – три варианта, но ни один не годится сейчас. Но годы и вправду пошли Грэйи на пользу, особенно годы с Фрэнгеном. Его то заслуга или нет, но теперь ролфийка от страха

не тупела, как поначалу, а наоборот, начинала гораздо быстрее соображать. Особенно когда боялась отнюдь не за себя.

– Ваш старший унаследует имя и землю Кэдвен, я полагаю, – мурлыкнул Конри. – Верно ли, что ваш... Сэйвард, говорят, весьма похож на вас лицом? Сэйвард эрн Кэдвен... надо же! А вы отважная женщина, моя эрна. Не уверен, что рискнул бы так дразнить судьбу, тем паче, сей юноша выбрал себе стезю моряка. Пошел по стопам деда?

«Будь ты проклят, пес! – Только Локке ведомо, чего стоила Грэйи ее улыбка и спокойный вопросительный взгляд, молча брошенный на лорда-секретаря. – Будь ты три тысячи раз проклят!»

– Не понимаете, моя эрна? – Тот отставил бокал на подоконник и чуть склонился, предлагая ей руку. – Ну что ж, возможно, нам стоит отложить этот разговор. Хотя какая мать не позаботится о будущем сына? Вы не откажете мне в танце, эрна Кэдвен?

Она по старой, давным-давно похороненной привычке закусил губу и быстро повела глазами вправо-влево в поисках хоть чего-нибудь, что могло бы избавить эрну Кэдвен от подобной чести. Увы, во всем огромном балном зале Военной академии Ролэнси не нашлось желающих спасти даму. И оркестр, как назло, с дринги и райлига, танцев преимущественно мужских, переключился на вальсы. Что же теперь, доставлять Конри лишнее удовольствие и метаться по залу в поисках темного уголка, этакой норы, куда можно забиться?

– Увы, милорд, с некоторых пор моя супруга танцует только со мной.

Фрэнген подошел неслышно и встал у нее за плечом. Грэйи, почуввав поддержку, слегка подалась назад и положила ладонь на подставленный локоть мужа.

– Очень жаль, капитан, – белозубо улыбнулся Конри.

– Майор, с вашего позволения, милорд, – прищурился тот.

– Что ж, не смею настаивать. Был весьма рад нашей встрече, эрна Кэдвен. Надеюсь, далеко не последней. Моя эрна. Майор.

И только когда спина лорда-секретаря скрылась в водовороте мундиров и форменных юбок, Грэйи смогла выдохнуть сквозь плотно сжатые зубы:

– С-сука...

– Что он хотел? Грэйи?

Женщина молчала, будто не слышала, и нервно кусала себя за палец.

– Кэдвен! – требовательно воззвал майор. – Ты отгрызла себе язык? Отвечай. Что он хотел?

– Потом, – отмахнулась она. – Не здесь. Скажи мне лучше... Сэйвард уже получил свое назначение? На Тэлэйт, как мы и думали?

– Да, насколько я знаю. Благодаря своего полусовиного брата. Лишь Морайг и Локка ведают, как твоему Апэйну удалось устроить парню это назначение... Но малыш собирался отгулять неделю отпуска в твоём поместье, а лишь потом...

– Напиши ему, Фрэнген. Пусть немедленно собирается и едет к нам в гостиницу. С вещами. Его отпуск отменяется.

– Так. – Майор Фрэнген больше не нуждался в объяснениях. Он тоже умел неплохо и быстро соображать. – Я отправлю к нему в казармы своего денщика и вернусь, а ты...

– Я буду ждать тебя здесь. Мне стоит переговорить кое с кем...

Грэйи прошла взглядом по залу, не слишком надеясь отыскать в толпе высокую и мрачную фигуру того, кто должен, просто обязан посетить выпускной бал! Согласно регламенту – во-первых, а во-вторых – они же уговорились встретиться, и непременно на людях... А! Вот же он!

«Может, хоть ты, братец Удэйн, объяснишь мне – на кой ляд я вдруг понадобилась Конри?»

* * *

...однако кое в чем означенная персона была, безусловно, права, дорогая Джойана. Увы, в наше непростое время весьма сложно женщине, столь долгие годы довольствовавшейся скромной должностью помощника коменданта, получить то назначение, кое я всем сердцем для себя желаю. Во всяком случае, не имея соответствующей протекции, высокого покровительства или же не совершив чего-либо, что выделит меня в ряду мне подобных. Впрочем, кое-какие шаги в этом направлении я предприняла. Возможно, мой посвященный брат, с которым Вы, моя дорогая, неплохо знакомы, сможет помочь мне. Хотя, если быть совсем откровенной, то он уже помог. Впрочем, об этом, ежели Вам стало интересно, можете расспросить Сэйварда. Скажу лишь, что, вполне вероятно, вскоре мне предстоит оказаться не так уж далеко от тех мест, где мы с Вами, Джойн, отведали однажды на завтрак весьма оригинальное блюдо...

* * *

– Ну, все, Кэдвен, уже все, – Фрэнген, вообще к нежностям не склонный, даже в такой ситуации ограничился лишь тем, что потрепал Грэйну по плечу. Женщина устало откинулась на потертую кожаную обивку сиденья и закрыла глаза. Будь их брачный союз более традиционным, ей, пожалуй, и пришлось бы в голову прижаться к супругу в поисках поддержки и защиты, но в том-то и дело, что союз равных браком можно назвать с большой натяжкой. Этакое боевое содружество ради совместной охоты, драки с конкурентами и рождения законных детей. С одной стороны – сплошные преимущества, с другой же... Грэйну могла быть больной или раненой, усталой или вусмерть замученной, но слабой? О нет, только не с Фрэнгеном. Этот не пощадит.

– Да ладно. – Она выдавила хриплый смешок. – Не обольщайся. Все только начинается.

– Да, – помолчав, согласился Фрэнген, глядя на проплывающие за окном кареты улицы Эйнсли. – Мы все-таки ошиблись тогда. Жаль признавать, но это так.

– Ты недоволен тем, что мы получили четыре пятилетия спокойствия и безопасности, а наши земли – наследников? – Грэйну приоткрыла один глаз и скривила губы в неприятной усмешке. – Кровь Морайг, майор, неужто я настолько тебя заела?

– У тебя не было ни желания, ни возможности это проделать, Кэдвен, – фыркнул он. – Учитывая, что после рождения близнецов наш союз стал и вовсе номинальным...

– Ты, помнится, сам это предложил.

– Я должен был дожидаться, пока ты соберешься с духом и выгонишь меня из постели? Да, наш окоп оказался не слишком надежен. Но по крайней мере ты набралась сил и передохнула.

– Это уже очень много, брат-волк, – она вздохнула и легонько коснулась его плеча. – Правда. Но Конри оказался не только злопамятен, но и терпелив. Пора мне вылезать из логова самой, пока он меня не выкурил. Или не выманил на волчат, – Грэйну снова вгрызлась в свою многострадальную губу. – Я должна покончить с ним до того, как он покончит со мной и всем моим родом. Не стоило надеяться, что... Эх!

– Полагаешь, ему интересен только Сэйвард? – Фрэнген перешел к делу. – А близнецы?

– Они – твои наследники, Рэйберт, они с самого начала – твои. Носят твоё имя, наследуют твои земли и принадлежат твоей крови, – жестко напомнила Грэйну. – Но все же лучше будет, если они окажутся так далеко от меня, насколько это возможно. И ты тоже. Твоя забота, друг

мой, – сберечь близнецов. Эрмейн просватана, а за Вигдайра я не беспокоюсь и вполнину так, как за Сэйварда. Конри нужны только Кэдвены, до майора же Фрэнгена и его детей никому нет дела.

– Грэйи, расторгать союз сейчас – это струсить. – Он прекрасно понимал, к чему она клонит. – Получится, что я наложил в штаны и немедля отказался от женщины, с которой не только когда-то спал, но и, смею надеяться, дружил.

– Чушь. Ты развяжешь мне руки – только и всего. Или тебя больше заботит репутация? О нет – развод, громкий и скандальный! Я даже косу обрежу, как и положено с позором изгнанной мужем потаскухе, чтобы точно никто не усомнился.

Майор помолчал, задумчиво побарабанил пальцами по обивке сиденья и признался:

– Я устал от тебя, Кэдвен. Несмотря на то что видимся мы теперь от силы раз пять в год, а ты никогда не лезла в мои дела и не пересчитывала моих женщин. Я все равно устал. Что ж... наверное, ты права. Не стоит превращать наш окоп во взаимную темницу, а спасательный конец – в камень на шее. Дети выросли, и нас связывает теперь только дружба.

– И огонь посвящения. – Она улыбнулась. – От этого мы точно никогда не избавимся, брат-волк. Давай, не тяни. Скажи это.

– Я счел наши обязательства исполненными, моя благородная спутница и мать моих сыновей. Считаешь ли ты так же?

* * *

...Засим я прощаюсь, дорогая Джойана. Еще раз напомню Вам, что обо всем Вы можете подробно расспросить моего сына. Смею также надеяться, что Вы не оставите юношу Сэйварда своей любезностью и покровительством, на каковыи столь богато Ваше сердце. Пусть Госпожа моя Локка пошлет Вам и Вашим близким улыбку удачи отважных, а Госпожа Яблук одарит Вас и Ваш прекрасный остров своею щедрой милостью.

Писано в гостинице «Якорь и меч» города Эйисли, владения Лэнси, Священного Княжества Ролэнси 12 октября 328 года от ВР.

Посвященная Локки капитан эри Кэдвен Грэйи.

Джэйфф Элир

Стук дождевых капель по веткам навеса, густой грибной запах прелых листьев, тихое перешептывание сосен и далекий глухой рокот моря – самое то, чтобы спать без задних ног до рассвета. Но командир шантийских егерей – капитан Элир – сам себе придумал причину для ранней пробудки, мол, дескать, костер залило, холодно ему и зябко в осеннем лесу. Его спутники только переглянулись понимающе. Сами такие. Вот уже двадцать лет шуриа просыпаются перед рассветом и ждут восхода солнца с трепетом и восторгом. Даже мужчины, вроде Джэйффа Элира, за чьими плечами века жизни и бесчисленное количество рассветов и закатов. И каждый раз сердце сына или дочери Сизой Луны – Шиларджи замирает от ужаса и счастья, когда видят они, как распускается алый цветок зари. Юным – Рожденным После – не понять. Они не знают смертельного страха своих родителей перед Порогом, который не каждому шуриа дано было перешагнуть, тем самым избежав Внезапной Смерти.

За плотной пеленой дождевых туч не разглядеть восхода, и только самый опытный и зоркий глаз приметит тонкую грань между ночными и утренним сумерками, но те, в чьих жилах еще не так давно текло Проклятье, безошибочно чуяли этот миг. И не могли спать.

Заварили сушеной черники пополам с земляничным листом и пили кисловатый ароматный напиток медленно, грея пальцы о жестяные кружки, вдыхая целительный пар.

У простудившегося Бэнджо, пока тот допил свою порцию, и насморк прошел – сама земля Шанты и все, что росло на ней, врачевали детей Шиларджи лучше всяких приезжих лекарей. Ну и Джэйфф маленько пошаманил, само собой. То ли прогнал болячку, то ли завел ее подальше и утопил в ручье, пока Бэнджо спал. Обычно капитан Элир попусту не чаровал, но уж очень громко храпел соратник с забитым носом.

– И что мы скажем эрну Тэлдрину, командир? – спросил на радостях исцеленный от жуткой гнусавости следопыт.

– А то и скажем, – нахмурился Джэйфф. – Что семью смотрителя маяка вырезали неизвестные выродки под корень.

– За «неизвестных» он нас по шерстке не погладит, – согласился второй спутник по имени Эраш – тощий и низкорослый, словно подросток. Сразу видно, полукровка.

– А мы Тэлдрину не для того потребны, чтобы нас гладить и за ухом чесать, – отрезал бывший рилиндар.

Настроение его, неустойчивое, как у всех шуриа, окончательно испортилось. И на то была веская причина, о которой Джэйфф решил сотоварищам пока ничего не говорить. А вот перед генерал-губернатором придется держать ответ по-честному. То, что мирных ролфи убили на Шанте, уже само по себе плохо. Еще хуже то, *как* их убили. Зверски: запытали, замучили, не щадя ни детей, ни женщин, не говоря уж о смотрителе маяка. И ведь не первый раз такое приключается. Третье убийство с начала осени.

Бэнджо и Эрашу невдомек, а Джэйфф, осматривая изуродованные трупы, сразу смекнул – кто-то старательно копирует Рилинду. Причем именно страшные сказки про рилиндарские кровавые забавы. Словно глаза вдруг открылись. Бац! И спала пелена. До этого случая отчего-то думалось – северяне злобничают. Очень ведь похоже – убивают живущих уединенно, на отшибе – ролфийские и смешанные семьи. Потому что в шурианском селении сразу заметят чужака с порченной тленом душой. Но откуда северянам знать про Рилинду?

Хлопать себя по лбу с досады Джэйфф не стал, но попенял на «слепоту», недостойную капитана шантийских егерей.

– Возвращаемся в Шилу! – приказал он.

Крепость так и осталась именоваться Сигрейн, а город, выросший за двадцать последних лет под ее защитой, теперь уже официально, на всех картах звался Шила – по-шуриански Слепая, как и скала, на которой стоял ролфийский форт. К нему теперь вела хорошая дорога со всем, что положено иметь оживленному хоженному тракту, чтобы приободрить путника: трактирами, постоялыми дворами, почтовыми станциями, полицейскими заставами и прочими приметами цивилизации. К добру ли то или к худу, но перемены заделали почти всех шантийцев – и местных шуриа, и поселенцев-ролфи, и залетных диллайн. Джэйфф тоже приобщился. Нет, мундир с ролфийскими знаками различия он не смог заставить себя носить, а вот жалованье и довольствие получал регулярно. Но более всего порадовала змеиное сердце новенькая казнозарядная винтовка. Впрочем, от устаревшего оружия Элир тоже не отказывался – до сих пор носил за поясом пистолет с гравировочкой. Любопытным соратникам на все вопросы отвечал: «Дорогой подарок!» и делал одухотворенное лицо, а вернее, корчил рожи, когда был в духе, а под горячую руку вопрошающий мог получить по шее или по печени.

К недовольному капитану никто не лез с разговорами, даже по делу. Если Джэйфф топает как заводной без отдыха и остановки до самого заката, то лучше его не трогать. Элир думу думает.

А размышлял бывший рилиндар о вещах непростых, можно сказать, даже политических – продумывал каждое слово, которое будет сказано генерал-губернатору острова Тэлэйт эрн-Тэлдрину, когда они останутся наедине. Дело с убийствами выходило крайне деликатное, требующее особого подхода.

Двадцать четыре года Шанта под покровительством Священного Князя обретается, числясь доминионом, и не бедствует совсем. О голоде шуриа успели забыть, о разбойниках-чори тем паче, а потому размножились, следуя вековечному закону жизни. Но и ролфийского населения тоже прибавилось изрядно. Солдаты и офицеры, кто не женатый и не обрученный, женились на любвеобильных шурианках за милую душу. А когда Священный Князь измыслил хитрую штуку – за пятнадцать лет безупречной островной службы даровать титул *земельного*, но без трех священных эйров, то многие остались на Шанте. Инженер-полковник военно-топографической службы Нер, диллайн и бывший синтафский офицер, по-ученому называл Вилдайрову выдумку социальным подъемником.

«В любом обществе, друг мой Элир, должен иметься способ подняться из низов. Непростой и только для самых упорных, но обязан быть. Чтобы бойкий парень из хижины мог, при огромном желании и силе воли, подняться до эрна, пускай даже его три священных эйра будут сто раз «змеиными», – объяснял Нер. – Иначе будет, как сейчас в Синтафе».

А на континенте вот уж двадцать лет тлела, то разгораясь, то стихая, война княжества Файрист и Империи Синтаф. Лишенные магии, ожесточенные мятежники и теряющие силы маги-эсмонды рвали в клочья то, что осталось от Великой Империи. Недаром Аластар Эск с каждым своим визитом на Шанту становился все больше похожим на призрак самого себя. Война и бремя власти, точно два паука, медленно высасывали из него жизнь. А дух князя диллайн... Джона не хотела говорить об этом, поэтому свое мнение Джэйфф Элир держал при себе. Она такая же шуриа, она обязана видеть. Даже будучи слепой, как все любящие, все равно должна чувствовать...

– Эй, командир! Слышишь? – окликнул капитана Эраш.

Элир очнулся от раздумий, осмотрелся вокруг и прислушался. Во-первых, они еще далеко от Шильской дороги, а во-вторых, где-то совсем рядом топают ролфи. С непривычки можно решить, что вепрь ломится через чащу. Но даже разъяренный зверь бежит тише и аккуратнее, чем несколько хелаэнаев.

Шум происходил из овражка, спрятанного от тропинки еловым подлеском, и производился могучими легкими капрала ир-Райига – денщика его высокопревосходительства генерал-губернатора эрн Тэлдрина. Его авторству принадлежал и сотрясающий землю топот.

– Вот зря вы, ваша милость, пытались сами идти. Отдохнуть бы вам, отлежаться. Столько крови потеряли, совсем должны быть без сил.

Густой бас дюжего сына Хелы по праву сравнить можно было лишь с пушечным залпом. Аж ушам стало больно. И не только шуриа, но и подопечному ир-Райига.

– Ляжки Глэнны! Отстань от меня! – взорвался эрн Тэлдрин и прибавил еще несколько словес, коих при супруге своей и малолетней доченьке никогда не произносил даже в подпитии.

– Добренького денечка, ваше высокопревосходительство, – издали поздоровался с елками Джэйфф. – Как здоровычко?

Внезапно появляться из кустов он не рискнул. Столкнуться нос к носу с ролфийским капралом опасно для здоровья. Доблестный ир-Райиг от неожиданности сразу стреляет, причем, к несчастью, очень метко.

– Элир?

Неведомо чего в голосе эрн Тэлдрина было больше – радости или возмущения.

– Он самый, вашество.

Бывший рилиндар просунул меж веток смазливую свою физиономию и солнечно улыбнулся окровавленному с головы до ног эрну губернатору, коего тащил на закорках верный денщик.

– Порезались, когда брились? – с самым невинным видом спросил шуриа. – Или комарика убили?

Ролфи, уже собиравшийся разразиться яростной речью, фыркнул:

– Тебе бы все балагурить, головорез ты рилиндарский.

– Я-то, может, и головорез, но голову, похоже, отрезали вам.

Лоб губернатора стягивала гигантских размеров повязка, пропитанная насквозь кровью, рваная одежда ясно свидетельствовала, что могущественный владетель Тэлдрина не так давно отчаянно сражался за свою жизнь с превосходящими силами противника. И победил в неравной схватке, хоть и не без потерь в живой силе.

– Так! А где ир-Грийд и эрн Флонри? Почему нет Джаарма? И вообще, что вы здесь делаете совсем один?

За почти два десятка лет бродяга рилиндар втянулся в армейскую лямку и мгновенно вспомнил, что это он тут капитан шантийских егерей.

– Убили всех, а насчет шуриа я, признаться, сгруппировал. Оставил в Шиле со скандалом.

За эрн Тэлдрином водился грешок устраивать внезапные инспекции на мелкие заставы, а зная шурианскую способность распространять сплетни со скоростью ветра и неумение держать язык за зубами...

– Все с вами понятно, сударь мой, – вздохнул Джэйфф, выбираясь из объятий молоденьких елочек. – Положите вашу ношу на шинель, ир-Райиг. А вы, милорд, не дергайтесь. Сейчас посмотрим, что там у вас с головой.

К вящему удивлению бывшего рилиндара, ролфи сопротивляться не стал, он ничего не сказал. Зато выразился сам Элир, когда отлепил повязку.

– Ну, кто же, дери его козел, так с человека скальп снимает, а?!

И осекся. Ир-Райиг закашлялся, а шуриа-егеря так и вообще к земле приросли.

– Ваше высокопревосходительство, не обманывают ли меня глаза? С вас действительно пытались снять скальп?

– А на что еще это похоже? – не скрывая сарказма, полюбопытствовал сын Морайг.

– Похоже, кто-то на Шанте решил возродить Рилинду, – честно ответил Джэйфф Элир – последний ее воин в мире под тремя лунами.

– Поясни.

Но Элиру приказывать все равно, что кошек в повозку запрягать.

– Не сейчас, вашеество. Потом.

Однако же и генерал-губернатор острова Тэлэйт слишком непокорным уродился, чтобы позволить шуриа командовать.

– Э, нет, владыка Шанты, ты у меня не выскользнешь, – грозно рыкнул он. – Ну-ка, отправь-ка своих ребят погулять и выкладывай. Ир-Райиг, ты тоже свободен. Свободен, я сказал!

И увернулся от цепких рук Джэйффа.

Тому же ничего не оставалось делать – только ответ держать перед начальством. Владыкой Шанты он был от силы день-два, а теперь – простой шантийский офицер. Дожил!

– Маячника Ригнайра убили, – мрачно сказал Элир. – И женку его, и сына, и даже тетку со стороны супружницы. Плохо убили, замучили, точно нелюди. Даже мне неприятно стало, а я – человек, привычный к ужасам. – Он осторожно покосился на Тэлдрину. – Хелаэнаи сказали бы, что по-рилиндарски.

Тот оценил нюанс и сообразил сразу:

– А что скажет рилиндар?

Шуриа, конечно, народ, не отличавшийся никогда милосердием к врагу. А кто отличался-то? Диллайн, что ли? Но и про Рилинду лишнего наплели за несколько веков.

– А рилиндар скажет, что кто-то наслушался страшных сказок и решил поиграться в Рилинду. И уже не первый раз, как тебе известно. Стало быть, вошли во вкус. – Джэйфф сплюнул от злости. – Но я сначала пенял на северян, а тут, гляжу, что никакие это не северяне. Свои это, вот что самое поганое.

– Вопрос еще, кто именно решил поиграться... – Эрн Тэлдрин поморщился. – Если бы не это, – и ролфи показал на свою голову, – я бы и насчет моих волчар засомневался, но нет. Ляжки Глэнны, Джэйфф! Это же гребаный пре-це-дент! Ты ж понял? Покушение на, м-мать, высшее должностное лицо! Кто следующий-то? Княгиня Джойн? Или, страшно сказать... – и генерал-губернатор, и без того бледный, позеленел. Перспектива вырисовывалась устрашающая. Если покушение на его губернаторскую особу влекло за собою только разбирательство, то попытка убийства Священного Князя или его официальной невесты (которую ролфи для простоты и во избежание путаницы именовали княгиней Джойн) – это военное положение, Гончие из Собственной Канцелярии под каждым кустом и, не допусти Локка, там до карательных отрядов недалеко.

Прецедентов эрн Тэлдрин боялся всегда, еще с тех пор, как познакомился с Джэйффом Элиром. И с того самого времени неизменно и регулярно влипал в весьма щекотливые ситуации. Но сейчас шуриа полностью с ролфи согласился. Не за горами очередной визит Священного Князя, а тот на безобразия и смертоубийства подданных закрывать глаза не станет. Впервые за двадцать лет Элир пожалел о том, что Джойана отказалась ехать на Ролэнси. Сидела бы себе в Эйсли, тогда и Вилдайт не частил бы на Шанту, и они бы тут потихоньку разобрались, кто ролфией режет. По-родственному, кулуарно.

– Да уж! Прецедент опасный. Кстати, а ты не запомнил нападавших? Каковы из себя? Точно не северяне?

– Да хрен их разберет, Элир, – эрн Тэлдрин дернул рукой, чтобы привычно поскрести в затылке, и с досадой скривился: – Темно было. Остановились мы на дворе у Хэйзи, ну знаешь, перед речкой. В первую стражу пошел Флонри. Вот как он сменился, так и началось. Иргрида сняли грамотно, никто и ни пикнул. Заложили двери и подпалили нас, как гребаных овец! Ну, мы ж двери выбили, тут Хэйзи и сунулся наружу, да с бабой своей... Натурально, их как курят перестреляли, а потом уж за нас взялись. Было их... – ролфи задумался, – человек десять. Одного завалил Флонри, потом и его прикончили. Мы с Райигом засели в доме и отстреливались, потом пошли на прорыв. Тут меня и шарахнуло. Очухался – стоит надо мной урод с замотанной мордой и режет меня, да так нагло, с-сука. Ну, я его скейном, тут и Райиг подоспел. Троих, а может, и четверых мы положили точно, но вот насмерть или нет, не скажу. Еле ноги унесли. Сначала оба ломились, а последние лайгов пять Райиг меня тащил. Так что не видел я их морд, Элир, – и горестно вздохнул. – Слушай, ты там глянь – точно не успел он меня ободрать, а? Меня ж эрна Долэйн сама зажарит, если я к ней явлюсь лысым уродом...

Что правда, то правда. Грозный эрн Тэлдрин, на людях и в отсутствие супруги всячески бравировавший своей мужней властью, уродился безнадежным подкаблучником и от Джэйффа этого обстоятельства не скрывал. Генерал-губернатор лишнего слова поперек эрне Долэйн сказать боялся. Да тут любой бы забоялся, ибо по сравнению с тяжелой на руку и острой на язык генерал-губернаторшей образцом женской кротости показалась бы сама Огненная Локка.

– О! Скальп надо уметь снимать, тут практика нужна, – назидательно заявил Джэйфф. – Сразу видно, что резали абы резать. Бестолочи!

Возмущение его было таким же искренним, как и легкое замешательство в глазах Тэлдрина. Того и гляди, шуриа решит исправить недоработку охотников до ролфийских скальпов. Генерал-губернатор недовольно поджал губы, пресекая на корню живодерские разглагольствования капитана егерей.

– Опять же, вот и еще одно доказательство, что свои, то бишь – шуриа, – пошел на попятную языкастый Элир. – Не нравится мне это, Тэлдрин, совершенно не нравится. Но ничего, я разберусь, что и к чему. Дай только срок.

– Да я-то дал бы, но... Джэйфф, со дня на день Священный Князь наведается. А не доложить я ему не могу. Так что ты уж разберись, пока он сам не начал... разбираться. И пошустрее. Сам понимаешь, до тех старых времен нам тут рукой подать, если что...

Старые времена не успели еще как следует устареть, говоря по правде. Шуриа и ролфи – не северяне, они не изнашиваются за какие-то сто лет, не забываются века резни со сменой поколений. Всегда есть кому помнить и о плохом, и о хорошем. Да и слишком тонкая это материя – взаимоотношения между народами.

– На святое покусились, твари, на Рилинду!

Тэлдрин не выдержал, хихикнул и сразу же сморщился от боли:

– Ну да, на нее, на легендарную. А то ты сам не знаешь, как рождаются легенды! Вот как раз давеча сплю, значит, и вдруг слышу – эрна Долэйн моя ревет, да так жалобно, прям сердце зашло! Сроду не ревела, а тут на тебе! Я говорю, ты чего, моя эрна? А она и показывает книжку. Обложечка такая яркая, как бабы любят, мужик там навроде тебя и тетка. Роман, значит, конфедератский. Жалостливый, говорит. Про то, как один шурий свою любимую ролфийку убивал. Так что...

– Асшшшшш! Ну что за люди? Стоило под горячую руку брякнуть: «Где Грэйн, где Грэйн? Убил и съел», а они давай сочинять сказки. Язык даю на отрыв, что эту чушь Тиглат придумал. Для пущей романтичности, – разозлился Джэйфф не на шутку.

Каждое упоминание об «идберранском подарочке» Шэйзе Тиглате вызывало у бывшего рилиндара приступ бешенства. Вот так и щади врага, проявляй милосердие к заблудшим! «Надо было выпотрошить, как рыбу. Живьем. И сделать из черепа второй светильник», – думалось Джэйффу. О первом подсвечнике, сработанном из головы обидчика Грэйн, по Шанте ходили самые жуткие слухи. Тиглат же был из тех немногих шуриа, кому Элир показал, как обретается после смерти дух капитана Нимрэйда. Молчаливый призрак, покорно сторожащий коврик у входной двери вот уже двадцать три года, прекрасное наглядное пособие для сомневающих в силах шурианского шамана.

– Да уж, он такой, романтичный гад, Тиглат твой... Ну что? Дашь мне пару своих, чтоб до форта добраться или хоть до дороги?

– Я сам тебя до Шилы доведу, – неожиданно заявил Джэйфф и пояснил: – Парни сами разберутся, а я не хочу пропустить визит Его Священной Особы. Поговорить надо.

– Надо, причем именно тебе и наедине, – согласился Тэлдрин. – А официальная версия у нас пока будет такая... – генерал-губернатор Доминиона Шанты, забыв про свой много-страдальный скальп, нахмурился и рыкнул от боли: – Так. Убийства эти и покушение на мою особу – суть происки конфедератских недобитков или синтафских диверсантов-полукровок. Мало ли какая сволочь могла сюда втихаря проскользнуть. Береговая охрана тоже не всевидяща, а юго-западное побережье сплошь бухточками изрезано. Там при желании флот вторжения можно спрятать, не то что пару шхун с диверсионной группой. Так что ловим вражеских засланцев и точка. Никаких шурий и никакой «Новой Рилинды». Еще не хватало паники, самосудов и прочей прелести. И так живем, как на бочке с порохом...

Джойана Ияри

Накануне Джоне понадобилась какая-то книга на самой верхней полке шкафа. Полузабытые стихи на стародиллайнском, обложка потрескавшаяся, истертая до нечитабельности имени автора и названия, засушенный цветок клевера вместо закладки. Но до чего же приятно прикасаться руками к шершавым страницам, чувствовать и видеть память книги в доме, где почти все – новодел. С каждым годом этих нескольких пятилетий особняк, построенный на окраине Шилы, постепенно оживал, давая надежду на то, что название «Лалджета»¹ станет подлинной его сутью. Но до Янамари-Тай дому было еще далеко, до теплоты его древних стен, до голосистого дерева ступеней и ставен, а шуриа так не хватает для счастья именно мышиных норок, трещин в зеркалах, паучьих царств, сломанных игрушек, замусоленных книжек и ветхих ковров. Дом надо долго обживать, чтобы он стал живым. И если уж говорить откровенно, Лалджета далась Джоне, как нежеланный, болезненный и беспокойный ребенок, которого сложно полюбить. Не помогли шаманские штучки Джэйффа, не спасли привезенные Рамманом из Янамари безделушки и диковинки – подарки Вилдайра. Но Джойана из рода Ияри была женщиной упрямой, и постепенно, день за днем, год за годом Лалджета из каменной коробки с окнами и дверями превратилась в дом шуриа, где живут не только живые вещи, но и добрая память о прекрасных мгновениях покоя и счастья.

Книга сама легла в руки, почти ласкаясь, как кошка-гулена. А вместе с ней нашлись стеклянные колокольчики на выцветшей шелковой ленте – подпевалы ветров. Тоже маленький презент Вилдайра. Он сказал что-то вроде: «Ты смеешься так же звонко», а Джоне от их тихого перезвона становилось грустно. Может быть, потому, что сделаны они были на острове Конрэнт и мастер-стеклодув, ничтоже сумняшеся, придал каждому форму цветка вереска. «Кэдвен, кэдвен, кэдвен!» – пели колокольчики, напоминая о названной сестре, о Грэйн.

«Грэйн, Грэйн, Грэйн!» – подтвердили они, с готовностью отозвавшись на легкое прикосновение.

А ночью подул ветер с северо-запада, уже по-осеннему промозглый и недобрый, зато сильный. И принес в холодных пальцах подарок для Княгини Шанты, настоящий подарок – молоденького мичмана по имени Сэйвард эрн Кэдвен. Зеленоглазого, русоволосого, каждым жестом, каждым словом напоминающего о своей матери.

Джона сдержала отчаянное желание выразить свою радость от встречи в шурианском стиле – исполнением ритуального танца восторга, радостным визгом, заключением в объятия и многократным целованием и без того смущенного юношу в щеки.

– Здравствуйте, благородный эрн! Я бесконечно рада видеть вас в моем доме, – прошептала Джойана. Но платочек к повлажневшим глазам поднесла и одинокую слезинку утерла.

По-женски расчувствовалась, вспомнив вдруг, как бодрствовала в ночь рождения Сэйварда двадцать лет назад, истово взывая ко всем духам морским и воздушным и к самой Матери Шиларджи, чтобы сестра Грэйн благополучно разродилась здоровым младенцем. Вот какой вырос, поди ж ты! Высокий, ладный, красивый. Гордость матери, судя по письмам владетельной эрны Кэдвен. Впрочем, чему тут удивляться, мать есть мать. Удивительно другое, что в сердце Грэйн нашлось место еще и для близнецов – мальчика и девочки. О рождении которых она сообщила в короткой записке: «Родила двойню. Чуть не сдохла. За браслетик спасибочки, сестренка». А еще говорят, что шуриа злопамятны. Но куда им до ролфи по части умения поминать старое!

Служанка подала чай и несколько тарелок с разнообразными вкусами, начиная с пикантных мясных рулетиков и заканчивая пирожками с черникой. Специально для гостя,

¹ Лалджета – цветок Жизни (шуриан.).

потому что нет лучшего способа занять мужчину-ролфи на время, пока читается письмо, чем еда.

Юноша набросился на угощение с жадностью молодого волка, вызвав у Джоны еще один приступ умиления. Шеррар чуть постарше, но покушать любит, как настоящий ролфи. Княгини все эти годы старательно прививали мальчику-шуриа привычки хелаэнаев, но не слишком сильно преуспели. Кровь Шиларджи все равно свое взяла.

Шэйрр, как называет его Вилдайр... Мой Шэррар... Шуриа едва удержала руку, чтобы не потрепать молодого мичмана по макушке, и спешно вернулась к письму Грэйн.

А писала названная сестрица-ролфи о вещах важных и даже опасных. Джойане ли Алэе, бывшей синтафской графине, не уметь читать письма, прошедшие руки военного цензора.

«Значит, вот как оно все получилось. Так-так. Моя дорогая Грэйн закончила Военную Академию, и их с Конри дорожки снова пересеклись», – размышляла Джона, поглаживая бумагу, точно кошку – ласково, как гладила бы волосы Грэйн.

«Вот и снова глаза на мокром месте, глупая курица ты, а не хитрая подколотная змея, – упрекнула себя женщина. – Совсем разомлела в неге и холе. Так не заметишь, как снимут шкурку-то, не спросясь».

И собиралась продолжить самобичевание, но тут в столовую по своей гадкой привычке без всякого доклада явился Джэйфф Элир. С оружием, в грязном плаще и шляпе вида столь ужасного, что любой шляпник с ума сошел бы от подобного святотатства – тулья покорежена, поля изломаны, вместо кокарды – шаманский талисман. Кошмар и позор!

Но за выражение, посетившее лик бывшего рилиндара, когда он узрел гостя, Джона простила Элиру грязные следы по всему дому на десять лет вперед. Джэйфф опешил, смутился и потерял дар речи одновременно. Это надо было видеть!

– А? Э... э-э-э... добрый... э... день... мнэ-э-э... – промычал шуриа, не в силах оторвать взгляд от парня в морской ролфийской форме.

Словно воскрес во плоти Сэйвард эрн Кэдвен, капитан фрегата «Верность Морайг», вернулся из Чертогов Оддэйна в юном теле мичмана. Словно вырвалась из своего благословенного, но ненавистного Кэдвена дочь его Грэйн...

А молодой человек, между тем, заметив новое лицо, встал и представился, как положено: – Посвященный Морайг мичман эрн Кэдвен Сэйвард. Честь имею.

Хорошо воспитанный ролфийский юноша не должен глазеть на незнакомцев так, словно... словно он неожиданно увидел... А кого, собственно? Шуриа как шуриа – за последние годы откровенного протекционизма Священного Князя в отношении детей Глэнны некогда загадочные *Третьи* перестали быть для ролфи такой уж диковинкой. Нет, разумеется, Архипелаг не накрыла волна черноволосых и синеглазых переселенцев, но все-таки в Ролэнси представители змеиногo народа появлялись. Некоторые рискнули даже поселиться в Эйнсли, особенно после того, как Вилдайр Эмрис издал указ о специальных квотах для шантийских юношей и девушек, желающих обучаться в метрополии. Даже в Морском кадетском корпусе учились трое! Правда, одним из этих троих был, ни много, ни мало, а собственный Вилдайра Эмриса приемный сын... Ой. Сэйвард вдруг связал в уме Шэйрра Ияри эрн Тэлэйта и леди Джойану Ияри и слегка порозовел. Вот ведь как опростоволосился!.. Искренняя радость и сердечность хозяйки сбили юношу с толку, и он совсем позабыл, что эта маленькая смуглая шурианская женщина, вообще-то, Княгиня. Хорошие же у матушки оказались... м-м... хорошие шантийские друзья! Шутка ли – оказывается, скромная эрна капитан ходит в близких подругах у самой Княгини Шанты! А кто может заходить в гости ко Княгине так запросто, будто к себе домой? Вдруг тоже какой-нибудь местный князь, или вождь, или великий шаман!

Джона тут же встрепенулась, вспомнив об обязанностях хозяйки дома:

– Милый Сэйвард, разрешите представить вам господина Джэйффа Элира, капитана шантийских егерей и доброго друга вашей замечательной матушки.

Юноша невозмутимо, как ему самому казалось, кивнул:

– Очень рад. Матушка много о вас рассказывала. О вас обоих.

Джойана недаром все последние двадцать лет считалась первой дамой Тэлэйта. Она твердой рукой правила норовистой упряжкой светской жизни острова. Ее поместье в Шиле, конечно, не императорский двор в Санниве, но шурианских страстей и ролфийских обид ей хватило на все двадцать лет с вершком. Только успевай поворачиваться.

Виртуозно обиходить Джэйффа, чтобы тот не заметил, как у него отбирают ружье, надо еще уметь. Заговорить зубы всякими глупостями, незаметно делая знаки слугам, чтобы те потихоньку разоблачили легендарного рилиндара, избавив его от кошмарной шляпы, этого мало. Надо еще ненавязчиво подставить миску с водой для омовения Джэйффовых заскорузлых от оружейной смазки перстов, возложить ему на колени салфеточку и налить в чашку чаю. Правда, пока бывший рилиндар пожирает взглядом юного ролфи, с ним можно сделать что угодно, даже скальп снять. Не заметит.

Но сердце синтафской аристократки при виде благовоспитанного чинного Элира возликовало, а усилия были вознаграждены.

– Моя дорогая Грэйн сделала нам с вами, господин Элир, двойной подарок, прислав письмо и познакомив со своим первенцем, – прочирикала Джона.

И стала зачитывать письмо вслух. И об успешном завершении обучения, и о злополучной встрече с Конри, и о его замаскированных угрозах в отношении Сэйварда – тоже.

Элир слушал внимательно, делая одновременно несколько дел сразу: рассматривал юношу, лопал пирожки, отрывал кружево от скатерти, ерзал на стуле и пытался пнуть Джону под столом ногой. Как будто только он один мог понять истинный смысл намеков эрны Кэдвен.

– А теперь, – ласковой кошечкой промурлыкала Джойана, когда Сэйвард ополовинил шестую чашку чаю, – расскажите нам с дядюшкой Джэйффом о том, что моя дорогая Грэйн не доверила чернилам и бумаге.

Дядюшка Джэйфф поперхнулся пирожком.

Ролфенок совершенно по-щенячьи прижал уши и беспокойно заерзал. Рассказывать? О Мать Морайг, но о чем же?! О жизни в поместье или о брате и сестре? Может, об отце? Или... Что может их заинтересовать? Неужели – все?

«Я не посланец, – догадался Сэйвард. – Я – сам послание. И Княгиня Шанты вместе с этим странным «капитаном егерей» прекрасно понимают его смысл. Вот только я совершенно ничегошеньки не понимаю! Кроме, разве что...»

Мысль возникла внезапно и оказалась далеко не такой приятной, как хотелось бы юноше. Загадочному поведению загадочного шуриа имелось, в общем-то, вполне простое объяснение. Но... неужели у эрны Кэдвен, образца ролфийской жены и матери, и шурианского воина *что-то было*? Сэйвард ни за что не допустил бы подобной вольности в мыслях, ежели не имел бы уже сам кое-какого опыта по любовной части. Но у молоденького мичмана тоже уже «кое-что было», и даже не раз, а потому...

«А вот это уже не мое дело. Правда не мое», – твердо решил он и немного растерянно улыбнулся:

– О, если бы я знал, что именно рассказывать! Все произошло так внезапно... Я же собирался провести еще неделю в Кэдвене перед отправлением к месту службы, а тут такое! Отец сопровождал маму на торжество – прием в Академии, но они вернулись оттуда сами не свои, и матушка приказала мне немедленно собираться, а сама села писать вам, ваше сиятельство. Право, я не знаю, что рассказывать. Но я постараюсь ответить, если вы спросите. Я так понимаю, что вы знаете, что именно спрашивать.

Тут не выдержал Джэйфф. Он, бедолага, и так слишком долго сидел молча, не задавая вопросов:

– А что означают слова «вскоре мне предстоит оказаться недалеко от тех мест, где мы с Вами, Джойн, отведали однажды на завтрак весьма оригинальное блюдо»?

Конечно же, шуриа все помнила.

– В лесах Локэрни довелось нам как-то завтракать ежом. Ненавижу ежей! Но выходит – наша Грэйн скоро окажется в Син... в Файристе! Почему? Зачем? Каким образом? Она ведь помощник коменданта крепости, не так ли?

Сэйвард отрицательно помотал головой:

– Матушка старалась писать так, чтобы не доставлять хлопот цензору, – он улынулся. – Она сказала, что вы поймете, сударыня. И разве в письме нет ничего про крепость? Она уже год как там не служит. Матушка ведь училась в Академии и теперь должна ждать нового назначения, потому что возвращаться на прежнюю должность она уже не хочет, да и не может. – И, заметив, что они не понимают, добавил: – Я думаю, она переговорила с дядюшкой Удэйном насчет этого. Ну, о новой должности.

При упоминании «дядюшки Удэйна» поперхнулась Джона.

– Так значит, это дядюшка... хм... Удэйн направил Грэйна в Файрист? А что же ваш батюшка? Как он отнесся к ее новому назначению?

Теперь вытаращил глаза ролфи.

– Так ведь мать с отцом же... хм... – Сэйвард смущенно хмыкнул, помялся, а потом пробормотал, сгорая от стыда: – Они ведь развелись...

«Кровь Морайг, почему они смотрят на меня так?!»

– Они расторгли союз?! – воскликнули шуриа хором.

И еще неизвестно, чей возглас оказался более радостным – Джоны или ее сородича. Оба они желали видеть Грэйна подле себя, на Шанте, и как можно дальше от Конри.

«Ну, точно, – подумал юноша, удивляясь собственному спокойствию и отсутствию какой-либо ревности. – Между ними точно что-то было... или до сих пор есть».

– Ну да, – вздохнул ролфи. – Я же говорю – все случилось так неожиданно, так внезапно. Они вернулись с приема, мать написала письмо, а потом велела позвать двух свидетелей...

Он примолк и развел руками, вздохнул, а потом продолжил:

– Хотя рано или поздно это все равно бы случилось. Они и жили-то порознь с тех пор, как я начал учиться в Морском корпусе, а Вигдайр и Эрмейн – это мои брат и сестра – переехали жить в поместье отца... Теперь Эрмейн просватана и собирается замуж, а Вигдайр в следующем году должен пройти посвящение Локке и, если все получится, выйдет из Пехотного лейтенантом...

«Эрмэйн, значит! Змеиная Дева!» – восхитилась Джона тонкой, сугубо шурианской мести названной сестрицы.

Они с Джэйффом застыли, словно окаменели, обдумывая все вышесказанное. Только перекидывались напряженными взглядами.

«Теперь ты свободна, Грэйна Кэдвен. Ты исполнила свои обеты, ты дала Кэдвену наследника, ты послужила своему народу. Теперь ты вернешься. Ко мне», – думал бывший рилиндар, смакуя мысленно эти долгожданные слова «свободна» и «вернешься», перекатывая их языком по нёбу, как леденцы.

«Теперь ты свободна, сестра моя Грэйна, и ты скоро будешь в Файристе!» – ликовала Джойана. Осталось только изобрести причину, чтобы отправиться туда же, или на худой конец найти способ как можно скорее добраться до Джезима, до Амалера. Скоро начнутся шторма, скоро закончится навигация. Надо торопиться!

Сэйвард посмотрел на них очень внимательно и решил. В конце концов, если мать... если у нее есть какие-то чувства к этому шуриа, то это – только ее дело. А уж представить себе человека, способного не восхищаться Грэйной эрной Кэдвен, ее сын попросту не мог. Под

тремя лунами нет женщины красивей, сильней и достойней его матери! И никогда не было. И не будет!

Он добавил, словно только что вспомнил:

– А, у меня же есть с собой портрет матушки! Не желаете посмотреть?

– Желая. Посмотреть, – хрипло каркнул Элир.

Юный ролфи с готовностью полез за пазуху и достал медальон с миниатюрой.

– Матушка заказала для меня к выпуску в этом году. Дороговато, конечно, особенно в последние годы, когда у нас было совсем туго... а, да что это я! Вот, держите.

Разумеется, шуриа, тут же забыв обо всем на свете, и о степенности тоже, одновременно вцепились в портретик и стали азартно вырывать его друг у друга из рук, шипя и пинаясь, как малые дети. Сэйварду еще предстояло привыкнуть к нравам и обычаям детей Глэнны, отличавшихся непосредственностью в выражении обуревающих их чувств. Первая дама Тэлэйта, ее сиятельство Княгиня, попыталась укусить капитана шантийских егерей, за что едва не лишилась зубок. Локоть у господина Элира, что твой приклад от винтовки, крепкий и твердый.

Полюбовавшись на шурианскую стычку за право первым рассмотреть миниатюру, Сэйвард мысленно поставил себе высший балл за сообразительность и решил, что теперь уместно будет самому задать пару вопросов:

– Я, честно говоря, совсем ничего не понимаю, – признался он. – Почему матушка сказала, что с таким именем и наследством мне тут будет безопасней, чем на Ролэнси? И запретила даже думать о Морской академии, пока «не придет время»? И вообще... А отец сказал, что ей теперь нужна будет вся ее удача. А она велела ему беречь близнецов... Не понимаю.

– Понимаешь, с... Сэйвард, это давняя история, как-нибудь я тебе ее расскажу. Это хорошо, что ты теперь на Шанте. Оч-ч-чень хорошо. Здесь ты будешь в безопасности, мой... друг мой.

Джэйфф разве лишь кольцами не обвился вокруг парня.

Благовоспитанный ролфийский юноша никогда не должен спорить со старшими, а шантийский капитан, как ни крути, выходил старше не только по возрасту, но и по чину. Вот Сэйвард и не стал спорить:

– Хорошо. Как скажете. Матушка так приказала, значит, так надо. Я буду служить на шлюпе «Юркий», у него база в форте Сигрейн.

Радостно потирать ладони Элир не стал, но смуглая физиономия его приобрела выражение довольное и хищное.

– Прекрас-с-сно! Значит, будем частенько видаться, Сэйвард.

Ему ли не радоваться, ему ли не ликовать? Такое счастье подвалило – любимая женщина доверила ему своего первенца. Значит, не забыла, значит, доверяет спустя двадцать лет.

– Лаши, тащи еще пирогов, – приказал Джэйфф служанке. – И чаю! И чего-нибудь покрепче – за здоровье могущественной эрн Кэдвен Грэйи можно пригубить стаканчик.

Предложение было весьма заманчивым, но разве не пора уже сыну и наследнику эрны Кэдвен и честь знать?

– Я... мне, наверное, нужно подыскать жилье в городе. Я должен явиться на «Юркий» через два дня. Может, вы подскажете какое-нибудь... хм... не очень дорогое место?

Джона возмущенно охнула.

– Сэйвард, я как подруга вашей матери настаиваю, чтобы вы оставались под моей крышей столько, сколько потребуется. Мой дом – это ваш дом, дорогой мой. Идемте, милый, я покажу вашу комнату.

* * *

Пока Джона устраивала Сэйварда на ночлег, Джэйфф успел опустошить закрома печенья, разбить чашку, натоптать грязными сапогами на ковре и насмерть замордовать ни в чем не повинную герань. Все до одного листики оборвал, живодер. По чистенькой Джониной столовой словно ураган прошелся.

– Не истери, пожалуйста, – проворчала бывшая графиня. – Совсем запугал мальчишку своими рилиндарскими замашками. Ты бы еще ихинцу достал или про коллекцию ролфийских скальпов рассказал.

Но Джэйфф ее не слушал.

– Ха! Ты видела какой?! Нет, ты заметила, как он похож на Грэйн? И одно лицо с ее отцом! И тоже моряк.

– О да! И такое яркое напоминание Конри о его покойном друге, не правда ли?

– А его дух! Джона, ты же видела его. Это...

Если Хела-Морайг все же склонна давать второй шанс душам детей своих, то она даровала это право духу капитана Сэйварда эрн Кэдвена, преданного своим другом и умершего в позоре и бесчестии, воплотив его в тело внука. Мысль почти кощунственная, но отчего-то посетившая обоих шуриа сразу.

– У мальчика будет совсем иная судьба, – отрезала Джона. – Когтистая лапа Конри не сумеет до него дотянуться.

– Грэйн – умница. Сразу отослала мальчика ко мне. Какая она молодчинка, сразу же видно – девочка закончила Военную Академию.

Джэйфф токовал самозабвенно, никого вокруг не видя и не слыша. Шуриа может прожить тысячу лет, но так никогда и не отучится надеяться на лучшее и мечтать о хорошем. Странно, правда? А ведь никогда не догадаешься, что балагур Элир, привыкший шутить и со смертью и над смертью, не на шутку полюбил ролфийку и двадцать лет ждет ее возвращения. Впрочем, не Джойане задаваться такими вопросами. Это у нее, а не у Джэйффа частная личная жизнь подозрительно схожа с древней сагой, которую так и хочется рассказывать ближе к ночи, сидя у костра и обязательно нараспев.

«Но каков Удэйн! – Джона не переставала восхищаться бывшим тивом, бывшим игроком и постоянным клиентом долговой тюрьмы, а ныне правой рукой... одной из правых рук лорда Конри. – Все-таки призвание не пропьешь и в карты не проиграешь. Не зря он дал Грэйн новое задание в Файристе. Теперь она – свободная женщина, офицер с образованием и сама себе хозяйка. Дети выросли, договор с Фрэнгеном исполнен, осталось только найти дорожку на Шанту. Если бы не Конри, то все было бы просто. Ах, если бы не Конри...»

Джона поправила прическу, спрятав смоляную прядку под шпильку, аккуратно расправила кружева на манжетах, сложила ладошки на коленях и проникновенно посмотрела на бывшего рилиндара. Точь-в-точь выпускница пансиона для благородных девиц.

– Джэйфф, друг мой, нам нужно избавиться от лорда Конри. Как думаешь, у тебя получится его убить?

Удэйн ир-Апэйн

Северная осень способна погрузить в тоскливую апатию любого, даже столь много испытавшего в жизни человека, как Удэйн. Бывший синтафский тив, бывший изгой, игрок и кутила, а ныне – посвященный Локки ролфи, один из ближайших помощников самого лорда-секретаря зловещей Собственной Канцелярии и, по негласному мнению соратников-Гончих, его вероятный преемник. Но – тс-с-с... О таких вещах под сводами здания Генерального Штаба, что на площади Дозорных Башен, дом 4, вслух не говорили. Смена хозяев кабинета, каковой ныне занимает лорд Рэналд Конри, происходит всегда тихо, буднично и спокойно. Просто однажды в тяжелую дверь мореного дуба стучат двое гвардейцев из Кармэлского Победоносного, полковником которого является сам Вилдайр Эмрис, и вручают теперь уже бывшему шефу Собственной Канцелярии некое послание от князя. И все. Почти по-диллайнски, если задуматься. Хотя, справедливости ради, стоит заметить, что если уж очередному лорду-секретарю случалось прощтрафиться, то он не исчезал тихонько где-то в легендарных подземельях штаб-квартиры (а за почти двадцать лет службы в этом заведении Удэйн никаких подвалов и подземелий так и не нашел, хотя честно искал), а отправлялся в обычную военную тюрьму, где и ждал трибунала и приговора. Вилдайр Эмрис не считал необходимым сохранять в тайне эти кадровые перестановки и периодически устраивал открытые разбирательства с непременно публичным оглашением приговора. Впрочем, для смещенного шефа Канцелярии существовал еще и вариант «отставки без почестей», то бишь без пенсионного и привилегий, но это на тот случай, если он не совершил ничего предосудительного и несовместимого с офицерской и дворянской честью... Ну скажите на милость, жил ли под тремя лунами хоть один начальник спецслужбы, могущий похвастаться кристальной честностью, незапятнанной репутацией и чистыми руками, а?

Удэйн поймал себя на мыслях о том, какой судьбы он желал бы лорду Конри после его вынужденной отставки, и тихонько фыркнул в чашку с утренней кадфой, черной, как вода в осенней Лейт. В промозглом Эйнсли привычка из давних, еще имперских времен, спасала не только от сезонной меланхолии, но и от банальной простуды. Да и от несвоевременных мыслей – тоже. Прежде чем снимать с волка шкуру, надобно его добыть. А Конри – тот еще волчара, и так просто его не сместишь. Сам поднявшийся к вершине карьеры с самой первой ступеньки в ролфийской иерархии, лорд-секретарь интуитивно чует ловушки и с легкостью умеет уходить от облавы, образно выражаясь. А если продолжать волчьи аналогии, то и лапу себе сумеет отгрызть, если ненароком попадет в капкан. Бывший «агент Святоша» – Удэйн имел уже удовольствие наблюдать, чем кончаются попытки «свалить Конри». Тогда, два десятка лет назад (он так и не приучил себя считать годы пятилетиями, как урожденные ролфи), сестрица Грэйн попыталась – и что же? Имея на руках такие козыри – бесценную «тетрадь Аслэйг», внука Священного Князя и фактически доказательства измены лорда-секретаря, единственное, чего она смогла добиться, – это сыграть с ним вничью. Но оно и понятно. Грэйн, при всех ее талантах и достоинствах, все-таки женщина с целым списком слабостей и уязвимых мест. Она не смогла или не захотела пожертвовать собственным будущим и репутацией ради сомнительной славы бывшей любовницы бывшего шефа Канцелярии, покончившей с ним по-женски мелко и коварно. В итоге она получила двадцать спокойных лет, а Конри – Конри снова вывернулся. Оставил в стальных челюстях этого почти идеального капкана кончик своего пышного хвоста, но сохранил шкуру. С другой стороны, Грэйн сложно в этом винить. Если бы у Вилдайра Эмриса был под рукой человек, способный заменить Конри и работать лучше него, Вилдайр Эмрис без сожалений это проделал бы и без участия эрны Кэдвен и прочих заинтересованных лиц. Но такого человека не нашлось. Коней не меняют на переправе, а шефов Собственной Канцелярии не снимают с должности во время войны по таким пустяковым поводам, как так и не совершенная измена.

А вот теперь... теперь все будет по-другому. Удэйн ир– Апэйн – это не Грэйн эрна Кэдвен. Он, в отличие от сестры по посвящению, с Конри не спал. А еще бывший эмиссар Эсмонд-Круга понимает во внутренней «кухне» таких организаций, как Собственная Канцелярия, немножко побольше, чем мелкая сошка вроде женщины-офицера по специальным поручениям. Он уже восемь лет курирует все синтафское направление разведки и конрразведки, а последние несколько месяцев – и конфедератское тоже. Удэйн способен заменить Конри и работать не только не хуже, но и лучше него. Потому что за Конри водились грешки и слабости вроде привычки предавать друзей и трахать подчиненных на столе в кабинете, а ир-Апэйн в таком замечен не был. И не будет. Все его прошлые проступки, гораздо более тяжкие, все его слабости, его безумие и его грехи сгорели в пламени Локки. В огненные объятия богини шагнул даже не человек, а уже почти зверь, обуреваемый азартом, кутежом и извращенной похотью, а вышел... Удэйн предпочитал об этом не думать. Локка не оставляла его, а он не нуждался ни в ком, кроме богини. Лорду-секретарю не на чем поймать куратора синтафского сектора. У него нет женщин, потому что страсть его принадлежит только Локке; у него нет и не будет детей; его мало волнуют богатство и слава, ибо по сравнению с одной лишь улыбкой Огненной Луны все это – воистину пыль... Единственные человеческие чувства, оставшиеся Удэйну, – это братская нежность к названной сестре, женщине, которая привела его к богине и дала ему имя. И к ее детям. И вот на этом-то решил сыграть Конри! Все правильно: не можешь взять волка, берись за волчат. Лорду-секретарю, в открытую угрожавшему Грэйн на этом злополучном приеме, нужна вовсе не женщина и не ее дети. Он бы и думать о ней забыл, если бы семейство Кэдвен не показалось ему единственным уязвимым местом бывшего тива Удаза. Смешно сказать – та самая ролфийка, которую когда-то приказал повесить эмиссар Эсмонд-Круга, которую вожделем извращенец и кутила в грязных трущобах Индары... Нет никого ближе, чем она, чаша для огня Локки, сестра. Конри расставил капкан на своего заместителя и думает, верно, что Грэйн будет в нем покорной приманкой. Плохо же он ее знает!

Это ловушка, конечно. Но Удэйн ир-Апэйн не оставит свою сестру один на один с врагом, справиться с которым ей не по силам. А для чего еще нужны братья?

Джэйфф Элир

Эраш так и не научился высокому искусству заходить в дом, как все нормальные люди, через двери. Оправдывался тем, что стесняется своей замызанной куртки и перьев, вплетенных в косы. Можно подумать, оборванец с ружьем, лезущий в окно, производит гораздо более благоприятное впечатление на обитателей Лалджеты.

– Когда-нибудь я тебя пристрелю спросонок, так и знай, – проворчал Джэйфф вместо приветствия.

Парень не поверил. Элир спит вполглаза и вполуха, его врасплох не застанешь – это всем на Шанте ведомый факт. А еще бывший рилиндар не любит долгих вступительных речей. Особенно по утрам.

– Бэнджо взял след подонков, убивших Хэйзи и ранивших Тэлдрину, в общем. А меня послал за тобой. – Эраш задорно подмигнул командиру, мол, сейчас удивлю так удивлю. – Они идут напрямиком на Солёный Берег.

– Вот те раз!

Джэйфф от избытка чувств аж по ляжкам себя хлопнул. Солёный Берег – место историческое со всех точек зрения. Именно на этот огромный пляж чаще всего шторм выбрасывает жертв крушений и обломки кораблей. Здесь ролфи и шуриа плечом к плечу сразились с последней крупной бандой чори и победили. А еще на Солёном Берегу четверть века назад бывший рилиндар встретил эрну Кэдвен и отбил у мародеров Джону. Какой же шуриа откажется от романтического путешествия по местам боевой славы, когда ему светит еще и свершение справедливой мести?

– Жди. Сейчас буду.

Сборы у Элира заняли ровно столько времени, сколько надо, чтобы натянуть штаны на поджарый зад, подхватить ружье и походный мешок, да забежать на кухню за свежее испеченным хлебом.

Он совершенно справедливо счел, что лучше явиться пред очи Священного Князя с головами убийц. И Вилдайру будет приятно, и капитану шантийских егерей пригодится для карьеры, а уж Шанте и подавно только на пользу пойдет его рилиндарская кровожадность.

– Непредвиденные дела, Киша, – предупредил домоправительницу Джэйфф. – Скажешь леди Джойане, что я вернусь с гостинцем.

И выскользнул в окошко.

Торопился, почти бежал, обгоняя рассвет. И не до смеху было совсем главному шантийскому балаболу. Все слишком серьезно, чтобы зубоскалить. Мир на этом острове хрупче первого ледка, только-только зажили как люди, без чори, без набегов и каждодневного страха, а тут такая напасть... Джэйффа натурально в дрожь кидало при мысли о том, с какой легкостью можно загубить доверие меж двумя народами и снова ввергнуть детей Хелы и детей Шиларджи в кровавую усобицу. Второй Рилинды шуриа точно не переживут.

Прошагать от Шилы до Солёного Берега – это как листать читаную-перечитаную книгу с конца. Казалось бы, есть ли разница, с какой страницы начинать, если знаешь ее наизусть от корки до корки? Сто раз хожено по этой тропе, но воспоминания шуриа никогда не потускнеют, а пережитые чувства сохраняют остроту.

– У тебя глаз горит, – заметил на привале обеспокоенный Эраш. – Здоров ли?

– Здоровее тебя, – отмахнулся Джэйфф.

– Тогда почему горишь весь, точно сигнальный костер? Зовешь кого?

Смысла нет прятать настроение от сородича, точно такого же чуткого и зоркого.

– Вспоминаю кое-что, – признался бывший рилиндар.

И позвал дух Гормы, реки, чья синева вод сразила когда-то наповал эрну Кэдвен. Прозрачная струящаяся тень, от которой веяло снежным холодом, сонно зевнула и потянулась полужвериным телом.

«Скоро зима, Джэйфф. Скоро я усну. И буду видеть во сне тебя и твою волчицу. Хороший сон, сладкий сон, долгий сон».

И пусть днем солнышко еще припекало серые спины скал, но дни стали короче ночей, а поутру на траве появлялся иней. На Шанту шла зима. Духу ли природному о том не знать?

«Не грусти, не печалься, не забывай и не жалею ни о чем, Джэйфф из рода Элир».

«А я и не грущу. И тем паче не жалею ни о чем».

«Это правильно, на зиму глядя нельзя давать сердцу замерзнуть», – слабо улыбнулась говорливая Горма.

Снова потянулась, тряхнула пушистой невидимой шубкой, слизнула каплю росы с листа папоротника, словно не дух, а тварюшка речная.

«Возвращайся, человек-Джэйфф, возвращайся по весне вместе с Волчицей. Я буду ждать. Тебе ведь понравился тот туман?» – лукаво молвила на прощание речка и вернулась в родное русло спать-почивать, сонно всхрапывать на перекатах и ворочаться под толстым ледяным одеялом.

«Вернусь», – пообещал Элир и тоже заторопился на ночлег, чтобы еще больше не смущать и без того не знающего куда глаза прятать сородича.

В обнимку с винтовкой улегся. И не потому, что опасался нападения. Она же была шурианская, а значит – живая. Они ведь почти родичи с Джэйффом – оба живут внутренним огнем, питаюсь чужой смертью.

«Спи, хозяин-Джэйфф, – прошептало оружие женским голосом с отчетливым ролфийским акцентом. – Послезавтра мы найдем врагов и убьем их всех. Я тебя не подведу».

Джойана Ияри

Когда Вилдайр посетил ее на Шанте в первый раз, Джона растерялась, словно девчонка. Они оба растерялись, не зная, как продолжать дальше знакомство, получившее в Вэймсе столь серьезное развитие. Гуляли по морскому берегу, обсуждали книги, а рядом бегали Идгард с Шэрраром. Дети были счастливы от всего сразу. Их можно понять: сначала настоящее морское путешествие, потом встреча с мамой, а в перспективе – целое лето на Шанте, где воля-вольная.

А вот взрослым пришлось несладко. Есть вещи, о которых нельзя говорить вслух, они прячутся за немотой губ и таятся в выразительности взглядов. Они подобны паутинке – одно неловкое касание превращает ажурный узор в неопрятный липкий комочек. Нет в человеческих языках слов, способных передать взаимные чувства и намерения двух непростых мужчины и женщины, не загубив их на корню, не превратив нежность в насилие, а обязательства – в темницу.

И тогда Вилдайр позвал Джойану в свой сон, позволив коснуться души, доверив сокровенное.

На берегу моря Кэринси они устроили пикник для детей, а потом, когда мальчишки уснули в шатре, долго сидели возле костра. А потом... Вилдайр Эмрис просто положил голову на колени женщины и закрыл глаза. И она отправилась с ним сверкающими дорогами безвременья, вслед за северным сиянием, и бежала рядом по снегу, не чувствуя ни холода, ни страха, в белом безмолвии вечной зимы, охраняющей Чертоги Оддэйна. Джона смеялась, а снежно-белый Вилдайр-волк пел ей Большую Волчью Песню. А может, и не ей, Джойане из рода Ияри, а самой Глэнне-Шиларджи? Он говорил на языке северного ветра и январской стужи: «Душа моя скована печалью, как моя земля холодом и бесплодием. Но я пришел к тебе, моя Яблоня, и лег у твоих ног не только потому, что твоими глазами смотрит на меня Богиня-Змея, а потому что я люблю тебя, и желаю тебя, и верю тебе».

Они проснулись поутру в обнимку, обойдясь без глупых слов и тяжких объяснений. Посмотрели друг другу в глаза и... стали жить дальше. Жизнь вообще полна неожиданностей и странностей, а тут всего лишь женщина и двое мужчин. Подумаешь, великая новость!

Когда появился Аластар, Вилдайр уже уплыл, оставив Джоне мальчишек. Диллайн оказался немногословен, как, впрочем, и всегда.

– Священная Невеста? О! Это что-то новенькое.

– А почему бы и нет, дорогой? Почему бы и нет, раз для княгини Эск я слишком шуриа? – промурлыкала Джойана.

И посмотрела в упор, как бы спрашивая: «Скажешь, неправда?»

Отрицать столь очевидное Аластар не стал. И за эту честность перед нею и собой Джона его тоже любила.

– А давай, пока мы оба живы, не будем... – начала она.

– Придавать значение таким мелочам, – закончил Эск ритуальную фразу и поцеловал женщину крепко и сильно, ставя точку в тягостной сцене.

Времена изменились, и теперь все шуриа, благодаря Джоне, свободны от Проклятья Сигрейн. И маленький Шэррар тоже.

За возможность сидеть на камне и безнаказанно смотреть, как любимая женщина с детским азартом помогает мальчуганам собирать разноцветные камушки, можно закрыть глаза на многое. Да практически на все. Времена все-таки изменились, теперь диллайн прокляты и души их обречены на заклятие Предвечному. А князь Эск еще и взялся за дело, чреватое гибелью. Мятежники долго не живут, а пример Вилдайра Эмриса не в счет. У Аластара Эска нет острова за морем, а у его племени нет родины.

Зато у князя Файриста есть трое прекрасных сыновей и их мать – удивительная женщина, из чьих глаз на целый народ смотрит Богиня.

И можно позвать:

– Иди ко мне, Шэrr. Будем строить лодочку.

И прижать к себе смуглого вертлявого Змеенка, верещащего от нетерпения. А потом и Совенка...

* * *

Стеклянные колокольчики звенели чуть слышно, выводя сложную мелодию утреннего сквозняка. Неведомый конрэнтский мастер наверняка ночевал на вересковых пустошах и слышал тихую песню, когда крошечные сиреневые цветочки начинают мелко подрагивать от ледяных поцелуев ветра. Надо лишь очень хорошо прислушаться.

Вилдайр в такой ранний час еще видел последний, предутренний сон. Он вытянулся через всю кровать, по диагонали, раскинув руки, предоставив Джоне возможность свернуться клубочком под его боком. Щуплой шуриа вполне хватало места. Мужчина вздыхал, хмурил брови и взрыкивал – торил, должно быть, тропу для своей стаи и охотился в заснеженных лесах на оленей, нагоняя и приканчивая честно выслеженную добычу.

Пусть еще поспит-поохотится, пусть насытится простым звериным счастьем, лишенным человеческих иллюзий, отравляющих двуногим жизнь. Волк не мечтает о недостижимом, волк не грезит о запредельном – в том и радость его заключена.

Пусть Священный Князь закончит свою призрачную охоту и споет серебряной Хеле о победе. Все по-честному.

А Джона бесцеремонно возложила тонкие ноги на бедро своего Священного Жениха, откинулась на подушки и принялась холить ноготки. Самое лучшее занятие, пока думаешь о разных важных вещах, по большей части тревожных. В принципе шуриа могла сказать Вилдайру без экивоков, мол, хочу в Амалер, там меня эрна Кэдвен ждет, и никто бы ее сажать на цепь не стал. Но Священный Князь не обрадуется и будет недоволен, а недовольство Вилдайра Эмриса... Во-первых, он станет несчастен, во-вторых – очень несчастен, а в-третьих, он – самый сильный рунный маг и может сделать так, что ни один корабль не переплывет море Кэринси. Поэтому нужно что-то придумать, чтобы Вилдайр Эмрис не только отпустил свою... Невесту в гнездо соперника, а еще и попросил у Хелы-Морайг хорошей погоды и попутного ветра. Во всяком случае, с Брандом такие шутки удавались. Но Бранду Никэйну и лет было гораздо меньше, чем Вилдайру Эмрису, а следовательно, и опыта в разгадывании женских хитростей. Или это его Мерсэйл с Вигдэйн научили? Священные Княгини как-то сразу приняли Джону в свой круг, признав равной, оценив по достоинству умение щуплой шуриа лавировать между мужчинами, храня их политический союз от ревнивого соперничества. За двадцать лет венценосные князья так ни разу и не встретились в доме Джоны. Тоже своего рода искусство! Тут тебе и тактика, и стратегия, и отвлекающие маневры.

Так что на Шанте в этот раз и без Проклятья Сигрейн донджеты – жажды жизни у бывшей синтафской графини было предостаточно. Почти весело. Почти.

Если бы не глухая, потаенная в глубине души тоска по Янамари, по его холмам и перелескам, по садам и озерам, по реке Наме, по духам земли, где родилась и выросла. Шанта – хороша и любима, но *настоящий дом* все еще там – в Янамари.

Джона отполировала ногти до блеска, но ничего дельного так и не придумала. Вилдайр, оставаясь верным духу и букве союзнического договора, не слишком-то рвался встречаться с Аластаром лично. На изысканно вежливое приглашение диллайнского князя почтить визитом стольный Амалер в честь очередной годовщины провозглашения независимости от Империи

он собирался ответить решительным отказом. И уговаривать Священного Князя идти против своей воли Джоне не хотелось, и самой отказываться от задумки – тоже.

Шурия нетерпеливо заерзала на постели и разбудила Вилдайра.

Он совершенно по-звериному громко клацнул зубами, потянулся и сцапал Джону, определенно намереваясь обновить ночные впечатления. Шурия попыталась увернуться от требовательных ласковых рук, притворно взвизгивая, как от щекотки. Нет, Джона не была против его намерений, просто она хотела поговорить, но чтобы Вилдаир начал разговор первым.

Однако по утрам игровые ролфи-волки не склонны к беседам. Вот и пришлось хитрой шурия легонько ткнуть пальцем под ребро князю и спросить:

– Что ты ответил Аластару на приглашение?

На раззадорившегося Вилдайра будто ведро воды вылили – речной, с ледком. Князь с досадой фыркнул, раздувая ноздри, и мгновенно насторожил уши.

– Так, – сказал он, выпуская женщину, – и поэтому ты меня разбудила.

В общем-то, подтверждения тут не требовалось. Достаточно одного взгляда в хитрющие шурианские глаза, чтобы заподозрить подвох. Ну что ж, если дама требует ответов...

– Пока – ничего, – прищурился ролфи и поинтересовался, показав зубы в легком оскале: – У моей Яблони есть пожелания на этот счет?

Что в переводе означало: «Уж не забыла ли моя Яблоня, что она – моя?»

«Пожалуй, слишком много вокруг меня проникательных мужчин, – с досадой подумала Джона. – Это даже неинтересно». Но вида, что разочарована, не показала.

– Неплохо бы еще раз продемонстрировать единство с Файристом. Это заставит настроиться кое-кого в Эббо и Фиртсвите. Например, тех, кто оплачивает газетные статьи про близкий конец союза с Ролэнси.

– Так, – повторил Вилдаир. – Ты хочешь в Амалер. Отлично. Поедем вместе? Или предпочитаешь отправиться туда одна, в качестве официальной представительницы правящей семьи Ролэнси? – и, нахмурившись, вылез из постели и отошел к окну.

Единство с Файристом, ха! Если верить конфедератским газетам, единство Ролэнси и Файриста выглядит как одна кровать на троих и шесть пяток, торчащих из-под общего одеяла. Шурианские – посередине. И это, можно сказать, еще самая невинная из карикатур, над которыми ухохатывается полматерика! И лучше промолчать о последствиях, которые имеют эти дружеские шуточки Конфедерации. Вилдаир отчасти сочувствовал Эску. Если даже Священный Князь уже понемногу замечает косые взгляды своей Своры, то каково же диллайну, у которого что ни год, то новый заговор?

Джона сочла за самое разумное – нырнуть под одеяло и смиренно промолчать.

Ролфи отпил воды прямо из горлышка хрустального графина, с ухмылкой посмотрел на притаившуюся в развороченной постели змейку и продолжил сам:

– А, теперь мы молчим. Позволь я тебе кое-что озвучу, Джойн. Ты же у меня умница и наверняка сама прекрасно это понимаешь, только вслух не говоришь. Мой союз с Файристом перестал быть для меня выгодным практически сразу после победы над Идбером и начала полномасштабной гражданской войны в бывшей империи. И сейчас он, этот союз, держится только на зарянском лесе, элвалской пшенице, янамарской... хотя по Янамари взад-вперед маршируют армии, поэтому с Янамари взять нечего. Доля Файриста в моей внешней торговле исчезающе мала, а то, что поставляют оттуда, я вполне могу приобретать в том же Идбере. Следовательно, союз с Файристом последние пятнадцать... хорошо! – десять лет – это чистое разорение. Стратегически он тоже не слишком выгоден. Вместо того чтобы помогать мне в подготовке войны с северянами и совместно патрулировать проливы, твой Аластар расплодил у себя тайных обществ и заговорщиков и не успевает отбиваться от покушений. Файрист практически разорен, его армия при всем своем героизме и оснащенности так и не смогла одержать окончательную победу над Синтафом. Проблема эсмондов и Предвечного как висела у дил-

лайн над головой, словно подгоревшая балка, так и висит. И поддерживают наш договор, наш Западный Альянс, на самом деле только добрые намерения и, – он прищурился и для наглядности ткнул в нее пальцем, – взаимные уступки. Хочешь нарушить это... хм... равновесие?

– Нет, – честно ответила Джона. – Я не хочу, чтобы Файрист остался без твоей помощи и поддержки. Если ты не забыл, то там у меня еще и двое сыновей обретаются, а не только их отец. Их судьба мне не безразлична, уж поверь.

То, что ролфи не собирались менять своего отношения к диллайн, она поняла еще двадцать лет назад. Если шуриа – «любезные кузены», с которыми вышла когда-то ссора, то диллайн – пришлые чужаки, как говорится, нашему печнику – двоюродный кузнец. Еще одна причина, по которой Джона оставалась на Шанте. Файристу, а в том числе и Янамари, нужен союз с Ролэнси.

– Право же, мне не хочется верить, что ты до сих пор думаешь, будто я только и жду момента сбежать к Аластару. В Амалере мне нет места.

Нервы у шуриа крепкие, но терпение не бесконечное. Джона начала медленно закипать от злости.

– Позволь тогда и мне обратить в слова некоторые простые человеческие желания: я жажду увидеть сразу обоих – и Раммана, и Идгарда, я мечтаю хоть глазком взглянуть на Янамари, и еще я очень хочу встретиться с эрной Кэдвен. Я, покарай тебя Локка, не видела ее двадцать лет! Да! Я хочу в Файрист. Причем в любом качестве – хоть представительницей твоей семьи, хоть твоей наложницей, хоть твоей ручной змеей, Вилдаир Эмрис!

Последнюю фразу она почти выкрикнула.

Злящаяся женщина далеко не всегда представляет собою приятное зрелище, но в отношении Джойаны у Вилдайра Эмриса было свое категоричное мнение. Он обожал ее злить. Разъяренная шуриа становилась одновременно и устрашающей, и до колик смешной, особенно когда пыталась наброситься на Священного Князя с кулачками. Одно удовольствие ее ловить и... хм... умирять. Что ж поделать, если свирепая ролфийская натура требует и в страстях той же свирепости? Хотя бы иногда. Вот как сейчас – если бы не затеянный Джойаной разговор, действительно важный, перевернуть бы ее, уткнуть лицом в подушку и... Вилдаир тряхнул головой, отбрасывая неуместные фантазии, выгнул бровь и посмотрел на нее с интересом:

– Если Эск сообразит послать официальное приглашение для Княгини Шанты, ты поедешь хоть в Амалер, хоть в Янамари. Но не одна. Это во-первых. А во-вторых... Джойана, должен ли я объяснять тебе последствия вашей... неосторожности, каковую вы вполне способны продемонстрировать всем, собравшимся в Амалере, а? Ты – не просто моя ручная змея, ты – Земля. Долго ли усидит на троне князь, который делит свою землю с диллайн? Пока вы потихоньку милуетесь здесь, на Шанте, это... терпимо. Никто не станет выносить эту историю с острова. Но в Амалер может поехать только княгиня Шанты и Невеста князя Ролэнси, а не тайная любовница Эска.

– Асшшшшш! Вилдаир! Ты за кого меня принимаешь? Я – графиня Янамари, а не горская дикарка, только вчера снявшая фатжону². Ни я, ни Эск не позволим себе лишнего, ни наедине, ни на глазах у посторонних. Твоя ревность... – она с трудом подыскала слово для замены «глупа», – нелогична и неправильна. Или... – женщина вся подобралась, как для прыжка, – ты решил напасть первым, чтобы снова загнать меня в угол и начать диктовать свои условия?

Вилдаир Эмрис чуть склонил голову набок, откровенно любуясь. Хороша! Ух, ляжки Глэнны, до чего же хороша. А главное – с леди Джойн скучно не бывает. Никогда.

С одной стороны, ее постоянное увиливание от логического завершения этой длительной... хм... «помолвки» и попытки сохранить независимость безмерно раздражают. Это если

² *Фатжона* – шурианский женский национальный головной убор, полностью закрывающий волосы.

не принимать в расчет наличие Эска. Но с другой – если это настолько бесит Вилдайра Эмриса, то каково же диллайну? Пожалуй, вот главная причина, по которой Священный Князь все еще терпел существование Аластара Эска. От такой любви, которой дарила диллайнского князя эта маленькая женщина, спятить можно быстрее, чем от самой отчаянной, неприкрытой ненависти. Единовластный правитель немаленькой державы, чистокровный сын Золотой Луны, вынужден пробираться, словно вор или лазутчик, на территорию союзника и там, крадучись и с оглядкой, любить женщину союзника. Ха! Вилдаир был почти уверен, что это месть. Вот только не знал, за что можно так мстить. Но шуриа коварны и безжалостны, а память у них долгая...

– Да, мне очень нравится, как ты шипишь. И диктуешь условия. Может быть, ты и перед Советом Эрнов за меня объяснишь, какого змея Волк Архипелага хренову прорву лет делит с желтоглазым свою женщину, а? – В отличие от чуть ли не рычащей шуриа, говорил он совершенно спокойно и даже негромко. Бросил на нее еще один внимательный взгляд и отвернулся к окну. – На твоего угрюмого сыча совсем недавно устроили еще одно покушение, знаешь? Разумеется, знаешь. Давай, дай его врагам еще один повод для очередного заговора, женщина.

Глупо было выходить из себя, и, конечно же, неправильно и нелогично. Вилдаир говорил истинную правду и предупреждал не ради красного словца. В его возрасте и при его опыте о ревности говорить как-то даже неприлично. Но Джойана пошла вразнос.

– Я клянусь Великими Духами, что не подведу тебя в Амалере ни словом, ни делом. Эск ни при чем. Я буду общаться только с Рамманом, Идгардом и с Грэйи! – Она вскочила на кровати. – Я обещаю! Повези меня туда под видом немой служанки, завернутой в ковер, или в футляре от телескопа. Вилдаир, я хочу туда!

И сама мысленно посмеялась над собой. «Как ребенок, честное слово. Как маленький капризный ребенок, требующий пирожок». Видит Сизая Луна, Вилдаир совсем ее разбаловал.

И тут, когда наконец-то прозвучало это искреннее и отчаянное «Я хочу!», ролфи понял, что хватит. Если она хочет в Амалер, она поедет в Амалер. Женщина желает увидеться с детьми и подругой – кстати, а почему она решила, что ее подруга будет там?

– С чего ты взяла, что эрна Кэдвен окажется в Амалере? Я уже давненько о ней не слышал... – Он снова взял графин и, собираясь выпить прямо из горлышка, добавил: – Эск назначил мне встречу здесь, на Шанте. Дождемся его, тогда решим.

– Асшшш! Ты – хитрый... Ты – наглый! И ты мне ничего не сказал!!! – взъерилась Джона. Хотелось отобрать у князя графин да и разбить на его же голове.

Она тут переживает, голову ломает, как сделать так, чтобы все остались довольны, чтобы никого из венценосных мужчин не оскорбить, а они... Они сговорились за ее спиной! Мужчины!

И тут хрустальный графин в руках у Вилдайра взорвался. Брызнул в разные стороны крупными осколками и сверкающей стеклянной пылью, словно князь раздавил его.

Стреляли шагов с трехсот, должно быть. Иначе неведомый убийца не промахнулся бы. Вилдаир успел заметить взвившийся на склоне ближайшего холма дымок, перед тем, как, взрыкнув, отшвырнуть женщину на постель и одним рывком перевернуть тяжеленную дубовую кровать так, чтобы заслонить шуриа от новых выстрелов. А сам перекатился по полу к комоду, где с вечера были свалены в беспорядке его вещи. Вилдаир Эмрис родился ролфи, а это значит – сначала воин, а уже потом – правитель. И оружие носить он не разучился, не расставаясь с заряженным пистолетом даже в спальне любимой женщины.

Предательское облачко порохового дыма еще не успело развеяться, и Священный Князь выстрелил навскидку, не целясь. Кто бы ни был этот стрелок, пусть знает – так просто ролфийского князя не напугаешь. Волк Архипелага умеет и очень любит кусаться в ответ.

А в дверь уже вовсю молотили тяжелые кулаки гвардейцев из охраны.

Под горой из одеял, подушек и перин мудрено было не задохнуться. И в какой-то момент Джойана перепугалась не на шутку. Ошалевшая от грохота выстрелов и воплей ломящейся в дверь охраны, Джона не знала, что и думать.

– Вилдайр! Ты жив?!

Ей никто не ответил. Шуриа задержалась, заверещала, как подбитый камнем кролик.

Рванула зубами что есть силы угол подушки.

– Вилдайр!!!

И тут же наглоталась проклятуших перьев.

Телохранитель все-таки умудрился вышибить дверь и, ввалившись в комнату, немедленно завопил:

– Милорд! Миледи!

Вилдайр Эмрис, выковыривая из ладони осколок графина, успокаивающе кивнул и снизошел до ленивого объяснения:

– Ну, что всполошились, волчата? Все в порядке, Мэйриг. Я просто решил немного пострелять по чайкам.

– Но... – вытаращил глаза Мэйриг, разглядывая беспорядок в спальне и косясь на копошащуюся под грудой перин, подушек и одеял шуриа.

– Вон, – отрезал князь и для верности ткнул пистолетом в сторону двери.

Наверняка молча проклиная про себя любовные забавы повелителя, верный гвардеец попятился, вытесняя из дверного проема успевших столпиться там остальных обитателей поместья.

– И найди столяра, – приказал ему вслед Вилдайр. – Нужно починить дверь.

А когда спальня наконец-то опустела, а из-за кровати высунулась растрепанная черноволосая голова Джойаны, сказал ей:

– Скажи своим, пусть немедленно найдут мне Элира.

– А зачем тебе Джэйфф? – подозрительно спросила шуриа и выплюнула перо.

Вилдайр, эдак задумчиво поигрывая дымящимся пистолетом, молвил:

– Видишь ли, кого-то из нас двоих только что пытались убить.

Убить Священного Князя? На Ролэнси такое и в голову никому не могло прийти. Вилдайр совершенно спокойно разгуливал по улицам Эйнсли в сопровождении одного-двух телохранителей, которые в основном у него на побегушках служили. И к слову, Аластар в Амалере тоже по канавам не прятался.

Но на Шанте? Покушение? На Священного Князя?

У бедной Джоны волосы на голове зашевелились от ужаса, настолько чреват подобный поступок для всех шуриа.

Джэйфф Элир

Приметы предвещали дурное с самого начала, а Юнан вместо того, чтобы внять предзнаменованиям, ушами хлопал и думал о чем попало. Оно и немудрено с эдакими лопухами по обе стороны башки, в которой мысли только о девках.

Мало того что двое его артельщиков накануне выхода в море подрались до крови, так еще и наутро тетка с пустой корзиной дорогу перешла. Опять же, на лов вышли уже после того, как солнце встало, что против порядка и обычаев. А список преступлений против моря и жирных сельдей завершил сам Юнан, когда назвал корчму корчмой, а не «домом, где подают еду и питье», и помянул вслух женщину, да еще и по имени, чего делать нельзя ни в коем разе, если хочешь с уловом вернуться и живу остаться. Дух моря злопамятен и жестоко карает любого ослушника, а предки тоже дураками не были, когда придумывали запреты.

Словом, поднявшемся внезапно шторму никто из артельщиков-рыбаков не удивился ничуть. На этом фоне отсутствие сельди там, где год назад лодки по рыбьим спинам шли, уже мало кого волновало. Тут бы самим уцелеть. Целую ночь бушевало разгневанное море, швыряя суденышко нарушителей традиций по волнам в кромешном мраке, и только к полудню утихомирилось, взяв лишь малую жертву – разорванные в клочья сети.

– Земля! – прокричал один из рыбаков и едва за борт не свалился, узнав в очертаниях злополучный Солёный Берег.

Уродились бы девками, рыдали бы в три ручья суровые шурианские мужики от досады и бессильной злости. Потому что этот бесконечный серый пляж – самое поганое место на всем побережье, проклятое на все времена, и очутиться здесь – значит обречь себя на неудачи во всех начинаниях на целый год вперед.

– Хорошо хоть лодка и парус целы, – устало буркнул Юнан. И тут же получил от дядьки своего по шее. Но было уже поздно.

На их кочмару³ уже сыскались новые претенденты в хозяева. Из-за валунов, раскиданных по пляжу, вышли вооруженные винтовками люди и направили стволы на рыбаков.

– Лодка наша, а вы убирайтесь отсюда подобру-поздорову, – заявил главарь и пальнул для острастки в воздух.

Шурианские рыбаки – ребята не робкого десятка, но, к несчастью своему, безоружные, а значит, против шести ружей совершенно беззащитные.

– Братья! Не губите! – взмолился Юнанов дядька – Джок, первым разглядев в грабителях сородичей. – Ради Великих Духов! Как же мы без лодки-то?

Артельщики негромко загалдели, мол, ежели «добрым» людям так понадобились куда-то плыть, то зачем же кочмару отбирать? Отвезем, дескать, куда скажете.

– В Индару тоже, э? – спросил главарь. Совсем молодой парень, не старше двадцати. Щеки еще по-детски пухлые, а глаза уже злые. Нехорошее сочетание. Юнан еще себя в этом возрасте не забыл, а потому испугался не на шутку.

– Оно ведь сразу видно, – ныл Джок, кивая на ружья, – что вам наша лодка ни к чему, бросите потом и забудете. А мы без кочмары пропадем и сезон пропустим. Пожалейте женок с детками.

– Пусть твоих женок ролфи жалеют.

Их ухмылки Юнану не понравились совершенно. К тому же эти шестеро с ружьями по старинке косы плели за ушами и платки черно-красные повязали на шеи. К тому же ролфей шибко не любят. Все один к одному – тут и гадать не нужно.

«Прибьют, обязательно прибьют. Чтобы не оставлять свидетелей».

³ Кочмара – большая парусная одномачтовая промысловая лодка.

– Чего стоите, как бараны? Выбирайтесь из лодки! Ну! Живо!

Делать нечего, пришлось отдавать посудину. Не скулил и не жаловался на судьбу только Юнан. Он же только-только остепенился, жениться даже подумывал на Джафе, и тут такое.

Первым застрелили дядьку Джока. «За скулеж» – рассмеялся главарь. Потом пуля попала под лопатку Реджина, и тот молча уткнулся лицом в мокрый песок.

– Ну, давайте! Побегайте!

Веселые грабители собирались развлечь себя напоследок стрельбой по живым людям. Но, видимо, Духи и сама Мать Шиларджи вняли мольбе Юнана, послав рыбакам спасение в виде двух шантийских егерей. А уж эти-то парни даром свой хлеб не едят. Они методично расстреляли всех шестерых, не оставив убийцам ни малейшего шанса. Главаря капитан оставил на закуску, в том смысле, что зарезал самым последним. Выпустил кишки, точно рыбе, вспоров брюхо ролфийским скейном от паха до желудка, а когда очумелый дух попытался броситься наутек, поймал одним лишь словом – шипящим, как масло на сковородке, и таким же обжигающим.

– Ты куда это собрался, Рошмай из рода Хьяс? Сидеть! – приказал капитан егерей душе грабителя, точно собаке.

«Шаман!» – потрясенно охнул Юнан. Он вырос в крошечной деревушке на три землянки, а про настоящих шурианских шаманов только в сказках и слышал. И в былях про Джэйффа Элира.

А тот отловил души остальных разбойников и принялся допрашивать пленников. Волосы распустил, руки раскинул, заклекотал, точно птица, завыл волком. Шаманил, стало быть. А вот на предмет чего, дознаться рыбакам не довелось, хотя очень хотелось. Суровый сотоварищ капитана Элира не дал приблизиться и на десяток шагов. Зато дал полюбоваться на то, как ловко его командир отрезает мертвецам головы. Что ни говори, а тоже своего рода мастерство.

– А теперь объявляю вам свой приговор, – сказал Джэйфф, сполоснув руки и нож от крови. – Стеречь вам Соленый Берег от таких же, как вы, разбойников и мародеров, насильников и убийц, наводить на них морок, вытягивать силы и калечить сны до скончания веков. До тех пор, пока не высохнет море и не сгорит земля. Знайте же, духи Соленого Берега, казнь вас не за кровь эрн-Тэлдрин – друга моего, и не за муки безвинных хелаэнаев и даже не за то, что убили сородичей потехи ради. Казнь вас за то, что осмелились оторвать красно-черное знамя Рилинды... Моей Рилинды, моей войны. И прощения не будет.

Духи Соленого Берега лишь горестно стонали, да и спасенные рыбаки боялись шелохнуться, когда на них пал взор шамана.

– Э-э-э... благодарствуем... – пролепетал Юнан, отчаянно борясь с желанием нырнуть в морскую пучину следом за душой дядьки Джока. Теперь тот сам стал морем, как и всякий рыбак или мореход из народа Шиларджи.

– Маловато одних словес будет, братишка, – хмыкнул Джэйфф Элир.

– Да мы... да чего хочешь...

– В Шилу мне надо попасть срочно. Довезешь на своей посудине, братишка?

– Так попутного ветра нет сейчас.

– Будет тебе ветер, рыбак, не переживай, – посулил шаман.

Шуриа любят свои кочмары, нарекают их красивыми звучными именами, говорят с ними, но к Элиру «Бонзва» потянулась первая. Подставила фальшборт под ласковые пальцы бывшего рилиндара, словно верный пес-сторож лобастую голову, прокралась остороженько в обход подводных скал и всю дорогу до Шилы покорно надувала парус, внемля тихим нашептываниям шамана. Ветер постепенно крепчал, волны бросали «Бонзvu» то вверх, то вниз, но рядом с рулевым стоял Джэйфф Элир, а значит, Юнан теперь точно знал, с ними со всеми ничего не могло случиться.

– Видишь ли, паренек, я женат на одной из любимых дочерей Хелы. Не станет она губить зятя, – шутил рилиндар и потрясал мешком с головами убийц.
Кому-то, может быть, и нет, а «Бонзве» было весело.

Грэйи эрн-Кэдвен

Долгие осенние дожди начались в Эйнсли третьего дня и шли, не переставая, словно посылая обитателям Архипелага последнее предупреждение – еще совсем немного, и свирепые шторма моря Кэринси запрут морские ворота Ролэнси надежнейшим из замков. Всем, кто хотел еще отсюда выбраться и достичь, к примеру, Амалера, следовало поторопиться. Впрочем, Грэйи эрна Кэдвен всегда оставалась легкой на подъем, и ее не нужно было подгонять. Стоит лишь спустить ее со сворки – и Гончая снова рванется вперед. Только лишь расстегнуть ошейник...

Она дожидалась появления Удэйна, как и условлено, сидя на влажной каменной скамье у самого спуска к воде. Капризная Лейт тревожно плескалась почти у самых ног Грэйи, норовя лизнуть мыски ее сапог. Ролфийка, не обращая внимания на противную мелкую морось, сидела неподвижно, даже не пытаясь стряхивать капли воды, скопившиеся на полях ее шляпы. Над эрной вился легкий парок.

– Замерзла? – обеспокоенно спросил Удэйн, сбегая к ней по ступенькам. – Я, кажется, задержался.

– Нет, это я пришла раньше, – Грэйи улыбнулась. – Здравствуй, брат.

– Здравствуй, сестра.

Они коротко обнялись. Апэйн не смог отказать себе в удовольствии прижаться щекой к ее щеке и вздохнуть. Эрна Кэдвен была горячая и живая, почти как Локка, но, в отличие от Огненной Совы, она оставалась человеком. Иногда это – преимущество.

Когда Удэйн разжал объятия и чуть отстранился, он уже помнил, как улыбаться.

– Как дети? Сэйвард уже на Тэлэйт?

– Надеюсь, что да. – Она осторожно стерла кончиками пальцев дождевую каплю с его щеки и чуть сдвинула брови. – Ты не слишком хорошо выглядишь, братец.

– Пустое. – Он встряхнулся и выразительно похлопал себя по карману шинели. – Твое назначение. Амалер, как я и обещал.

– О! – только и сказала Грэйи, сверкнув хищной зеленью глаз. – Конри знает?

– Разумеется, и весьма рад своей осведомленности, – Удэйн ухмыльнулся. – Я оставил экипаж на набережной. Поехали ко мне. Нам есть что обсудить без свидетелей, и я не хочу, чтобы ты простыла здесь, на ветру.

* * *

По сложившейся в Собственной Канцелярии негласной традиции, Гончие, служащие в столице, предпочитали селиться поблизости от площади Сторожевых башен с ее устрашающим недругов зданием под номером 4. Но Удэйн ир-Апэйн позволил себе оригинальность. Для своего дома в Эйнсли бывший синтафский тив избрал тихую улочку с романтическим названием Крепостная. Начинаясь от древней, еще додиллайнских времен башни, она сбегала вниз с пологого холма к старинному мосту через левый рукав Лейт. Дома здесь были сплошь двухэтажными. Они выстроились в ряд, словно солдаты на плацу, по правой стороне улицы, к левой же примыкал небольшой парк.

Удэйн снял квартиру «со всеми услугами» на втором этаже и обитал там вот уже пятнадцать лет. За это время хозяйка дома не только привыкла к высокой чести, но и смирилась с некоторыми привычками съемщика. Например, оставила попытки «оживить» апартаменты «человека из Собственной Канцелярии» цветочными горшками и вышитыми салфетками и обратить его внимание на ее, хозяйки, незамужнюю дочку. Цветы зачахли, чистота салфеток пала в неравной борьбе с чернилами, кадфой и оружейной смазкой, а девица махнула рукой

на угрюмого мрачного Апэйна, вышла замуж и нарожала целый выводок ребятишек. Так что Удэйново логово пребывало отныне в покое и неприкосновенности, а потому имело все характерные признаки проживания в оном нелюдимого и очень занятого холостяка. Но Грэйи квартира понравилась.

– Логово одинокого волка, – одобрительно сказала она, осмотревшись. – Мне нравится. Уютно тут у тебя.

– Скорее, конура одинокого пса, – ухмыльнулся Удэйн и помог ей снять отсыревшую шинель. – Садись в то кресло. Я сейчас разожгу камин. И скажу этой женщине, чтобы она принесла нам чаю. Или кадфы?

– За все эти годы ты не запомнил имени хозяйки? – эрна Кэдвен хмыкнула.

– А разве это существенно? – пожал плечами он. – Располагайся. Ты не голодна?

Грэйи помотала головой:

– Кадфы будет достаточно.

И пока хозяин распоряжался насчет согревающего питья и закусок и растапливал камин, с любопытством просмотрела корешки книг, каковых у Удэйна обнаружилось какое-то совершенно невероятное количество; одобрительно хмыкнув, попробовала ногтем остроту его наградного скейна и, наоборот, с неудовольствием отметила, что любви к огнестрельному оружию брат-волк себе так и не привил.

– Даже если ты не пользуешься пистолетами, братец, их все равно надобно чистить. Или заведи себе денщика наконец-то. По чину и должности тебе давно пора это сделать.

В ответ тот поднял голову и так посмотрел прозрачными зелеными глазами, что Грэйи осеклась.

– Извини. Ты прав, я не могу тебя поучать.

– Только ты и можешь, – пожал плечами Удэйн и придвинул ее кресло поближе к камину. – Ну, вот кадфа, вот еда. Согревайся, и поговорим.

– Начинай прямо сейчас, – ролфийка вгрызлась в пирожок и отпила большой глоток обжигающе горячего напитка.

– Изволь, – он достал опечатанный пакет из-за пазухи и выложил его на стол. – Здесь твоё назначение. И дипломатический паспорт 2-го класса. Итак, Амалер...

– Я слушаю, – Грэйи, не выпуская из рук чашку, посмотрела на пакет так, словно Удэйн достал из кармана то ли золотой слиток, то ли живую гадюку. – Посольство?

– Да. Поручение довольно простое – немножко поработать курьером, поприсутствовать на торжествах и приемах, украсить собою нашу дипмиссию в Файристе.

– А где подвох?

– Его нет, – Удэйн улыбнулся было, но, заметив, как она недоверчиво вздернула брови, посерьезнел: – Ты и есть подвох, сестра-волчица. Приманка в капкане, который он поставил на меня.

– Понимаю... – медленно проговорила она и аккуратно поставила чашку.

– Нет, не понимаешь. Грэйи, Конри пора уходить. Он подвержен слабостям. Он уязвим. Он совершает ошибки. Даже ты – ты, полностью от него зависимая! – и то почти смогла его поймать.

– Хорошее слово – «почти», – зло усмехнулась женщина. – Почти смогла. О да. Вот он мне наемни и напомнил, что попытка сорвалась. Но я согласна – он уязвим. От него разит тайным предательством и тайным страхом, но Священного Князя устраивает такой лорд-секретарь.

– Значит, Конри должен ошибиться, и на его место придет человек, который справится лучше.

– Ты.

– Я.

– А, когти Локки! – Грэйи коротко рассмеялась. – Ты никогда не отличался скромностью, братец, хоть и прикидывался таким святошей. Но продолжай. Если ты сумеешь заставить Конри упасть, тебе можно доверить Канцелярию. Священный Князь любит волков, он это оценит.

– Я – не волк, Грэйи, – Удэйи поднял на нее глаза, прозрачно-зеленые и жуткие, – я – Гончий пес Локки, и единственное желание владеет мною – лежать у ее ног и гнать дичь по ее слову. Я верен Князю только до тех пор, пока он верен Огненной.

– Тогда ты – лучший из ее Гончих, брат, – так же серьезно ответила она. – Но ты одержим.

– Это так. Половина моей крови – от диллайи, и я одержим. Только иначе, совсем по-другому, чем прежде. Мне есть с чем сравнивать, поверь.

– Это очень страшно звучит. – Помолчав, Грэйи наклонилась вперед и положила руку ему на плечо. – Ты горишь, брат, и я боюсь за тебя.

– Не стоит. Ты же никогда не боялась, даже там, в Синхелме, в подвале, ты не боялась. И потом, в Эббо. Ты – земная чаша для ее огня, сестра. Конри не смог тебя осквернить. Все, что осталось во мне от человека, принадлежит тебе, ведь ты – тоже Локка. Он считает тебя моей слабостью, Грэйи, но он ошибается. Ты – волчица, а не овца. Источник силы для такого пса, как я. Но сейчас чем дальше ты окажешься от Конри, тем лучше. В Файристе ему будет гораздо сложнее тебя достать.

– Есть вещи, которые необязательно говорить вслух. – Она на миг прикрыла глаза в знак того, что принимает это признание – или дар, если угодно.

– Иногда это необходимо.

Мгновение сопричастности божественному накатило и захлестнуло, плеснув под веки расплавленным огненным золотом Ее крыльев. И схлынуло. А родство осталось.

– Возвращаясь к Конри, – совершенно нормальным деловым тоном продолжила Грэйи. – В чем твоя игра и какова моя роль в ней?

Аластар Эск, князь Файриста

Риальф Веан окончательно зарвался, потерял всякий страх и решил, что, уложив свою дочку в княжескую постель, получил право высказывать свое частное мнение. Явиться на борт «Меллинтан» без приглашения? Наглец!

– Антэ Эдер, пригласите баталера⁴, комендора⁵, боцмана и помощника штурмана, – сказал Эск, игнорируя визитера, словно в капитанском салоне кроме него и первого помощника не было никого.

– Есть, вирт⁶!

Командиры подразделений, отвечающие перед капитаном за снабжение корабля всем необходимым для плавания и боя, должны быть готовы держать отчет в любой час дня и ночи. Жаль, вельмож, точно кошек, нипочем не приучить к дисциплине и порядку.

– Веан, у вас есть ровно три минуты, чтобы изложить суть дела, – нехотя буркнул князь, убедившись, что напускная холодность приема на незваного гостя особого впечатления не произвела.

– Простите за навязчивость, сир, но мое дело не терпит отлагательств, а так как вы отбываете в дальний вояж...

– Сократите пролог, Веан.

Они оба, и отец, и сын, отличались многословием. Только у сыночка – у Силгунда – получалось к тому же путано и косноязычно. Потому-то на «Меллинтан» явился старший – Веан. Златоуст доморощенный!

– Лорд Нэвид... – начал Риальф вкрадчиво, словно уговаривал девку.

– Приговор ему подписан еще два дня назад, – напомнил князь, не отрываясь от чтения длинного списка.

– Ах, вы неправильно меня поняли, сир. Я вовсе не собираюсь просить за Нэвида, – усмехнулся визави. – Напротив, хотелось бы узнать о судьбе его недвижимости.

Аластар одарил его вопросительным взглядом.

– Его пай в зарянских суконных мануфактурах, – пояснил господин Веан, многозначительно двигая бровями. – А у моего сына Силгунда есть опыт управления, смею вас уверить.

По закону все движимое и недвижимое имущество заговорщика отходило казне, в том числе и ценные бумаги. Эск давно хотел прибрать к рукам столь важное для армии производство, но повода не было. Тиранам ведь тоже потребна весома причина отнять чужую собственность. И если бы лорд Нэвид не решил вдруг поиграть в революционера, то Аластар до сих пор лишь облизывался бы.

Все-таки есть доля правды в утверждении: «Чем легче получить, тем проще потерять». Кабы не отделение Файриста, не видать бы Черису Нэvidу ни мануфактур, ни заводов, ни домов, ни акций. Так бы и прозябал в Санниве, перебиваясь подачками царедворцев.

«Скоты неблагодарные!» – подумалось князю сразу про обоих – приговоренного фабриканта и наглого дельца, пытающегося прибрать к рукам его имущество.

– Я подумаю над вашим предложением, – уклончиво молвил князь.

– Вы не пожалеете, сир. Клянусь!

Риальф ковал по-горячему, торопясь воспользоваться теми привилегиями, которые давало положение его дочери. Эсковы фаворитки, как правило, жили недолго. Слишком много

⁴ Баталер – кладовщик, младший офицер, заведовавший продовольственным и вещевым снабжением экипажа корабля.

⁵ Комендор – старший из прислуги при орудии на военном судне.

⁶ Виртджори – обращение к капитану корабля, буквально: повелитель (диллайн.).

желающих находилось дотянуться до княжьего горла, а женщины так беспечны и неосмотрительны, что легко становятся безвинными жертвами злодеев.

– А теперь – идите. Я занят.

И чтобы у господина Веана не осталось ни малейшей возможности отгрызть еще кусочек княжьего благоволения, Аластар громко кликнул вестового:

– Проводите гостя, Рори.

Возможно, он даже примет предложение Риальфа.

«Почему бы и нет? Если Силгунд хотя бы вполовину так же умен, как его сестра, то... А если нет, то его всегда можно будет словить на растрате и посадить. Заодно и на папочку будет узда».

Эск даже повеселел. Впрочем, подчиненным от этого легче не стало. Всем досталось по шеям, в том числе и антэ Эдеру. Так и надо, когда корабль бурлит молчаливым предвкушением будущего похода. Все догадывались, что виртджорн по дороге на Шанту не упустит возможности «пошалить», и хотя бы один бой, но будет, а следовательно, и приз. Аластар Эск засиделся в столице, ему самому не терпится выйти в море и забыть на время, что он князь.

Но после разноса, учиненного строгим капитаном, в салон было приказано подать лучшего ликерного вина.

– За наши грядущие победы! На суше и на море! – провозгласил Эск и почти растаял от удовольствия, ловя на себе восхищенные, полные немого обожания взгляды офицеров. Пожалуй, они вместе с остальной командой «Меллинтан» были последними людьми, которые по настоящему доверяли Аластару. Как, в общем-то, и он им.

– Все наверх, с якоря сниматься и ставить паруса, – приказал виртджорн Эдеру. – Отбываем незамедлительно.

* * *

Быстроходная «Меллинтан» лучше всего шла бакштаг⁷, но и при ночном ветре делала семь с половиной узлов.

«Это хорошо, это прекрасно. Так мы очень скоро повстречаем какого-нибудь непредусмотрительного синтафца». Нельзя сказать, что Эск жаждал крови или хотел увидеть кого-то из своей команды мертвым. Но напомнить всем и прежде всего самому себе о том, что «Меллинтан» – боевой фрегат, необходимо.

Небо полностью затянуло облаками, море Кэринси накрыла тьма, и только тихое пенье такелажа и плеск рассекаемой форштевнем воды нарушали тишину.

– Я пойду на нос, антэ Эдер, – негромко сказал Аластар. – Но в случае чего вернусь на шканцы⁸.

– Так точно, вирт.

Проходя мимо карронад на полубаке и орудийных расчетов, Эск перекинулся парой слов с матросами, поддерживая в них боевой дух. А затем влез на бушприт⁹, прямиком на блиндрей. И внимательно вслушался в окружающее его пространство. Впередсмотрящий сейчас видел не лучше, чем голубь в полночь, а значит, был бесполезен. Но многолетний опыт и точный расчет подсказывали Аластару, а координаты на карте подтверждали: этот участок водной

⁷ *Бакштаг* – курс, когда ветер по отношению к кораблю дует сзади-сбоку.

⁸ *Шканцы* или *кватердек* – помост либо палуба кормовой части парусного корабля, на один уровень выше верхней палубы, где обычно находился капитан, а в его отсутствие – вахтенные или караульные.

⁹ *Бушприт* – горизонтальный или наклонный брус, выступающий за форштевень парусного судна и служащий главным образом для крепления носовых парусов.

глади – настоящий перекресток морских путей. Решительный капитан и хорошо обученная команда тут не останутся без добычи. Очень легкой добычи, следует добавить.

Случайного блеска пены под чужим водорезом хватило острому диллайнскому глазу. Эск мгновенно обратился в слух и был сполна вознагражден за терпение. Он услышал беспечную болтовню матросов, различив голос лотового и приказы капитана. Синтафцы, по своему обыкновению, расслабились, никто из них не заметил в темноте хищного анфаса «Меллинтан». Имперский корабль поворачивал оверштаг.

«Семь, шесть, пять...» Скорость ветра, направление течений, расстояние, которое разделяло охотника и жертву, превращались в разуме Эска в простые цифры отсчета до мгновения, когда он дунет в свисток.

«Четыре, три, два...»

Едва услышав сигнал, первый помощник крикнул:

– К брасам!

А капитан уже бежал обратно на шканцы, чтобы поспеть к рулевому. «Меллинтан» стремительно набирала скорость.

– Прямо руль! – прорычал он на ухо рулевому. – Чуть-чуть лево руля! И снова руль круто направо!

– Корабль к бою! – тут же отозвался антэ Эдер.

Так быстро все случилось, так неожиданно, что синтафцы не успели ни закончить поворот, ни набрать скорость на новом галсе, когда на них выпорхнула когтистая «Меллинтан» и заскрежетала бортом о борт. Ее пушки выстрелили бортовым залпом, осыпав палубу синтафского фрегата картечью. Вспышки пламени ослепили атакованных, а на реях марсовые Эска уже крепко-накрепко сцепили корабли.

И так яростно выла фэйристанская абордажная команда, хлынув на борт захваченного судна, что Аластар не удержался и присоединился к атакующим.

– Эскизар! Всегда! Вперед!

Негоже князю рубиться в самой гуще драки, не по-княжески это и крайне неразумно, если не сказать – глупо и рискованно. Но, пес всех раздери, до чего охота снова почувствовать себя живым и настоящим!

Приказ виртджорна был прост: «Пленных не брать», а потому убили всех, всю команду синтафского пятидесятипушечного корабля «Летающий». А что делать? Не таскать же их с собой на Шанту! Этого еще не хватало. Значит, плохо Предвечному молились, раз повстречали в море Эска. С ним и на суше-то пересечься не слишком приятно, что врагам, что союзникам.

* * *

Утром после ночного боя Аластар вышел на шканцы и вдохнул полной грудью сырой холодный воздух.

– Восход солнца в шесть пятьдесят, виртджорн, – доложил вахтенный и с чувством ударил в рынду.

Два сдвоенных удара и один одиночный – пять склянок. До рассвета осталось совсем немного. И пока не улеглась суета, вызванная сменой вахты, Эск раскурил трубку и выпил приготовленную для него Талесом чашку кадфы. Не ради удовольствия, табак все равно казался прелым, а напиток – безвкусным, но для соблюдения традиции. Слишком много глаз пристально наблюдает за капитаном, подмечая каждую мелочь. Наслушались, поди, страшных историй о помешанном князе Эске, у которого руки в крови по самые плечи, поедающего на завтрак печень бывших друзей, а на ужин – тушеные язычки фавориток. Ах да, а еще он заснуть не может, не повесив очередного взыскателя справедливости.

И не так уж далеки рассказчики от истины, если исключить ливер и языки.

«Меллинтан» шла по пока еще относительно спокойным водам Кэринси, держа курс на Шанту, под легкими парусами, подгоняемая устойчивым ветром с восточных румбов.

– Прикажите бросить лаг, антэ Эдер, – приказал Аластар.

Диллайнские привычки крепче корней вековых дубов. Почти пятнадцать лет бывший Первый лейтенант Валфрих Тор командует «Лаунэйд», шесть лет назад погиб его заместитель антэ Хорн, а капитан «Меллинтан» все никак не привыкнет к новому имени своего первого помощника.

– Так точно, виртджорн!

По знаку Первого лейтенанта мичман и два матроса бросились на корму с лагом и песочными часами.

– Почти десять узлов, вирт! – доложил антэ Эдер капитану спустя некоторое время.

– Прекрасно. Стало быть, через двенадцать часов мы увидим берег Шанты.

В это время года и на этой широте солнце сядет примерно в половину шестого, а значит, они подойдут к острову как раз на закате, и бастионы форта Сигрэйн будут черным силуэтом нарисованы на бледном золоте небес.

Наверное, когда-нибудь люди будут плавать на Шанту исключительно в целях мирных и просветительских – любоваться красотами острова, дивиться его заповедным лесам и бурным горным потокам, изучать быт и нравы шурианского народа, но случится это совсем не скоро. Не до Шанты сейчас обитателям Файриста и Синтафа. И надо отдать должное Вилдайру, не будь остров под его защитой и покровительством, то родина шурия уже давно превратилась бы в оплот пиратов, гнездо контрабандистов и логово беглых преступников всех мастей. Война с Империей, а вернее сказать, с Эсмонд-Кругом затянулась. Обе стороны имели примерно равные силы, и никому до сих пор так и не удалось переломить ее ход в свою пользу.

Война – это дорогое удовольствие, война – это расходы, бесконечные расходы и никаких доходов. Пока мужчины воюют, пашни зарастают сорняком и хиреет ремесло, пустеют рынки, закрываются лавки. Словом, народ нищает и озлобляется, а казна беднеет.

«А ты мечешься между благородными соратниками, каждый из которых изо всех сил тянет одеяло на себя, ролфийскими эмиссарами и конфедератскими банкирами, пытаешься найти компромисс или отыскать выход, – вспомнилось Эску. – Мечешься и понимаешь, что все напрасно: все твои нечеловеческие усилия, продуманные до мелочей тонкие ходы, уступки и противовесы. А дипломатия и терпимость принимаются за слабость и мягкотелость. Даже самыми близкими, теми, кто знает тебя почти два столетия».

Аластар так и не сумел смириться с крахом своих планов. Идеалист паршивый, он двести лет жил надеждой на сокрушение власти эсмондов, а обнародовав правду относительно магии Предвечного, полагал, что возврата к старым порядкам не будет, а народ Синтафа – диллайн и полукровки – навсегда отвернутся от эсмондов.

Ведь у них, у мятежников, было все, что только можно пожелать: деньги, оружие, корабли, поддержка народа и частично армии, процветающая торговля, сильные союзники за границей, нейтралитет сопредельных государств. Пожалуйста, господа освободители, пользуйтесь! Избавьте народ от векового ига магов-душеедов!

Теперь смешно даже вспоминать о собственных заблуждениях. Огромный тяжелый ковер семисотлетней Империи прикрывал, оказывается, прогнившие доски самовластных уделов. И стоило сдернуть его прочь, чтобы оказаться перед угрозой погрязнуть в дичайшей раздробленности, достойной дикарей. Не спасла ни присяга, данная Эску, ни узы дружбы, ни взятки, ни иные бескровные методы. А вот взятие заложников – помогло. И жестокое подавление любой попытки отделиться и сделаться самовластным князьком пошло исключительно на пользу Северному Княжеству.

Файрист – не личный корабль, а соратники – не вымуштрованные матросы. И к беде своей, Аластар Эск понял это слишком поздно.

Но никто не заставлял Сэлвина Элвву подсылать к своему сюзерену наемного убийцу. И не сыскать того злоумышленника, который принудил Дэссими на пятом году независимости Файриста оторвать от него провинцию Каритому. Почему они решили, будто Аластар Эск – слабак? Только потому, что не хотел избавляться от Лайд и жениться на девушках из их семей? Или потому, что до определенного момента предпочитал дипломатические маневры открытому столкновению?

Что ж, Орвайн Канаварри – буйная голова, тот очень быстро получил свой вождеденный бой не на жизнь, а на смерть. И сам погиб, и всю семью сгубил, и большая часть его провинции до сих пор лежит в руинах, а некогда плодородные земли превращены магией эсмондов в пустыню. И хоть бы кто-то из соратников, кроме Раммана и Алфлаеда Рэя, извлек урок из трагедии Канаварри.

Кто-нибудь посторонний, возможно, мог подумать, что Аластар Эск бездумно таращится в пространство, впад в некий мистический транс, но только не команда «Меллинтан». Виртджорн все видит и все слышит. И в случае чего он будет точно знать, как и что делать.

Истинная правда. Но меньше всего Эск желал, чтобы впередсмотрящий заметил сейчас марсели вражеского корабля. У него не осталось другого места для раздумий о своей жизни, кроме шканцев «Меллинтан». Единственной, кто дарил князю Файриста подлинную свободу.

Меллинтан – Золотая Луна, сейчас тщательно спрятавшая свой лик в рассветном сумраке, как в густой вуали, простила непутевых детей, даровав некоторым из них дар пророчествовать, словно в древние времена. Юноши и девушки, не достигшие еще зрелости, вдруг обрели способности оракулов. Очень немногие, но и этого знака оказалось достаточно, чтобы диллайн вернулись к своей богине. По крайней мере, они надеялись, что она спасет их души от Предвечного. Плохо другое – полукровкам такой альтернативы не нашлось.

«Ты можешь вешать целыми семьями и расстреливать селениями, но пока не отыщется для них иной веры, пока ты не дашь им богов и не покажешь верной тропы в посмертие, ничего не изменится», – сказал как-то Алфлайед Рэй и оказался прав стократно.

Летом позапрошлого года он умер от холеры. И Аластар готов на коленях благодарить Мать Меллинтан за то, что избавлен был судьбою от необходимости устранить последнего своего верного соратника, чье имя стоит под Манифестом Восьмерых. Кроме Раммана, разумеется.

Власть не должна расплываться между многими, превращаясь в беспомощную суету уже при простом делении на два. Власть, тем паче в воюющей стране, должна принадлежать кому-то одному. Лучше, чтобы умному, сильному и деятельному. Только тогда и выйдет толк из любых начинаний. Что сделаешь, если Эск оказался самым сильным и самым хитрым? А сильный, как известно, получает все.

Аластар уже давно заметил, что одержимость его стала совершенно ненасытной, схожей с жаждой хворых мочеизнурением¹⁰. Пей воду хоть ведрами – не утолить жажду ничем. И как не лечится загадочная болезнь, так и ничего не поделаешь с одержимостью. Она держит крепче цепей и оков, она держит крепче объятий любимой, она многорука и многонога, а потому всегда догонит, как далеко бы ты ни убежал, Аластар Дагманд. Становится невкусен табак и кадфа, сон не приносит облегчения, не радуют женские ласки.

Внезапно ему вспомнилась самая последняя из попыток подложить в постель девицу на предмет зачатия законного наследника. Перепуганная до смерти девственница, которую папаша с братцем затолкали в опочивальню князя силком. Честное слово, Эск предпочел бы опытную женщину вместо трясущейся от стыда и страха девицы Веан. И ведь не выгонишь! Девушку потом со свету сживут. С этой, последней, как там бишь ее... Амеретэт пришлось

¹⁰ Мочеизнурение, или несахарный диабет – неинфекционное заболевание, сопровождающееся обильным выделением мочи.

играть в карты на раздевание, чтобы хоть как-то избавиться от катастрофической неловкости. Смешно. До слез.

«Ты сам этого хотел, – еще раз напомнил себе Аластар. – Получил все сразу – власть, войну, долги, врагов и покорных девственниц. Одно без другого не бывает. И без крови – тоже».

Нелюбимые жены бывают разные, иных можно позволить себе роскошь ненавидеть или презирать. Сильное чувство облегчает жизнь и оправдывает многие поступки. Эску и в этом не повезло – Лайд не заслуживала ненависти. Только жалости. Не вмешайся эсмонды в естественный ход вещей, у Лайд обязательно имелся бы мало-мальский намек на характер. Пусть бы она была жестокой или хотя бы упрямой, коварной или любвеобильной. Но сражаться с пустоголовой куклой, равнодушной ко всему, что не связано с ее жизненной задачей, вложенной в нее аннис, как-то... неспортивно.

Лайд... Бедная, несчастная красавица-пустышка. Глупышка Лайд. Получись она у селекционерок-аннис чуть-чуть умнее, то ни за что не позволила бы втянуть себя в новую попытку убить собственного мужа. А с ее смертью у Эска тоже что-то умерло в душе. Уж не милосердие ли? Но к Джоне он перестал ездить еще три года назад. Она – шурия, она сразу поймет, в кого превратился отец ее сыновей.

– Вижу парус! Парус прямо по курсу! – проорал марсовый.

Антэ Эдер поднес к глазам подзорную трубу и разочарованно хмыкнул:

– Далековато.

– Эй, на марсе! – крикнул Эск. – Что вы видите?

– Сейчас ничего, вирт! Только что мелькнули брамсели какого-то корабля. Вот! Опять! Три румба в корму от левого траверза!

– Какой у него курс?

– Как у нас, вирт! Вот они опять пропали. Опять появился!

– Догоним, вирт? – спросил Эдер.

– погоди, – отмахнулся капитан, всматриваясь в окуляр трубы. – Судя по корабельной оснастке... Так... А палуба у него гладкая. Это корвет «Золото Саннивы»!

Первый лейтенант смотрел на виртджона с немым вопросом, готовый по первому его слову скомандовать привычное: «Свистать всех наверх!»

Но Аластар медлил. Он как-то странно глянул на собственные ладони в перчатках, по-совиному моргнул, словно отгоняя неприятное видение, и сказал:

– Пора подменить палубную вахту на завтрак. Вызывайте подвахтенных, антэ Эдер.

– А как же...

Но виртджон развернулся на каблуках и направился в свою каюту.

Ибо лишь он здесь решает, кому жить и кому умирать, а также – когда и как.

Грэйи эрна Кэдвен

«Слава Глэйсэйта», большой трехмачтовый пароходофрегат, представляла собой этакий эксперимент, в эффективности которого еще предстояло убедиться. И в самом деле, а что, если добавить к парусам силу паровой машины? Идея выглядела настолько непривычной и революционной, что поначалу все исподволь ожидали какого-нибудь несчастья. Не оскорбит ли Морайг подобное нововведение? И, несмотря даже на уверения княгини Мэрсэйл, желающие пересечь море Кэринси на борту этого монстра нашлись далеко не сразу. Однако нынче «Слава» уходила вот уже в десятый по счету рейс, и все они до сих пор завершались благополучно. А скорость пароходофрегата с лихвой искупала некоторые неудобства пассажиров.

Впрочем, у Грэйи и выбора-то особенного не было. Осень грозила близким закрытием навигации, и единственной возможностью попасть в Амалер до начала сезонных штормов оказалось путешествие на борту «Славы Глэйсэйта». Кроме того, эрна Кэдвен и сама не чуралась некоторых новинок. К примеру, кто из эрнов-владельцев Конрэнта первым подхватил показавшуюся поначалу нелепой идею о культивировании «земляных клубней», привезенную леди Рэймси – урожденной диллайн – с материка? Владельцы и управляющие соседних имений только осуждающе качали головами да посмеивались, в то время как Грэйи собственноручно вскапывала две опытные грядки и, слово в слово следуя подробной инструкции, прилагавшейся к мешку с клубнями для посадки, удобряла почву и высаживала непривычные, не слишком-то аппетитно выглядевшие... э-э... плоды. Самым сложным оказалось пресечь попытки обитателей поместья слопать завязавшиеся на месте цветков зеленые круглые «ягоды». Хотя нет – по сравнению с усилиями, затраченными на то, чтобы убедить жену управляющего Сэйринн отварить и съесть урожай, все остальные трудности меркли.

Фрэнгену вкус нового овоща не понравился. Однако сваренные в пойле очистки от «земляшки» (так ролфи сократили слишком длинное название) с огромным энтузиазмом пожирали фрэнгеновские свиньи, и потому майор вошел в долю и спустя некоторое время уже всю пропагандировал среди знакомых и сослуживцев «клубни эрны Мирэйр». Название прижилось, ибо именно супруге генерал-фельдмаршала эрна Рэймси и принадлежало право первооткрывательницы и распространительницы новой еды. А эрна Кэдвен, убедив арендаторов (а кое-кому пришлось и пригрозить) начать сажать «земляшку», не только отогнала от поместья призрак голода, но и неплохо вложила деньги в акции «клубневой» концессии. Теперь-то мало в каком доме на Ролэнси стол обходится без блюда из «земляшки», но, когти Локки, приятно же быть одной из первых!

Воодушевленная небольшим, но заслуженным коммерческим успехом, Грэйи пошла еще дальше. Как только прошел первый слух об организации «Ролэнтской самоходной дорожной компании», эрна Кэдвен озаботилась попасть в первую же сотню ее акционеров. Машина, поразительным образом не только движущаяся по стальным рельсам силой пара, но и тянущая за собою повозки, выглядела куда как пострашнее мешка с клубнями, однако и это дело выгорело. Две тонкие полоски металла, проложенные по каменистой земле Ролэнта, связали южное побережье с северо-западным, сделав путешествия не только быстрее, но и комфортней, чем в почтовой карете. Во всяком случае, в вагон-салоне первого класса.

Благодаря пусть грубой и однообразной, но сытной пище, в Кэдвене не голодали даже в самые «тощие» в финансовом отношении годы, когда Грэйи, родив близнецов, считалась резервистом и получала лишь половинное жалованье. Комендантских финансов Фрэнгена едва хватало на содержание обоих поместий, а дети – воистину дорогое удовольствие! Но к моменту, когда вопрос об отправке Эрмейн в хороший пансион встал, что называется, во весь рост, акции «Ролэнтской дорожной» наконец-то начали приносить доход. А спустя еще три года эрна Кэдвен поняла, что без ущерба для семейного состояния может наконец-то оставить службу

в форте Кэйдрен и попробовать свои силы на сначала окружных, а затем и вступительных экзаменах в военную академию...

«Слава Глэйсэйта» с грохотом подняла якоря и отсалютовала фортам и батареям главной морской базы Ролэнси выстрелом из носового орудия. Из длинной трубы повалил густой черный дым, и стоявшие у фальшборта пассажиры, кашляя, поспешили убраться с верхней палубы по каютам. А Грэйн осталась. Не только потому, что любопытно ей было все, происходящее на этом необычном судне, но и чтобы в очередной раз заставить себя поверить собственным глазам. И воняющий углем дым, и вопли чаек, и короткая крутая волна, нещадно качавшая «Славу», и снова накрапывающий дождь, и мокрые лопасти винтового колеса, с плеском рас-секающие воду, – все это происходило на самом деле. Она плывет в Амалер. Ха! И вовсе это не бегство. Морайг и Локка видят, что она не бежит.

Ролфийка отвернулась от медленно таявших за серым покрывалом мороси бастионов Глэйсэйта и коротко оскалилась, приветствуя море Кэринси и будущее, покамест задержанное той же невесомой пеленой. «Слава Глэйсэйта» пребывала нынче между, посередине: между Ролэнси и Файристом, между «было» и «случится». И Грэйн на миг ощутила себя таким же кораблем, крошечной точкой на беспокойном просторе, стрелой, взмывшей высоко-высоко и на долю мгновения замершей там, в поднебесье. Странное это чувство нездешности и... не свободы, нет! – пожалуй, отсутствия зависимости... длилось и длилось, никак не желая оставлять эрну Кэдвен, и овладело ею настолько, что ролфийка даже не могла думать. Когти Локки, она даже детей не вспоминала. Даже Кэдвен и его яблони. Впрочем...

Дом отпустил ее, выпустил на волю. Расстелил ей под ноги вереск, прошелестел слова прощания в тростнике у воды и мягко подтолкнул в спину влажной ладонью ветра. Ее земля признала клятвы женщины исполненными – вот что главное, а расторжение союза с Фрэнгеном – это уже всего лишь формальность. Теперь она и впрямь не принадлежит никому из тех, кому принадлежала прежде. Так непривычно. Так странно.

– Я словно корабль, сорвавшийся с якорей. Ни зги окрест, и я далеко от знакомых берегов, – прошептала Грэйн волнам. – Где теперь горит мой огонь?

Сон той ночью послала ей не Локка, нет – Огненная Луна молчала, так же как молчала все эти четыре пятилетия. Она слышала свою посвященную, но, верно, не считала нужным с ней говорить. И сейчас тоже. Засыпая, Грэйн чуяла взгляд Локки – внимательный и выжидающий, но этот сон ролфийке принесла Морайг. Словно серебристую рыбешку, держа за хвост. Подразнила отблесками на чешуе – и выпустила в темные воды сна Грэйн видения, в котором она была не волчицей, а... кораблем. Белокрылой дочерью Серебряной Луны, «Верностью Морайг» о сорока шести пушках и с оскаленной волчьей мордой на штевне. Огненный зрачок далекого маяка подмигнул в темноте – а может, это Локка заглянула в сон своей посвященной и прищурилась, довольная. А потом пришел ветер, и Грэйн-корабль знала – будет бой, и сердце ее запело от счастья, и ветер вторил ее радостному кличу, слышному лишь богиням...

Она проснулась в темноте и долго лежала, улыбаясь пляске лунных бликов на потолке. Все обрело смысл. Она – не ничья, она просто свободна. Настолько, насколько вольна гончая сука, спущенная со сворки. Грэйн тихонько, почти беззвучно рассмеялась.

«Ну наконец-то!» – насмешливо фыркнула в ответ Локка. – *Я жаждалась тебя, Верная».*

Разноцветные осколки страхов, сомнений и замыслов вспыхнули и сложились в стройный и логичный план. Ролфийка вылезла из постели. Путешествие первым классом – роскошь, вполне доступная теперь, когда она снова как бы в строю, снова Гончая – что означает отдельную каюту, а это великое благо для той, кто отчаянно нуждается в покое и одиночестве. Право, эрне Кэдвен было о чем серьезно поразмыслить. Но вместо тщательного обдумывания участия в рискованной игре брата Удэйна женщине в голову лезли такие мысли, что у Грэйн даже уши вспыхнули, будто сигнальные огни. Или вернее будет сказать – вползли? Толстые черные змеи, а может – косы, которые терпеливо ждали своего часа лет этак двадцать, пока она

не смела, не позволяла себе вспоминать. Ну вот, дождались. Приползли, оплели, с-сволочи... И что теперь?

Грэйи с насмешливой досадой укусила себя за палец, но бесстыжая и откровенно глупая ухмылка никак не желала убираться с губ.

«Твои шуточки, Огненная?»

«*Вот еще!* – Локка хихикнула, как девчонка. – *Не пеняй на меня и не дури, глупая Гончая, не то не пошлю тебе снов! Для мыслей о войне у тебя еще будет время; думай теперь о другом, пока можешь.*»

Вилдайт Эмрис и Аластар Эск

Вечера на острове Тэлэйт – это что-то невообразимое. Вилдайт Эмрис затруднился бы ответить, что именно так влечет его на этот берег и в этот дом – не считая его хозяйки, конечно! И уж тем более не признал бы никогда, что приложил множество усилий, дабы превратить вечерние посиделки с газетой у камина поместья Лалджета в этакую вариацию на тему отдыха в Зале-с-Очагом в замке Эйлвенд после ужина, когда влажный ветер завывает в трубах, а огонь в камине ластится к рукам, словно живая знойно-рыжая лисичка.

Здесь, на Шанте, ветер не ломился в окна, будто пьяный рыбак – домой, а вкрадчиво скребся и шептал невнятные обещания, а пламя шипело над сосновыми поленьями что-то очень шурианское. Но кресло, сработанное местными умельцами, пришлось вполне под стать княжескому седалищу, а черный эль у домоправительницы, чистокровной шуриа и в каком-то там колене родственницы семейству Ияри, выходил лишь немногим хуже, чем в пивоварнях Ролэнта. Здесь, в Лалджете, вообще не было совсем чужих хозяйке людей. Какие-то четвероюродные кузены, троюродные бабки и тетки, словом – полный дом родичей. Вилдайт иногда с усмешкой думал, что на этой Шанте все друг другу родственники, и даже Джэйфф Элир не сможет с чистым сердцем поручиться за то, что не приходится Джойане Ияри семиюродным прадедушкой.

В общем, вечера на острове Тэлэйт Священному Князю нравились. И в немалой степени еще и потому, что за вечером неизбежно наступала ночь. Княгини со смешками именовали эти визиты их супруга и повелителя на Шанту «полевыми работами», и в этой почти казарменной остроте от шутки было не так уж и мало. Служение богине плодородия и снискание ее милостей требовали от ролфийского князя усердия и стараний. Но право же, эти труды Вилдайра отнюдь не тяготили!

Однако этим вечером «поле» останется, так сказать, невспаханным. Ибо очередной Джойанин шурианский родственник уже докладывал, появившись в гостиной без стука и поклона, что с визитом явился князь Эск. И Вилдайт Эмрис, хмыкнув, отложил газету:

– Просите, э-э... почтенный.

Диллайн не вошел – влетел, с бесшумной внезапной плавностью движений, отсвечивая золотыми глазами, как и все их желтоглазое племя. По-птичьи резко дернул подбородком в вежливом поклоне. Ролфи кивнул в ответ, отметив про себя: «А что-то осунулся ты, венценосный собрат. Подурнел-с... Тяжеловата оказалась княжья корона?»

И вот ведь незадача – как ни старайся удержать себя от злорадства, но хоть в мыслях, а проскользнет! Но мысли – это все-таки не слова. И как ни рвалось с Вилдайровых губ тоскливое: «Улетай восвояси, сделай милость! Ну не люблю я тебя!» – вслух он вымолвил нечто более вежливое:

– Хотел бы я сказать, что рад вас здесь видеть, Эск, но это будет лицемерием. Тем не менее добро пожаловать. Эля с дороги?

Как любил говаривать отец Аластара, откровенность – это наряд, который носит богатый и уверенный, а нищий вынужден таскать на себе лохмотья лицемерия. Кто приехал попрошайничать у сильного, тому не пристало огрызаться.

– Не откажусь, – буркнул Эск.

Но от злого взгляда не удержался, как ни пытался. Кто создан выпускать когти или скалить зубы, тому тяжело дается наука смирения.

– Тогда пересядем поближе к очагу, – предложил Священный Князь, широким движением ладони указав гостю кресло напротив. Хотя... хороший вопрос, и кто же из них двоих тут гость? – Вечерами здесь довольно промозгло, и даже отопление и двойные рамы не всегда спасают от сквозняков.

Камин уютно ворчал сосновыми поленьями, на маленьком столике меж двух кресел дымился ароматным паром обливной кувшин с горячим элем, а сбоку сиротливо притулилось блюдо с горкой ломтиков вяленого мяса. И Вилдайру Эмрису нестерпимо хотелось надраться, словно последнему матросу в день швартовки у родного пирса. Любопытно, а чего хочется Эску? По невозмутимому лицу диллайн не прочитаешь и тени истинных эмоций. Хотя нет. Вот, залупал глазами, закрутил головой... у-у, желтоглазый...

Вилдайр сам наполнил серебряную кружку гостя. Во-первых, почему бы не отдать должное древним законам гостеприимства, дескать, подели со мной тепло очага и хмель этого питья, гость, ибо я не желаю тебе зла... И ведь действительно не желал Священный Князь правителю Файриста ничего дурного и не лукавил ничуть, разве что случая немного поязвить не упустил. Но так ведь они же не друзья, а всего лишь союзники. И соперники. И поэтому – во-вторых – нелишне напомнить Эску, кто на Шанте и в Лалджете настоящий хозяин. Не гость должен наполнять кубки, это – священное право владельца.

Эск нюанс оценил – кто бы сомневался! – и заметил желчно:

– А что же наша дорогая хозяйка не хочет присоединиться?

Злость диллайн, обильно приправленная затаенной тоской и ревностью, горчила, словно лучший октябрьский эль. Вилдайр аж веки полуприкрыл, смакуя эту смесь с неторопливостью настоящего гурмана. Но отвечать все равно пришлось:

– Увы, – ролфи мельком показал зубы в ухмылке. – Священной Невесте нездоровится. Приступ мигрени, я полагаю. Весьма неприятная хворь.

Пять лет назад Аластар бы точно вспылil от этого демонстративного «Священная Невеста», но не теперь, когда появились вещи поважнее женской благосклонности.

– Не бережете вы... Священную Невесту, не бережете...

Злоязычие, кстати, тоже удел убогих.

– Впрочем, время позднее, а разговор у нас не предназначен для дамских ушек.

– Ну, в данной ситуации недомогание миледи нам с вами даже на руку – в отсутствие дам беседа становится более непринужденной. Кстати, мои соболезнования вашей потере, князь. Вы ведь недавно овдовели.

– В свете тех подробностей, которые мы знаем о Предвечном и о его гастрономическом подходе к душам усопших диллайн, это прискорбно вдвойне, – отчеканил князь Файриста.

Видимо, это судьба у него такая – быть по отношению к своим женщинам либо отвратительным отцом, либо неверным любовником, либо мужем-убийцей.

Священный Князь нахмурился. И в самом деле, хватит присыпать перцем и без того незаживающую язву.

– Извините, Эск. Я увлекся. – Он сочувствовал без издевки, а вполне искренне. Убивать женщин всегда... неприятно, особенно если эта женщина – одна из тех, с кем ты спал. Ну, пусть не собственноручно придушить, но все же... «А я бы смог? – Ролфи не сумел подавить мгновенную дрожь и сам себе ответил: – Хвала богиням, мне никогда не придется».

И решительно сменил тему, ибо от скорбного вдовства до нового брачного венца князя Файриста вполне может отделять один шаг. И неразумно искушать Эска тенями возможностей, все равно несбыточных.

– Но довольно о женщинах. Вы настаивали на встрече. Итак?

Аластар настоль устал от околичностей, которые вынужден был блюсти в Амалере последний год, что сказал, как подумал, прямо и откровенно:

– Мне нужны деньги и оружие. Много и быстро.

Вилдайр отвечал столь же коротко и по-деловому:

– Сколько?

Пришлось достать из жилетного кармана листочек бумаги и маленьким карандашиком нацарапать на нем требуемую сумму. Дом на Шанте, конечно, дом друга, но лишние уши есть везде и всегда.

Светлые брови Вилдайра Эмриса вздернулись в уважительном изумлении, когда он подсчитал количество нулей. Однако! Запросы Эска вполне соответствовали расходам правителя, чья страна уже два десятка лет не вылезает из войны, но все же, все же... Не то чтобы Священный Князь категорически не желал одалживать диллайн потребную сумму, но ведь из кармана сюртука этакую грудку золота не достанешь! Ролфи вздохнул, хмыкнул, еще раз пересчитал нули и с сожалением покачал головой:

– Увы, я не распоряжаюсь государственной казной как своей собственной, Эск. Верховный Кабинет сожрет меня с потрохами, а Совет Эрнов догрызет мои бедные кости. Ни один союз столько не стоит, скажут они и будут правы. Так что – либо умерьте аппетиты, либо дайте мне гарантии, которые устроят моих министров. Или предложите что-нибудь дельное взамен. Голова Хереварда, к примеру, стала бы совсем необязательным, но приятным сюрпризом.

«А давайте продадим Файристу оптом и в розницу?! А на вырученную сумму обеспечим Аластару Эску несколько лет относительного спокойствия и беспредельной власти. Это ведь единственное, в чем он нуждается!»

Эск прямо вживую видел подобные заголовки в газетах и прокламациях. Но в разоренной междоусобицей стране благие намерения всегда в избытке, а золото, напротив, в дефиците. За красивые глаза его не отсыплют горстями. И в обмен на место в опочивальне шурианской женщины ружья тоже не приобретаются. Увы.

– А что бы заинтересовало вас и Верховный Кабинет? – напрямик спросил Аластар. – Вы же в курсе происходящего в Файристе, ваш посол регулярно отправляет на острова дипломатическую почту, а ваш резидент трудится, не покладая рук. Я не в том положении, чтобы торговаться за каждый лейд. Поэтому готов выслушать любое предложение.

– Я здесь не для того вас элем пою, чтобы злорадствовать над вашими трудностями. – Ролфийский князь сморщил нос и предложил, подразумевая, что из них двоих деньги нужны все-таки Эску: – Давайте думать вместе. Пожалуй, нас привлекла бы выгодная концессия в Файристе, нечто, что принесло бы и пользу вам, и доход моим подданным. Тем из них, кто склонен к финансовым авантюрам и вложениям в чудеса науки. Хм?

– За последние годы я почти навел порядок, заставив всех сидеть тихо, и при первой же возможности воплотил в жизнь мою давнюю задумку – железную дорогу. Из Хэлама в Моэр. Слышали, должно быть?

Железная дорога – очень дорогое удовольствие. Аластар понял это сразу же, как только получил первые расчеты. Заманчиво, конечно, взять и сократить расстояние между рудниками и шахтами, а также ускорить доставку сырья на фабрики, но одним росчерком пера это не сделаешь. В относительно мирное время этот дорожный проект, едва родившись, уже рисковал бесславно сгинуть в бесконечных спорах провинциальных Палат Управления, где каждый из землевладельцев так и норовил извлечь для себя выгоду и подзаработать за счет казны. И чтобы переломить ситуацию в свою пользу, Аластару пришлось бы зайти очень издалека – законодательно лишить провинции самостоятельности, а это дело медленное и кропотливое, требующее бесконечной череды компромиссов. Расправившись же с бывшими соратниками, Эск решил проблему радикально, раз и навсегда. Железная дорога проложена была по казенным землям, принадлежащим всему Файристу. Имелись также иные сложности: для строительства потребовались не только инженеры, но и рабочие, много-много землекопов, а в воюющей стране мужские руки, не занятые винтовкой, в большой цене и в недостатке. И конечно же – деньги, большие деньги, много денег, а бюджет Файриста не бездонен. И однажды они закончились.

– О! Железная дорога! – Вилдаир оживился и даже подался вперед: – Это прекрасная идея, Эск, и весьма выгодное вложение. Затраты на строительство окупаются очень быстро.

– Несомненно. Если по рельсам все-таки пустить паровозы. Которых нет.

Ролфи приподнял бровь, призывая собеседника к четкому ответу.

– Мне нужны локомотивы, – признался Эск и, собравшись с духом, добавил: – И – да, я согласен, пусть это будет концессия. Как минимум два паровоза – первым взносом – и некоторое количество специалистов.

– Да, такая концессия заставит мой Кабинет облизываться и вилять хвостом. Тем паче что наш Институт корпуса путей сообщения как раз выпустил пару десятков инженеров-путейцев, и кое-какой опыт в этом деле у меня имеется... Да и добрые мои подданные уже оценили выгоды от Ролэнтской Дорожной и с удовольствием вложат деньги в развитие чего-то подобного в союзном Файристе. Да. Это подойдет. Под такие вкусные гарантии мне не составит особенного труда добыть для вас этот займ.

Пикантность ситуации заключалась в том, что от финансового присутствия недалеко и до политического... м-м... скажем так, настойчивых советов касательно политики. Мнение такого кредитора, как Вилдайн Эмрис, Эску придется учитывать, и отмахнуться от него не получится. Верховный Кабинет будет в восторге, на самом-то деле. Зачем, скажите на милость, завоевывать земли на материке мечом, когда можно проделать это с помощью звонких лейдов и красивых ценных бумаг с водяными знаками? И Доминион Файрист звучит ничуть не хуже, чем Доминион Шанта...

Понимает это Эск? А то как же! Еще как понимает, но только выбора у диллайнского князя нет. Впрочем, нигде не записано, что алчные ролфийские мечты подлежат немедленному осуществлению. Сейчас – а может, и дальше! – это всего лишь традиционные ролфийские... грезы.

– Это не просто осуществление мечты последних лет, – признался Эск. – Моим любезным подданным наконец-то должно стать понятно – моя власть неоспорима, и все мои планы осуществляются, невзирая ни на что.

Вилдайн же будто не слышал, он бормотал, сладко жмурясь:

– ...и пару-тройку полков для охраны дороги и складов, м-м?.. А то и целую дивизию, на всякий случай.

Ладони у Священного Князя прямо-таки чесались – так хотелось торжествующе их потереть. Но нельзя же, нельзя, вот так, с ходу и откровенно... А жаль, видит Локка! «Подбери слюну, волчара, – иронизируя сам над собой, подумал ролфи. – Р-размечтался!»

«Меллонтан, что я делаю? Я же пускаю волка в овчарню!» – отчаянно взмолился диллайн в последний момент.

Но иного выхода он не видел, как ни пытался.

– А оружие? – требовательно спросил диллайн. – Херевард ведь не сидит сложа руки.

Ох, как ему нужны были ролфийские ружья и пушки. Ничуть не меньше паровозов.

Осознание, что в тебе, как в союзнике, не слишком-то и заинтересованы, как ни странно, смертельным ударом по Эсковому самолюбию не стало. Кто склонен видеть истинное положение дел, а не тешиться иллюзиями, тот и без намеков способен додуматься до подобного вывода. Ведь если посудить здраво, то Вилдайн Эмрису Файрист нужен прежде всего как источник зерна. Долины Янамари, поля Лираэнфа и Рэйсона останутся щедрыми и обильными и без Аластара Эска. К тому же с Идгардом «дядюшке» Вилдайн договориться будет проще. Наследник Файриста «дядюшку» Вилдайна и «тетушек» Вигдэйн и Мерсэйл любит и уважает.

Словом, Аластар не питал особых надежд как-то исправить положение.

Но попытаться стоило...

– Что вы сказали?

«Хитрый волчара! – мысленно зашипел диллайн. – Не прикидывайся глухим!»

– Оружие. Кроме вложений в железную дорогу, мне требуется оружие.

– Это уже отдельный разговор, – уклончиво молвил ролфи.

Аластар сотни раз видел подобное выражение на лицах других мужчин и женщин. Когда кто-то чуть медлит перед решающим броском, наметив целью глотку своего визави.

«Ну же, Волк Архипелага, прыгай! Я же знаю, чего тебе надобно от меня».

Никогда, никогда, никогда Аластар Эск не явился бы к Вилдайру Эмрису как проситель, кабы не глас рассудка и привычка смотреть в глаза реальности. Без военной помощи Ролэнси он проиграет грядущую кампанию Эсмонд-Кругу. Продует вчистую. Но в обмен на место в опочивальне шурианской женщины ружья не приобретаются. Или все же да?

Священный Князь молчал, выжидая.

«Хорошо, я облегчу тебе задачу, зубастый».

– Жаль, что Джоны нет с нами, – с нарочитой печалью вздохнул диллайн. – У меня для нее семейные новости.

Вилдайр, разом очнувшись от размышлений, прищурился:

– Да-а? – И расплылся в благодушной улыбочке. – Семейные новости – это так прекрасно. Это нечто тайное или вы можете поделиться вашей радостью и со мной тоже?

– Мой дорогой... друг – граф Янамари – намерен жениться. У меня, к сожалению, пока не нашлось времени познакомиться с невестой поближе, но по уверениям Раммана – она весьма достойная девушка.

Так и не признавший за Аластаром отцовских прав, Рамман с каждым годом становился все больше похож на Бранда Никэйна – покойного супруга Джоны. Он говорил, как Бранд, улыбался, как Бранд, и суждения имел схожие, и нрав, и привычки. С ним выходило интересно поговорить за рюмкой ликерного вина, на него можно было положиться в сложном деле, но дружить не получалось. И даже внешне... Ролфийская кровь, доставшаяся графу Янамари от деда, окончательно взяла вверх. Если забыть на мгновение, кто он таков, то ясноглазого и русоволосого мужчину легко принять за островитянина. Но если Рамман унаследовал Брандово «везение» с женщинами, то не исключено, что его избранница составит конкуренцию Джоне по части неприятных сюрпризов.

– Без сомнения, родители... хм... мать не может оставить без своей поддержки и благословения старшего сына, – серьезно кивнул Вилдайр, будто не заметив, что оговорился. И сразу же перешел в контратаку: – Да будет вам известно, князь, что леди Джойана уже выразила желание посетить Амалер в составе официальной ролфийской делегации в ответ на приглашение, которое вы мне столь любезно отправили. Не вижу причин, по которым этот визит не мог бы состояться. Кроме, разве что... – и этак со значением выгнул бровь.

Тут бы и дурак догадался, какова будет цена вопроса.

– Вряд ли я передумаю насчет поставок оружия. Это решенный вопрос.

– Уверены?

– Абсолютно. И еще три паровоза дополнительно, – твердо отвечал Аластар.

– Два.

Эск с мягкой улыбкой на устах склонил голову на плечо совершенно по-совиному, намеренно дразня в Вилдайре волка. Теперь, заключив договор с Эмрисом, пусть даже на словах, диллайн дал себе волю позлословить.

– Никогда бы не подумал, что вы станете торговаться по такому щепетильному поводу.

Но ролфи остался непреклонен:

– Ружья, пушки, снаряды, порох и целых четыре паровоза – это подходящий обмен. Вы ведь человек чести, князь.

Когда языком твоим и горлом, и всем существом владеет проклятая одержимость, то говорить чеканно: «Файрист примет Вашу благородную и могущественную Невесту со всем возможным уважением, которое мы испытываем к союзному государству и членам его правящей семьи» не так уж и больно. Ну разве только немного противно, но гадливость эта направлена исключительно вовнутрь, на самого себя, что несмертельно.

– Скогти вас Локка, Эск, вы что, специально делаете вид, что не понимаете? – уже без всяких шуточек и намеков оскалился Священный Князь: – Мне и на Ролэнси прекрасно слышны высказывания некоторой части вашей аристократии! В частности, те, в которых звучат призывы избавить их обожаемого князя от змеиной колдуньи. Так вот, если вы допустите, чтобы с головы Джойн упал хоть волос, Файрист получит войну. – «И я клянусь пламенем Локки, кровью Морайг и бедрами Глэнны тоже, что раскатаю твое свиное гнездо в тонкую-претонкую лепешку за одну кампанию!» – И это будет зависеть уже не от меня. Она – воплощение Глэнны и Священная Невеста. Меня попросту заставят мстить, даже если я не захочу. Но я захочу.

Диллайну расхотелось ерничать. И никуда не сбежать от обжигающей горечи. Предательство, оно именно такое на вкус – горькое и тошнотворное.

– Вот видите, Вилдаир, мы с вами хоть и считаемся едва ли не всесильными, но нас тоже можно принудить идти против собственных воли и желаний, – грустно сказал Эск. – Обстоятельства вас заставят мстить, так же легко, как меня они только что заставили отказаться от Джоны. Но я буду беречь ее пуще глаза, не сомневайтесь. Обещаю.

Ролфи угрюмо насупился и ответил хмуро:

– Я боюсь ее отпускать. Не потому, что сомневаюсь в вашем слове, Эск. Я могу приставить к ней полк гвардейцев для охраны, вы окружите ее тройным кольцом своей стражи. Но она же шуриа. Она может ускользнуть. И что мы будем делать тогда? А?

– Да, шуриа ускользают. Это факт. И если Джона ускользнет по каким-то своим шурианским делам, то я лично отправлюсь на охоту.

– А, не смешите, – Вилдаир досадливо повел рукой и сморщил нос: – Вы не бросите целое княжество ради одной женщины. Но если я ее не отпущу, она попросту сбежит. Поэтому... хм... надо приставить к ней человека, который уже имел с нею дело и знает ее повадки.

– У вас есть такой человек. Это – эрна Кэдвен. Она единственная, кого Джона станет слушать и кому подчинится.

– Пожалуй. Я могу попросить вас передать мой приказ для моей Гончей? Она очень кстати направлена в Амалер.

– Разумеется. Я и сам не откажусь встретиться с доблестной эрной Кэдвен...

Окно, ведущее в сад, распахнулось внезапно, словно от резкого порыва ветра.

– Отличная идея! – заявил сидящий на подоконнике Джэйфф Элир. – И я не откажусь с ней встретиться, ваше высочество.

«А шуриа не только ускользают, но и запросто проскальзывают внутрь, – напомнил еще раз Эск самому себе. – Забираются в сердце и остаются там навсегда. И не выкуришь их, и не вытравишь».

– А-а!!! Вы-то мне и нужны, милейший господин Элир. Ползите-ка сюда, – мгновенно встряхнулся Священный Князь и поманил к себе бывшего рилиндара ласково-преласково.

Джэйфф Элир

Собственно, братских объятий от Священного Князя никто и не ожидал. Покушение на эрн Тэлдрин – это не то происшествие, на которое Вилдайр закроет глаза. Но чтобы ролфи вдруг начал шипеть сквозь зубы, пусть даже ласково?

«Эй, парни, что у вас тут случилось, пока я за головами охотился?» – хотелось спросить Джэйффу.

Но он лишь приподнял шляпу в знак приветствия.

– Добрейшего вечера, почтенные господа. Рад видеть вас обоих в добром здравии и мирном настроении.

Когда на рейде стоят рядышком «Меллинтан» и «Свора Оддэйна», надо готовиться к любой неожиданности. Тесновато двум князьям в Джониной спальне придется. Но не гляди, что сидят рядышком и чинно попивают эль, глазом моргнуть не успеешь – сцепятся и покатаются по ковру. И не исключено, что и бывшему рилиндару ребра пересчитают за компанию. Ишь ты, как диллайн насупился – сидит, глазищами блестит.

– Да уж, мы нынче добрые и мирные, – фыркнул Вилдайр и не погнушался оторвать седалище от кресла и дотянуться до еще одного стакана, чтоб угостить вновь прибывшего. – Прямо-таки скучно и не на что посмотреть и посмеяться, верно? Ну, ничего, сейчас я тебя повеселю, повелитель Шанты. Садись-ка к нам третьим, выпей.

Со дня тех самых памятных посиделок на пляже близ еще дымящегося форта Сигрейн, когда за бутылкой ликерного вина решила судьба Шанты, Священный Князь, можно сказать, сошелся с бывшим рилиндаром накоротке. Нельзя же отрицать, что у кровожадного шурианского воителя и свирепого ролфийского князя не нашлось бы общих тем для дружеской беседы, верно же? К примеру, поспорить, чьи косы длиннее, или сравнить преимущества скейна перед ихинцей. И наоборот. До близкой дружбы дело, конечно, не дошло, но все-таки Джэйфф Элир нравился Вилдайру гораздо больше, чем Аластар Эск. Можно даже сказать, что Священный Князь шурианскому воину симпатизировал. Оттого и на «ты» перешли, и вообще...

– Как приятно, когда с корабля попадаешь прямиком на бал.

Элир с удовольствием пригубил хмельное и занялся мяском. А чего ж отказываться, когда угощают?

– Хорошо, что я не с пустыми руками пожаловал, а то вышло бы неудобно, право слово, – сказал он и опустил мешок на пол, чтобы его содержимое глухо стукнуло об паркет.

– Есть чем порадовать, да? – Вилдайр заинтересованно повел ухом и принялся. Пахло человеческой кровью и железом. Хорошо пахло. – Ну, валий. А то Тэлдрин тут уже весь хвост извивал, чтобы своих любимых шурий прикрыть. Его доклад насчет покушения – просто дивная сага о том, как генерал-губернатор сам себя скальпировал.

И ведь не преувеличивал ничуть. Объяснения эрна Тэлдрин касательно недавнего инцидента воистину стали шедевром изворотливости. Но пенять генерал-губернатору за эти простоватые и отчасти глуповатые хитрости Вилдайр не собирался. В конце концов, маленькое приключение Тэлдрин меркло в сравнении с утренней стрельбой по окнам княжеской спальни, и что же? Вилдайр Эмрис повторил увертки своего наместника с такой точностью, что добряку Тэлдрину впору бы обвинить сюзерена в краже идей. Волк Архипелага не боится каких-то криворуких стрелков, которые винтовку от мотыги не отличат! Он даже охрану не усилил. Вот так-то!

Ролфи любят саги – это Элир затвердил навсегда.

– Эрн Тэлдрин – настоящий друг, и он в курсе шантйских традиций. А еще он знает, что если Джэйфф Элир пообещал найти убийцу, то он это сделает.

Капитан шантйских егерей, не скрывая гордости, указал на мешок.

– Здесь головы покушавшихся, а здесь, – он постучал пальцем по собственному лбу, – прелюбопытнейшая сага про их бывших владельцев.

– Джэйфф, головы и саги – это прекрасно, даже в чем-то эпично, – молвил Вилдайр, мельком глянув на мешок. Хотя, признаться, мешок впечатлял, и Элир тоже. Он кого угодно впечатлит, этот бывший рилиндар. Вот любопытно, что бы сказал кто-нибудь из древних ролфийских воителей при виде этой идиллической сценки, а? Ну, их уже не спросишь, а вот современные шуриа, похоже, высказались ясно...

– Но мне сейчас интересно другое, – продолжил ролфи. – Видишь ли, друг мой, какие забавные вещи творятся на этом острове. Сперва режут поселенцев – это я понимаю, потом покушаются на беднягу Тэлдрину – и это я тоже могу понять, а теперь еще и в меня стреляют. И, представь себе, промахиваются! И что теперь прикажешь мне делать, а? Объявить военное положение и установить комендантский час?

А еще всякие умники говорят, будто диллайн никогда не удивляются. То-то у Аластара глаза стали круглее и желтее полнолуной Дилах. Удивился, потрясен, но не сказать, чтобы опечалился из-за чужого промаха. А у шутника Джэйффа Элира, говоря образно, весь зад покрылся инеем толщиной в палец. Стрельба по Вилдайру – это не просто пре-це-дент, это прямое приглашение к новой резне и другим «прелестям» междоусобицы. Надо ли говорить, что Джэйфф разгневался на неведомого стрелка? Еще как! Чуть в штаны не наделал от бешенства. Но вслух пошутил, скользко и по-шуриански ядовито:

– Вот ведь косорукое отродье! В одного хелаэная попасть не могут! – притворно всплеснул он руками и так же делано спохватился. – Ох, прости, князь! Я, конечно, рад, что не попали, просто зло берет. А еще смеют называться «Рилиндой». Выползки-недомерки!

– Не подлизывайся, в телохранители все равно не возьму! – Вилдайр хохотнул в тон, а потом мигом посерьезнел, обнажил крупные зубы: – Я хоть и не Удэйн-Завоеватель, а все равно стерпеть такое трудно. Обидно, понимаешь! Но шум я поднимать не стал. Об этой утренней стрельбе знаем мы трое и еще Джойн, потому как это случилось при ней. И для всех нас лучше будет, если за стены Лалджеты не выйдет ни единого словечка. А то знаю я ваш «шурианский телеграф». Тебе же не надо объяснять, что начнется, если про этот инцидент узнают посторонние. И что будет, если меня тут убьют.

– Ничего хорошего для шуриа – совершенно точно, – с чувством молвил Элир и поудобнее устроился в кресле. Два дня на кочмаре да по беспокойному морю, а он уже не мальчик. – Но я все-таки, как и собирался, расскажу тебе и нашему общему... другу историю с выводом и моралью. Вишь ли, князь, в те времена, когда я встал под черно-красное знамя, не сыскалось бы меж моими соратниками добряков и милосердцев, но и стаей бешеных зверей мы тоже не были. Это я тебе со всей ответственностью могу засвидетельствовать. Резали без счета ролфи, своим доставалось не меньше, но – за дело, как нам тогда казалось, если уж быть честным. И не думай, будто хелаэнаи нас щадили. Но мы проиграли не из-за свирепости детей Морайг, мы изначально были обречены на поражение. Из-за Проклятия. Та война кончилась, и я остался последним ее воином, последним, кто имел право мстить хелаэнаям за Джезим. Теперь Проклятие снято, но шуриа не изменились, они по-прежнему живут страстями. Ведаешь ли ты, как сладко жить одним днем? Как остро чувствуется каждый вздох, если может стать последним? Я знаю. Будешь смеяться, но шуриа еще надо научиться жить без Проклятия. Отсюда мораль – ни один народ не может жить без древних героев, которые образец добродетелей и пример для подражания. У ролфи, скажем, есть Удэйн-Завоеватель, Дева Сигрейн и княгиня Лэнсилэйн. Ну и ты, мой князь. А у шуриа есть Рилинда. И маленькие мальчики до сих пор играют в рилиндаров, бегая по кустам с палками вместо мечей и самодельными луками. Мальчики постарше ночами рассказывают друг другу страшные сказки про кровавые забавы повстанцев. И это нормально. Плохо другое – когда взрослые мальчики решают, что самое время взаправду сыграть в Рилинду.

– Хорошая сага. Но рассказать ее стоило бы не мне, а детям этого парня, Ригнайра. Впрочем, их теперь нет, и говорить не о чем, – Вилдаир Эмрис хмыкнул. – Вот веришь, Джэйфф, мне не страшно умирать. Я уже сделал больше, чем мог мечтать когда-то. Оддэйн и богини видят, мне нечего будет стыдиться, случись сейчас отправиться в Чертоги. Но я не хочу войти в эту сагу, как Вилдаир Мягкотелый Придурок, после смерти которого началась новая резня. Ты – капитан шантийских егерей, мой офицер, который отвечает за порядок на этом острове. И ты мне присягал. Вот и разберись теперь с этим делом, рилиндар. Сам. Я не хочу устраивать на Тэлэйт охоту на змей, но не позволю горстке мальчишек похерить все, что мы тут сообща построили. Выпьем.

Мужчины молча сдвинули стаканы. Черный эль как нельзя лучше подходит для выпивки по серьезному поводу.

– Я – очень жадный человек, – признался шуриа. – Я не отдам без боя то, что по праву мое. Рилинда – моя, и Шанта – тоже моя. Слишком дорогие игрушки, чтобы отдать их дуракам на поругание.

Ролфи кивнул, давая понять, что объяснения здесь, в общем-то, ни к чему. И, повеселев, перешел к делу:

– У меня есть пара мыслишек насчет этого стрелка... Дистанция – шагов триста, тут мудрено промазать вообще-то. Стреляли в окно спальни. Представь, стою утром, почесываю... хм... затылок, и тут такое! Но ведь он мог целиться и не в меня вовсе, а в Джойн. Дескать, ролфийская подстилка и все такое... Опять же, еще и диллайна привечает, – и отсалютовал стаканом в сторону окаменевшего, словно памятник напряженному вниманию, Эска. Мол, не думай, дорогой союзник, что я про тебя забыл. – Помнится, в давние времена твои соратники таких женщин не миловали. Или... или он вообще не промахнулся, а попал именно туда, куда хотел. А я не люблю, когда меня провоцируют. Я – не Кинэйд Злосчастный, чтобы, не глядя, слопать эту приманку. Сколько еще раз мне нужно это повторить?

И, ухмыльнувшись, проскулил с трагическим пафосом, будто цитируя заголовки конфедератских газет:

– И вот кровожадный ролфийский Волк спускает на многострадальную Шанту свою бешеную стаю! И тут уж и боги, и духи, и все сразу велят любому благородному человеку взяться за оружие! Так вот этого не будет. И мне очень интересно, кто же затеял этот спектакль и сидит теперь в первом ряду, чистенький и беленький.

– И я не откажусь удовлетворить любопытство. Но сдастся мне, судари мои, что здесь пахнет торгашеством. Прятаться за спиной исполнителей – удел продажного люда с континента, – заявил Джэйфф.

– И я так думаю, – кивнул князь. – Но ставить свой скальп на это все-таки не буду. Умников хватает везде, не только в Конфедерации, – и неформально подмигнул по-прежнему безмолвному диллайну. – Глядишь, и дома найдется парочка шелудивых псов? – Вилдаир Эмрис отставил стакан и отбросил всякую шутливость. – А сделаем мы так... Береговая охрана получит еще два... нет, три новых корабля – это раз. Численность гарнизонов будет удвоена – это два. Шантийские егеря будут усилены отдельным полком ролэнтских стрелков, потому как очевидно, что в сложившихся условиях одни егеря не справляются. Тебе я верю, Джэйфф, но тебя здесь не будет. Леди Джойана поедет в Амалер, где за ней присмотрят Эск и эрна Кэдвен. А ты...

– А я отправлюсь в Индару. Именно туда собирались отплыть неудачливые добытчики скальпа эрн Тэлдрина. Чую, там у них гнездо!

– Идет! – Ролфи быстро кивнул, услышав именно то, чего и добивался. – Я выпишу тебе «открытый лист». Каждый мой подданный на любой территории будет оказывать тебе помощь и содействие. Деньги на расходы получишь сразу, если будет мало – наше посольство в Эббо добавит. Разберись со своими подражателями по-шуриански, Джэйфф, чтобы мне

не пришлось разбираться по-ролфийски. Но особенно-то не шали там, на материке. И, как говорится, награда тебя не минует, – и подмигнул почти блудливо. Насчет потребной Элиру награды не догадался бы только полный болван. Кто бы другой рассказал князю байку о влюбленном в ролфийскую воительницу рилиндаре – и Вилдайр бы в жизни не поверил. Однако ж собственным глазам, ушам и носу Священный Князь привык доверять. Чудеса все-таки творятся на этом острове! Буквально на каждом шагу – по чуду.

Джойана Ияри

Шуриа не всегда ускользают, гораздо чаще наоборот, они подползают ближе, чтобы подслушать или подсмотреть. А если не могут сделать ни того, ни другого, то у них и в самом деле начинает болеть голова. Кому же это понравится – лежать с холодным компрессом на лбу, пить настойку розмарина с таволгой и ничегошеньки не знать, о чем там внизу болтают Аластар и Вилдайр? Вот уж нет!

И Джона... да-да-да! Она скользнула на боковую лестницу, ведущую в одну из кладовок, и там прижалась ухом к деревянной перегородке.

Остров Шанта для шуриа – это не только родина и последняя гавань-пристанище для остатков народа Шиларджи, он еще и множество глаз, ушей и языков, всегда готовых поделиться новостями, подозрениями и соображениями по любому поводу. Паруса «Меллинтан» едва лишь показались на горизонте, а в Лалджету к госпоже Ияри уже мчались наперегонки с ветром юные синеглазые и черноволосые вестники. Так и докладывали – мальчишки выпалили новость хором, а юго-восточный ветер принес знакомый запах смолы и дегтя, табака и пороха. Три года его обладатель и носа не казал на Шанту, регулярно присылая письма, полные новостей и сдержанных слов любви. Письма, похожие на скальпы из коллекции Джэйффа. Но Джойана не роптала. Нельзя заставлять мужчину, владыку и князя постоянно унижаться перед другим мужчиной, владыкой и князем.

Вилдайр после покушения пребывал в задумчивости, и скорая встреча с Аластаром его настроения точно не улучшит. Эску она, само собой, тоже не в радость. Что же делать виновнице всех их бед и расстройств? Только прятаться в норку. И если изобретена женщинами в незапамятные времена уловка с внезапной головной болью, то сама Шиларджи велела своей дочери беречься от мужского гнева с ее помощью. А потом тихонечко подслушать.

Конечно, он не хотел приезжать. Так же как безногий солдат с обгоревшим лицом не стремится показаться на глаза любимой женщине изуродованным калекой. Власть выжгла тебе глаза, мой золотой князь, а жестокость вырезала кривые шрамы прямо по душе. Одержимость выступила тебя до стеклянного звона.

Значит, Лайд умерла, и случилось это по воле Аластара. Нет больше женщины, из-за которой... Давным-давно Джойана убедила себя, что Лайд Эск поровну делит с Эсмонд-Кругом вину за то, что случилось с ними со всеми. И при всей ее недалекости на всяческие подлости жена Аластара оказалась гораздо. Подослать убийцу или отравителя, оклеветать, опорочить или подстроить каверзу для Лайд всегда было так же естественно, как дышать. Но диллайн прав – она не могла по-другому, она создана таковой.

А какие у нее были глаза – медовые, сияющие, теплые. Идеальные черты, точеная фигура, серебристого оттенка локоны и дух, схожий с аккуратно подстриженным кустом в форме куба. Кстати, три века назад это было очень модно – улучшать природу.

Где теперь душа твоя, Лайд Эск? Нет ее, и не будет никогда. Пожрана Предвечным без остатка. В таких случаях принято говорить «мертвящим холодом повеяло», но Джону отчаяние обжигало. Точно так же, как и Аластара.

Не надо язвить, Вилдайр, не нужно прижигать эту рану раскаленным прутом. Пощади его, мой князь. Ради меня пощади...

Пришлось закусить собственную косу, чтобы не взвизгнуть и не выдать себя с головой. Их с Аластаром старший сын женится! Ее Рамман встретил достойную девушку и нашел любовь. Это же прекрасно! Это чудо из чудес! Так и должно быть. Дети – вырастать, взрослеть, мужать, любить и вить свои гнезда, чтобы не прерывалась тропа в вечность, начатая предками. В детях Раммана будет жить и Джона, и Аластар, и Элишва, и Безумный Эйкен Янэмарэйн. Разве это не замечательная новость?

А потом Джона сняла вечно мешающий чепец и терзала его в руках, превращая головной убор в рваные лохмотья. Батист все-таки не предназначен для утоления волнения, зато вполне подходит для утирания слез. А они лились соленым дождем, лились и лились без остановки. Когда тебя предают в третий раз, они – лучшее и единственное средство от сердечной боли.

«Два паровоза! Ты продал меня за два лишних паровоза!»

Это было... это было просто смешно, смешно до жгучих слез.

Наверное, только так и получается. В первый раз, тогда в Санниве, восемнадцатилетняя искусительница Джойана Алэя думала, что умрет от горя, а коли не падет замертво, то непременно отомстит. Во второй раз, двадцать лет назад – рассудочно согласилась с политическими раскладами. А в третий – шурия стало смешно.

Могущественные мужчины, любимые и любящие, поделили ее, точно драгоценную вазу. Надвое не распилишь, значит, достанется тому, кто сильнее и кому нужнее.

«Бедный Аластар, бедный Вилдаир!» – молча оплакивала их обоих Джойана. Делая то, что всегда делали женщины. Оправдывала, выгораживала, защищала неведомо перед кем тех, кто снова между женщиной и долгом выбрал долг.

Конечно, князь диллайн не виноват. Он ведь одержим. Нельзя людям создавать богов, нельзя касаться запредельного грязными руками, замахиваться на непостижимое человеческим умом. В этом мире столько загадок и тайн, он весь точно волшебная головоломка – на сотни тысячелетий хватит собирать. Каждая былинка – совершенное чудо, в любой капле заключен океан. Жизнь везде, жизнь во всем, и не нужны волшебства и чары, надо просто жить.

Диллайн сотворила Золотая Луна Дилах для познания, для того, чтобы дети ее докопались до сути сущего – как устроена травинка, почему птицы летают, а рыбы плавают, отчего гром гремит, откуда приходят сны и куда потом уходят. А они взяли и создали пожирающее души чудище – Предвечного и назвали его богом. Нет, шурия не понять диллайн, никогда не понять. Шурия видят незримое, для них все вокруг живо и одушевлено, для шурия нет другой жизни, кроме той, что вокруг и везде и всегда. Даже в паровозных дорогах и устрашающих машинах, которые будут по ним ходить, рано или поздно вызреет свой особый дух – огненный, стремительный, неутомимый. И если люди придумают когда-нибудь летающие машины – в них станет жить крылатая душа, поднимающая к облакам и жаждущая полета...

Нет преступления хуже, чем погубить живую душу. Поэтому диллайн прокляты. Их одержимость – такое же проклятье, да они и сами это знают. Что бы там ни болтали досужие языки, как бы ни судили Джойану за двоемужество, но проклятье всегда тянется к проклятью, и узы эти порой крепче даже тех, которыми привязаны к тверди земной три луны вместе взятые.

Джона нашла слова защиты и оправдания, но... она же шурия, значит, затаила обиду и на вечные времена запомнила эти два паровоза.

И Вилдаир тоже хорош! Выждал, высидел, добился своего – для себя и для своего народа. И он прав, тысячу раз прав. Он двадцать лет рисковал доверием и уважением своей Стаи. Ради «змеиной» женщины! Каково?! Кому-то, может, и польстила бы такая привязанность со стороны Священного Князя, но только не шурианке. Ему она тоже не забудет... и уговор, и цинизм, и, конечно, паровозы.

Теперь Джойану из рода Ияри от поездки в Файрист удержать могла лишь смерть. Но даже если недавний убийца вернется и не промахнется, то душа княгини Шанты запросто оседлает волну и домчится к другому берегу Опасного моря, чтобы благословить своего первенца. Это раз. И чтобы спасти его отца – это два. Не ради него, нет, но ради Идгарда. Каким образом – уже отдельный вопрос, но если Грэйн сумела откупить у Локки-Дилах Джэйффа, то почему бы Джойане не сделать что-то подобное для Аластара? Зачем тогда дана людям любовь, если не для спасения их души?

Ничего тут не поделать, Мать Шиларджи вложила в тщедушное тело янамарской графини непоседливый дух, которому нет и не будет покоя. Слишком много всего в жизни Джоны –

мужчин, сыновей, друзей, врагов, домов, дорог, – чтобы иметь право на умиротворение. Кому дано, с того и спросится.

А еще шуриа попытается найти себе новый дом. Там, где когда-то было так хорошо и счастливо, где в холмах бродит дух Элишвы, благославляя виноградную лозу, где в реке Наме живет семейство шустрых выдр, где с одного бешеного ролфи, на беду свою полюбившего шурианку, начался род Янамари. Вдруг там Джона сумеет найти покой? Не факт, конечно, но вдруг?

Появление Джэйффа разрядило обстановку в гостиной.

«Уф! Ну, теперь точно не подерутся», – вздохнула Джона и осторожно, на цыпочках прокралась обратно в спальню – изображать болящую. Дверь, правда, закрыла на засов изнутри. От греха, так сказать, подальше. Потому что Элир, как и положено шуриа, внес в суровый разговор союзников-соперников толику беспшибашности, а следовательно, мужчин потянуло на питейные подвиги и разговоры «про баб». И в этом вопросе все они, и князья, и голово-резы, единодушны: «Все зло от вертихвосток!» Застучали по несчастному столику серебряные кружки, задрожали стены от хохота, вызванного солеными шуточками. Сюртуки, бриджи, белоснежные галстуки, лощеные цилиндры и лайковые перчатки – это не настоящее, наносное, тончайшая паутинка цивилизации. В гостиной Джоны всю ночь кутили сыновья Трех Лун в их натуральном естестве: клыкастый варвар – волчий вожак, хладнокровный ночной хищник – капитан фрегата и жестокий убийца – последний воин Рилинды. Пили в три горла, горланили песни, играли в кости, ругались на всех языках, хвастались воинской удачей и женщинами.

А Джона-то считала, будто это у ролфи жуткие песни. Глупенькая маленькая змейка. От древних шурианских частушек кровь в жилах стынет, а уж про рулады диллайн и вспоминать не хочется, до того они дикие.

Но пела вместе с охмелевшими мужчинами древняя Шанта, аплодировал ей прибор, а корабли на рейде приплясывали в такт. Отчего ж не повеселиться, когда повод есть?

Джэйфф Элир

Шхуна с банальнейшим именем «Быстрая» тем не менее вполне соответствовала названию и отличалась, на дилетантский взгляд Джэйффа, прекрасными мореходными качествами. То бишь, мчалась на юг сквозь непогоду с огромной скоростью в тучах брызг. Капитан Смир попытался объяснить шурианскому стрелку что-то про способствующие этому предохранители бакштагов, брасов и вант, про бегучий такелаж и остальные сложные штуковины из веревок, палок и парусины, но лекция его успеха не имела. Джэйфф постарался сдержать зевок, но глаза у него стали мутно-синие, сонные-сонные.

Час от часу крепчавший осенний ветер нес с собой дождь, который время от времени превращался в мокрый снег, а так как дул он против волнения, то «Быструю» трясло и швыряло немилосердно. Шхуна врезалась в серо-коричневые волны, палуба ее тут же заливалась водой, а матросы могли передвигаться, лишь держась за спасательные леера. В сыром и темном уголке твиндека Джэйффу ничего не оставалось делать, только спать, завернувшись в одеяло с головой. И видеть во сне дух «Быстрой», говорить с ним и слушать бесконечные истории о морских походах, коих за полвека службы накопилось превеликое множество. По крайней мере, сказки шхуны оказались гораздо интереснее монотонных капитанских пояснений. Прямое или косое парусное вооружение – какая разница? Можно, конечно, сравнивать стати знакомых женщин – у какой коса длиннее или груди больше, но отчего-то же красота одной притягивает взгляд, а прелесть другой оставляет равнодушным.

Люди довольно редко дают вещам имена, но корабли – исключение. У каждого собственное и неповторимое имя, как у человека. И судьба тоже своя. Столько пота и крови льется на палубу, столько жизней связаны воедино тяготами плавания, что не стоит удивляться тому, как быстро корабль обретает душу – живую и настоящую.

Это как... заночевать в постели рядом с чужой возлюбленной. Есть такие вот щедрые во всех отношениях женщины – приветит, накормит, выслушает и спать положит, и ничего взамен не попросит. Видит же, что сердце отдано другой. А сердце Джэйффа Элира осталось у «Верности Морайг». Это если говорить о кораблях. А если о женщинах, то... все равно у нее же.

«Дурачок, – утробно проворковала «Быстрая». – Мне ли соперничать? Спи лучше. Спи уже».

Шторм бушевал два дня и три ночи, море пробовало шхуну на зубок, а на третий день, когда до идберранских берегов оставалось рукой подать, Джэйффа разбудил вой боцманской дудки и команда «Свистать всех наверх». А чтобы шурия не задавал глупых вопросов, его, сделавшего попытку выбраться из подвесной койки, приложило об переборку. Раз и еще раз! Локтями, коленями, ребрами! Джэйффа швыряло, словно игральную кость в стакане. Трещала обшивка, откуда-то сверху лились потоки ледяной воды, орали обезумевшие от страха люди.

«Спасайся, хозяин Джэйфф! Спасайся!» – вопила винтовка.

Что-то оглушительно затрещало. «Быстрая» болезненно содрогнулась всем корпусом. Это рухнула мачта. Элир ослеп и оглох от вопля корабля: *«Погибаю! Беги прочь, сын Шиларджи! Спасайся!»*

Легко сказать! Кораблекрушение – это не самое спокойное мероприятие. Тут поди разберись, куда бежать и где искать выход. На шурия места живого не осталось, пока он кое-как по скользким трапам сумел вскарабкаться на верхнюю палубу, через которую перекачивались волны. Комингсы вокруг люков уже не спасали, а сломанная грот-мачта утягивала корабль в пучину. Но пока матросы рубили ванты, печальная судьба постигла фок-мачту.

Не надо быть моряком, чтобы понимать – тонущий корабль утянет за собой всех, поэтому Джэйфф, недолго думая, схватил бочку и прыгнул за борт.

«Ну что, зятек, сдюжишь в холодной водище?» – ядовито поинтересовалась грозная Хела басовитым рокотом бури.

– Главное – яйца не отм-морозить, остальное – п-пустяки, – промычал Элир.

Шутки шутить у него не было ни сил, ни желания. Назвавшись однажды мужем дочери Морайг, он искушал суровую богиню и саму судьбу. Сказано же, держи язык за зубами, тогда и самое дорогое мужское целее будет. С другой стороны, пальцы, сомкнувшиеся на веревке, которой обвязана спасительная бочка, теперь и клещами не разжать – так свело от холода. Сквозь слипшиеся ресницы шуриа видел, как уходит под воду «Быстрая» и душа ее сливается с духом моря.

«Смотри, зятек, смотри. Не забывай!» – ухмыльнулась Хела невесело и всплеснула огромными волнами-руками, отпуская на волю души погибших моряков, совсем не похожих на птиц. Разве лишь издали, лишь потому, что летучи, да через соленую пелену.

«Куда они теперь?»

«Экий ты любопытный! Почем мне знать, зятек? Я даже не ведаю, удержишься ты на бочке аль потонеешь».

Вот и Джэйфф не знал, но очень надеялся на свою странную жутковатую удачу, а еще ему очень хотелось жить. Шуриа, они все – большие жизнелюбы, знаете ли. И даже когда сознание покинуло Элира, руки его не разжались и спасительницу-бочку не выпустили.

Пробуждение на пустынном берегу тоже сложно было назвать приятным, зато мокрая заскорузлая одежда, разбитое в кровь лицо, опухшие руки и ноги быстро напомнили шуриа, что он уцелел. Если тебе больно, значит, ты жив – самый верный признак.

Он некоторое время лежал недвижимо, прислушиваясь к чаячьим воплям и шелесту при-боя. Сомнений никаких – это Джезим.

– А вот и я... Здравствуй, Анэхит... – шепнул Джэйфф Элир и поцеловал серый песок, как если бы это была щека его жены.

Хотя... с другой стороны... теперь это все равно. Его Анэхит, их сыновья – Шэх, Парвид, Мэйвиш – их дочь, ее дети давно стали Джезимом. А встретиться с самыми близкими после столетий разлуки, почти добровольного заточения, разве не счастье?

Бывший рилиндар с огромным трудом перевернулся на спину и посмотрел на низкое, сочащееся дождем осеннее небо. Такое и должно быть оно в конце октября.

Оружие он потерял – это ясно. Сгнуло в волнах ружье вместе с дареным пистолетом. Ножны с ихинцей тоже оказались пусты. Вот незадача! Хорошо хоть сапоги уцелели. Джэйфф похлопал себя по груди, нащупывая зашитый за подкладку просмоленный пакет с бумагами. Оставалось только надеяться, что Вилдайрова подорожная не повредилась в соленой воде. Впрочем, эти рунные колдуны всегда страхуются, и начертанное княжьей рукой нужный человек обязательно прочтет, пусть на бумаге не останется и следа чернил.

Волноваться, по большому счету, было не о чем. Нет, правда! Руки-ноги целы, голова на месте, и то, о чем беспокоилась Хела, тоже не отвалилось. Что еще надобно мужчине?

Шуриа бережно переплел заскорузлые от соли косы, с наслаждением вдохнул свежий морской воздух и довольно бодро зашагал в ту сторону, где, как ему мнилось, находится ближайшее человеческое жилье.

И ведь не ошибся, хитрый змей. Приполз на козий ядреный дух безошибочно. Где люди, там и козы, а где и те, и другие – там хлеб, молоко и несложная работа, за которую их можно получить.

Чему только не выучишься за столетия жизни – править сети, копать огород, подрезать деревья, латать крышу, рубить дрова, чистить дымоходы. Да много еще чего нужно делать – было бы желание. Нищие рыбаки чиниться не стали, брать у них все равно нечего, а лишние руки в хозяйстве не мешают. И не смутил их оливковый отлив кожи пришлого чужака и

грязноватая синева глаз, лишь бы работу знал. Успели забыть про шуриа, а если и не успели, то посчитали боязнь *Третьих* – излишней роскошью.

И никто не остался внакладе: сельчане получили на несколько дней неплохого работника, а Джэйфф Элир – возможность постираться, обсушиться и подкормиться. А заодно узнал, что прибило его к идберранскому берегу. Видать, не обошлось без благоволения... м... тещи.

На третий день после кораблекрушения он попрощался с деревенскими и потопал в городишко под названием Корим. Там, говорят, на почтовую карету можно сесть. На них, а точнее, на содержимое кошельков пассажиров Джэйфф возлагал огромные надежды.

Грэйн эрн-Кэдвен

Нет в славном братстве служащих «под погонами» больших снобов, нежели военно-морские офицеры. Это всем известно, ну, во всяком случае – всем на Ролэнси. Вместе со знаком посвящения Морайг на плече, черным мундиром и кортиком флотские словно бы надевают некую мантию исключительности и элитарности и со своими сухопутными собратьями общаются свысока. Дескать, знайте свое место, «серошкурые», и помните, кто тут истинные сыновья Белой Луны. А уж про штатских и говорить нечего, эти в лучшем случае достойны этакого полубрезгливого недоумения. Впрочем, для пассажиров «Славы» подобные нюансы морских путешествий были не в новинку, а вполне себе в порядке вещей. Тем паче что и гражданских среди них не нашлось, все сплошь армейские чины, за исключением одного – финансиста из Эйнсли.

Грэйн, благодаря щедрости Собственной Канцелярии, никогда не экономившей на обеспечении своих Гончих, путешествовала первым классом, что, помимо отсутствия других жильцов в каюте, настоящей кровати, а не подвешенной к потолку койки, и возможности воспользоваться «капитанской галереей», включало в себя еще и завтраки, обеды и ужины в обществе капитана и его офицеров. Последнее являлось, прямо скажем, удовольствием весьма сомнительным – откровенно кислые физиономии военно-морских чинов отбили аппетит даже у практически всеядной Грэйн. Но моряков можно понять: присутствие на военном судне Е.С.О. женщины, да к тому же еще и посвященной Огненной Луне, – это не повод для радости. Потом, на берегу, они вновь превратятся в галантных и предупредительных братьев-волков, но сейчас, посреди серого простора моря Кэринси, офицеры «Славы Глэйсэйта» тщательно воздерживались от любого общения с пассажиркой, кроме, разве что, просьбы передать соль или приказа убратся с верхней палубы. Эрн Кэдвен и не думала роптать. Все правильно: моряки берегутся от ревности и гнева изменчивой Морайг, и даже окажись на борту «Славы» ее, Грэйн, собственный первенец Сэйвард, и то делал бы вид, что не знаком с матерью. Так, на всякий случай.

Итак, трапезы проходили в молчании, вечера и ночи – в размышлениях и тревожных жарких видениях, а днем Грэйн старалась как можно реже высовывать нос из каюты. Бывалая странница, она взяла с собой несколько книг, а потому у скуки – извечной спутницы морских путешественников – не оставалось ни единого шанса одолеть ролфийку. А в непродолжительных прогулках по верхней палубе эрну Кэдвен развлекал навязавшийся на ее голову «коллега» – некий эрн Лэхри.

Сей Лэхри, будучи в чине капитана гвардии, направлялся в Амалер, дабы вступить в должность помощника военного атташе при ролфийском посольстве. Узнав об этом из горячего, пересыпанного комплиментами и любезностями, словно грудинка – душистыми травами, монолога бравого офицера, Грэйн отчасти расчувствовалась. От словосочетания «помощник военного атташе» повеяло ностальгией по «старым добрым временам», давними воспоминаниями и былыми приключениями... И эрна Кэдвен совершила страшную ошибку. Решив проявить ответную любезность, она поинтересовалась, не родственник ли благородный эрн тому Лэхри, который обогатил литературную сокровищницу Архипелага «Записками о Синтафской войне» в девяти томах? Попутчик просиял, немедля сцапал руку Грэйн, запечатлел на тыльной стороне ее ладони горячий поцелуй (ролфийка с трудом сдержала порыв отдернуть руку и вытереть ее об юбку) и осчастливил ее признанием: он – не родственник, он тот самый Лэхри и есть! Не поделиться ли благородная эрна мнением касательно его труда?

Грэйн незаметно слотнула и криво улыбнулась. Бежать со «Славы» некуда, море вокруг... «Записки» она не читала, точнее, не дочитала, споткнувшись еще на третьей главе первого тома, а потому в положение попала самое затруднительное. Обижать симпатичного

эрна Лэхри не хотелось, кроме того, ролфийка, творческой вершиной которой в плане изящного слога было вступительное сочинение на экзамене в Академии («Анализ саги о битве при Скале Ветров как военно-исторического источника»), испытывала к литераторам некое смутное благоговение. Слагатель саг, то есть, извините, сочинитель многотомных «Записок», вероятно, нес на себе особенное благословение богинь и представлялся эрне Кэдвен существом загадочным и в чем-то даже потусторонним. Вроде черных псов Маар-Кейл. И поэтому она совершила вторую ошибку – вежливо промямлила что-то об оригинальном взгляде эрна Лэхри на синтафские события и похвалила бойкость его пера. Сочинитель, натурально, засиял еще ярче и с тех пор повадился ходить за Грэйи хвостиком, расточая комплименты и норовя облобызать ручку. Эрн Кэдвен сперва досадовала, потом сердилась, затем забавлялась, а в конце концов поняла. Гвардейский капитан был не только представителем славного племени юбочников, каковым что сородичка, что чужеземка, что ровесница Девы Сигрейи, воочию наблюдавшая завоевание Сэдрэнси, – все едино, лишь бы женщина. Эрн Лэхри жаждал не столько женского общества, сколько внимания и признания. Бедняге хотелось, чтобы его хвалили! А еще лучше – не его самого, а «Записки»... Тут бы Грэйи и проявить характер да послать коллегу к Маар-Кейл под хвост через змеиную нору с приподвывертом, но милый... э-э... юноша, годившийся ей если не в сыновья, то в племянники, оказался так... э-э... мил, что эрна Кэдвен не смогла. Мысленно посетовав, что за последнее время совсем размякла, Грэйи вздохнула и смирилась. Эрн Лэхри вилял хвостом столь умильно, что рука сама тянулась почесать его за ухом и погладить. Вот она и «гладила», так сказать: беззлобно огрызалась на любезности и без усталости хвалила «Записки». Четвертый, когти Локки, день подряд!

– Какой великолепный закат! Не правда ли, эрна Кэдвен?

Стоило совершавшей очередной вечерний променады по верхней палубе Грэйи мысленно помянуть эрна Лэхри, как он уж тут как тут! Ролфийка закатила глаза, тихонько вздохнула и ответила:

– Угу.

Закат был кровав, как мысли Грэйи.

Могла бы и не отвечать. Попутчик прекрасно обходился собственным монологом, и все, что требовалось от женщины, – лишь время от времени кивать в такт его речам. Отстраниться, погрузиться в собственные размышления и еще раз мысленно пройти по всем пунктам рискованного плана брата Удэйи.

– ...станет существенной эволюцией военной науки. Эрн Кэдвен, вы меня не слушаете!

– А? – Грэйи сморгнула и виновато потупилась в ответ на обиженный возглас Лэхри.

– Право же, владетельная, неужто я настолько вас утомил? – вздохнул капитан-сочинитель и скорбно поджал губы. – И на самом деле вы не читали моих «Записок»...

– Не дуйтесь, Лэхри, – эрна Кэдвен примирительно улыбнулась. – Я читала. Честно. Но, признаюсь, гораздо внимательнее с вашими трудами знакомилась эрн Фрэнген, мой бывший супруг, и мои сыновья. Вам же известно, как много сил и времени отнимает учеба в Академии. Мне приходилось ограничивать себя в удовольствии насладиться современной литературой. Теперь я непременно наверстаю упущенное и возьмусь за вашу книгу с должным усердием.

– Мне неизвестно, – буркнул молодой ролфи, с завистью покосившись на ее «академический» значок. – Я два года подряд пытался поступить и оба раза проваливал экзамены еще в округе.

– На третий обязательно получится, – попыталась утешить Грэйи. – Тем паче, в Амалере у вас наверняка появится время на должную подготовку. И эрн Рэдрин, возможно, составит вам протекцию... Не грустите. Лучше расскажите мне о Файристе. Верно ли, что внутренняя жизнь княжества далеко не так спокойна, как того желает князь Эск?

– Если угодно знать мое мнение, – Лэхри «оттаял» и сменил обиженную мину на озабоченную, – то князю Эску следовало бы поостеречься. Политика централизации, которую он

весьма жестко проводит, поразила в правах почти всех крупных землевладельцев Файриста. Диллайн вообще мстительны, а уж гордые аристократы, столько веков бывшие практически сами себе князьями, мстительны вдвойне. Попомните мои слова, эрна Грэйн, в Файристе скоро снова потянет запахом паленых перьев.

– О! – ролфийка нахмурилась. – Не слишком ли вы категоричны, Лэхри? Князь Эск, конечно, человек упрямый и сложный, но он никогда не производил впечатления свихнувшегося деспота.

– Так ведь я этого и не говорил. – Капитан пожал плечами, а потом вдруг вытаращил на нее глаза. – Постойте... разве вы знакомы с князем Эском?

– Была знакома, – уточнила Грэйн. – Не слишком близко, конечно, но да, была.

– Тогда... – Лэхри подозрительно прищурился. – Позвольте, эрна... а вы не родственница ли той известной Кэдвен, которая участвовала еще в шантийских событиях?

– Лэхри! – Грэйн рассмеялась. – А вы ненаблюдательны! Я – она самая и есть. Право, на четвертый день нашего с вами знакомства можно и прислушаться к пересудам. На этом корабле только ленивый еще не спросил меня, та ли самая я Кэдвен, которая... и так далее. Вы – лентяй, Лэхри!

– О... – сочинитель смутился. – А я, признаться, был уверен, что вас давно уже...

– Нет в живых? – Она подмигнула.

– Э-э... вы так внезапно покинули Канцелярию... – проямлил Лэхри, окончательно повесив нос. – Право же, эрна... Ходили слухи...

– Слухи всегда ходят. – Грэйн улыбнулась и поправила выбившуюся из прически прядь. – Ну? Теперь вы не станете более докучать мне любезностями – или же моя сомнительная известность вас не спугнула?

– Напротив, владетельная. – Он воспрял духом и разве что каблуками не прищелкнул. – Теперь я вынужден докучать вам еще сильнее. Видите ли, в нынешней части моих «Записок» я намереваюсь уделить особое внимание работе нашего военно-разведывательного корпуса под крышею посольств союзных и нейтральных государств.

– Похвально, – хихикнула ролфийка.

– И начать неплохо бы с... Ведь вы плывете теперь в Амалер! О! Секретное задание!

– Лэхри, – Грэйн чуть отступила в сторону, освобождая дорогу пробежавшему мимо матросу. – Ну посудите сами: ведь каждый, кому что-то говорит мое имя, услышав об этой поездке, наверняка скажет: «Она едет в Амалер! Секретное задание! О!»

Резкий возглас откуда-то из поднебесья прервал эрну Кэдвен. Она нахмурилась иглянула вверх, откуда кричали то ли «Марсель!», то ли «Стаксель!» а может, и «Брамсель!». На верхней палубе «Славы» возникло некое оживление: засвистели дудки, загрохотали башмаки по выбеленным доскам.

– Что-то случилось, как думаете? – Эрн Лэхри тоже недоуменно крутил головой.

Грэйн пожала плечами:

– Если стряслось нечто серьезное, нас с вами прогонят отсюда. Не знаю, право. Я в этих морских командах не понимаю ни сыча... А! Глядите-ка, вон там, к северо-западу... Похоже на облачко?

– Это парус, – прищурился глазастый сородич. – Но отсюда не различить чей.

Наутро следующего дня загадочный парус видели уже все. Но надобно знать ролфи: если нет приказа догнать и атаковать, они и ухом не поведут. А приказа к атаке не было, хоть «Славе Глэйсэйта» вполне по силам не только вступить в бой с неведомым противником, но и разделиться с ним. До цели рейса – Амалера – оставалось еще больше суток пути, и капитан пароходфрегата не собирался отклоняться от курса и выходить из графика ради какого-то одинокого наглеца, сунувшегося в эти воды. Подняв сигнал «Следую своим курсом», он не сбавлял, но и

не увеличивал ход. Паровая машина «Славы» молчала, судно шло под парусами. Незвестный корабль не отставал.

После завтрака неведомый преследователь приблизился настолько, что его смогли опознать.

– Северяне, – краем уха услышала Грэйи, совершая вместе с Лэхи традиционный после-трапезный променад по палубе. Ролфийка подняла взгляд на шканцы, где расхаживал угрюмый и злобный эрн Сэгейр, капитан «Славы», и насторожила уши. Ветер, как назло, относил голоса офицеров в сторону, потому она различала лишь обрывки фраз.

– Что будем делать, эрн?... Объявить тревогу?

– Сколько до Амалера, Блэйдри?

– ...

– И чем занята береговая охрана... хотел бы я знать! Северяне под носом у... Кровь Морайг!... ...принимайте вахту, Блэйдри.

Посторонившись, чтобы не раздражать и без того свирепо раздувающего ноздри капитана, Грэйи проводила его взглядом и переглянулась с Лэхи.

– Доставайте свой блокнот, Лэхи, не стесняйтесь. Хотя какое-то разнообразие в этом путешествии.

– Полагаете, эрн Сэгейр будет атаковать? – недоверчиво хмыкнул сочинитель, вытаскивая карандаш из-за уха.

Эрна Кэдвен пожала плечами.

– Я не стану раздражать Госпожу Приливов своими женскими предположениями. А как вы считаете?

– Я бы не стал. – Ролфи принюхался к ветру. – К чему? Он, – кивнув на маячивший слева по борту парус, Лэхи едва успел придержать рвущийся из блокнота листок, – наверняка отстанет, если мы не потеряем ход. А мы не потеряем благодаря машине. Нет смысла атаковать их. Если это действительно северяне и им достанет наглости преследовать нас, через пять-шесть часов ими займется береговая стража Файриста.

– Спустимся в салон, – предложила Грэйи. – Не стоит мешать команде своим присутствием. И, может быть, там мы найдем, с кем посплетничать о северянах?

Помещение, гордо именуемое «музыкальным салоном», располагалось в кормовой части «Славы». Здесь и в самом деле имелось кое-что, потребное для музицирования: два пюпитра, стопка потрепанных нотных альбомов, скрипка, волынка и флейта. Но пассажиры собирались в салоне не за тем, чтоб терзать слух стюардов и прочего экипажа посредством исполнением государственного гимна и «Последней Победы». Истосковавшиеся по высокому души вполне удовлетворяли частые хоровые песнопения на ужине, когда даже капитан эрн Сэгейр не брезговал хрипло подтянуть сотрапезникам, дирижируя импровизированным хором с помощью кружки черного эля. Салон же из музыкального превратился в курительный. А поскольку на борту «Славы» курить на верхней палубе и в каютах пассажирам запрещалось, немудрено, что удрученные сей строгостью временные обитатели пароходофрегата просиживали в салоне иногда дни напролет. К их услугам была также небольшая корабельная библиотека, состоявшая из тематических журналов вроде «Вестника Адмиралтейства» и пары невест как затесавшихся меж ними модных «авантюрных» романов. Один из этих зачитанных почти до дыр томиков как раз лениво листал майор эрн Дэйрун, самый старший из пассажиров как по возрасту, так и по званию. Единственный из всех, он направлялся в Файрист без особенного желания, но ведомый нуждой. Двойное жалованье и иные приятные поощрения, каковые перепадали ролфийским военным советникам от щедрот князя Эска, даже завязатого домоседа превратят в лучшего друга диллайн. Эрн Дэйрун, обладатель аккуратно заштопанного мундира и потертых сапог, не стыдился бедности и не скрывал намерений изрядно поправить свое денежное положение за счет этой командировки. Грэйи сочувственно поморщилась. Когти Локки, как зна-

комо! Долги, векселя, ежемесячное «расчет верен» в графе напротив своего имени в денежной ведомости, штопка на вытертых локтях мундира и неизменные «земляные клубни» в тарелке на завтрак, обед и ужин – из года в год. Хорошо, когда в семье есть супруг – вдвоем проще выкрутиться, а еще лучше – когда рожаеть сыновей, а не девочек. Эрн Дэйруну не повезло так, как Грэйи, но он не унывал. Вдовец с пятью незамужними дочками не станет привередничать и ухватится за любой достойный способ свести концы с концами. Тут не только в Файристе, тут к северянам в логово отправишься.

Насколько поняла Грэйи из обрывков бесед, двое из троих оставшихся пассажиров находились примерно в той же сложной финансовой ситуации, и лишь последний, некий ир-Силэйи, мог бы ссудить пол-Конрэнта из одних только карманных денег. Впрочем, как и следовало из имени, этот ир-Силэйи был безземельным и штатским, то ли негоциантом, то ли иным зверем из загадочной породы удачливых финансистов, а потому для господ офицеров интереса не представлял.

– Эрн Кэдвен, – безденежный майор чуть привстал в кресле, обозначая приветствие. – Лэхри. Что новенького на горизонте?

– Поздравляю вас, господа. – Ролфийка присела на диван и тщательно расправила юбку. – На горизонте – северяне.

Общество немедля оживилось: офицеры обменялись взволнованными возгласами, ир-Силэйи ахнул и вскочил, а майор, хмыкнув, отложил книгу и обронил:

– Как волнительно.

– Эрн Кэдвен! – требовательно воззвал финансист. – Капитан сообщил, что он намеревается делать?

– Прошу прощения? – Грэйи вежливо приподняла брови.

– Надеюсь, вы спросили у эрна капитана, что он собирается предпринять? – занервничал ир-Силэйи.

Офицеры переглянулись, и эрн Дэйрун пришел на помощь женщине, не находящей ответа:

– Почтенный ир-Силэйи, если вы заметили, эрна Кэдвен имеет честь являться дамой.

– И что?

– Мы в открытом море, а «Слава Глэйсэйта» – боевой корабль, – терпеливо продолжал майор.

– Выражайтесь яснее, эрн Дэйрун! – А вот ир-Силэйи, похоже, терпение уже потерял.

– Да куда уж яснее, почтенный, – не выдержала Грэйи. – Эрн капитан Сэгейр не обязан ставить пассажиров в известность о своих решениях. Тем паче неразумно было бы ему заводить беседу с женщиной. Так недолго и накликать.

– Что накликать?

– Гнев Морайг, – сухо пояснил эрн Дэйрун и брезгливо поджал губы.

– О! – Ир-Силэйи поморщился. – Предрассудки! Неужели в наш просвещенный век мы все еще должны придерживаться этих замшелых традиций! Эрн Кэдвен! Разве вас саму не задевает подобное отношение?

– Нисколько, – отрезала Грэйи. – И могу вас уверить, что замечания касательно «предрассудков», как вы выразились, здесь и сейчас неуместны.

– И все-таки я настаиваю... – Финансист хватанул воздух разъявленным ртом и полиловел от возмущения. – Проклятье, если вам привычны унижения, пусть так! Но я вправе требовать уважительного отношения к своей персоне! Да-с, господа! Уверяю вас, я далеко не последнее лицо в финансовом мире...

– Силэйи, уймись! – Майор предсказуемо болезненно отреагировал на слово «финансовый!». – Мы с вами, скогти вас Локка, сейчас не в вашем денежном мире, а в море. И ведете

вы себя словно визгливая торговка с рыбного рынка. Что неудивительно, впрочем, для вашего звания, почтенный.

– Удивительно другое, – в перепалку вступил эрн Лэхри, – а именно: ваше поразительное... вольнодумие, почтенный ир-Силэйн. Право, если бы я не знал, что вы – такой же сын Морайг, как и все мы...

И так посмотрел с выражением наивного недоумения, что всем стало очевидно – вне зависимости от признания публики господин сочинитель воистину талантлив и обладает великолепно развитым воображением.

Минуту-другую все молча и подозрительно таращились друг на друга и на злосчастного негоцианта.

– Тьфу! – наконец с явным облегчением отмахнулся эрн Дэйрун.

– Что? Может, вы принимаете меня за шпиона северян?! – вскинулся ир-Силэйн.

– Я принимаю вас за не слишком... умного человека, упорствующего в своих заблуждениях, – мило улыбнулся Лэхри. – Увы, окажись вы северянином, это был бы излишне... м-м... авантюрный поворот сюжета.

– Полно вам. – Майор примирительно взмахнул рукой. – Уймись, господа. Очевидно, что почтенный ир-Силэйн – не северянин. Поверьте, этих тварей ни с кем не спутаешь! Если видел хотя бы одного, ошибиться невозможно.

– Неужели? – заинтересовалась Грэйи. – В самом деле, эрн майор, разве есть способ отличить их от обычного, скажем, конфедератского полукровка? Ну, за исключением характерной внешности, конечно.

– Вам доводилось сталкиваться с северянами, эрна Кэдвен? – Лэхри вытаращил глаза и схватился за блокнот.

– Довелось. Однажды. – Она поморщилась и потянулась за бокалом, услужливо наполненным стюардом. – И признаюсь честно, господа, эта встреча оставила не самые приятные воспоминания.

– Ну, учитывая, что мы имеем честь сейчас с вами беседовать, эрна, столкновение завершилось вашей победой, не так ли? – пожал плечами майор. – Кстати, как вы узнали, что перед вами – северянин?

– По внешности, как же иначе. Лицо... – Грэйи нахмурилась и быстро отпила вина. – У него было самое странное лицо из всех, которые я когда-либо видела. Сморщенное, какое-то... измятое, что ли... Будто рубашка, которую сушили, завязав узлом. Кроме того, когда мы с товарищем раздели труп, дабы описать его, то увидели, что этот человек ужасающе волосат. Прямо-таки покрыт шерстью, представляете? А голова его, напротив, оказалась безволосой. Право, тут не могло быть двух мнений. Это был северянин.

– Вам попался старый экземпляр, – покачал головой эрн Дэйрун. – Вы же знаете, сударыня и судари, что северяне – портятся с возрастом, стареют, словно животные. По достижении ими сорока-сорока пяти лет различия становятся очевидны. Но с молодыми... э-э... индивидами все не так просто.

– Именно это меня и заинтересовало, – кивнула Грэйи. – Как вычислить молодого северянина?

– Достаточно просто, если вы уже однажды встречали хоть кого-то из них, – повторил майор. – Припомните, эрна Кэдвен, как он... пах?

– Как падаль, – она скривилась и выпила еще. – Каковой он, впрочем, и являлся. Тот северянин смердел мертвечиной.

– Этакий характерный сладковатый оттенок с легкой гнильцой, – мурлыкнул эрн Дэйрун. Грэйи передернуло.

– Возможно. Но, право же, эрн майор, мне тогда было не до смакования букета ароматов. Кроме того, дело происходило посреди трясины, и там хватало других запахов.

– И тем не менее вы его запомнили и не ошибетесь, когда почувствуете снова. Да-да, господа, так и есть. Они все так пахнут. И если до ваших ноздрей донесется струйка этого аромата, вы его узнаете сразу, дорогая эрна Кэдвен. И поймете – перед вами враг.

– Значит, мы, дети Морайг, способны их чуют, – попытожил Лэхри, тщательно записывающий каждое слово. – Но только если уже однажды встречались с северянами. Ну, это хоть что-то...

– По правде-то, есть гораздо более простой способ их узнать. – Уже зарекомендовавший себя специалистом по «северному вопросу» майор Дэйрун пригубил бокал с золотистым бренди и угостился у Грэйи сигарой. – Шурии, господа. Наши драгоценные возлюбленные кузены. Вы удивлены?

– Ничуть, – эрна Кэдвен, молчаливо признанная остальными второй «специалисткой», покачала головой. – Насколько я помню, дети Глэнны наделены способностью видеть незримое нам. Так сказать, суть вещей и людей, их глубинную сущность. Неудивительно тогда, что им оказалось доступно обнаружение северян.

– Абсолютно верно, эрна. Шурии действительно их видят, и я имел случай в том убедиться. Желаете послушать?

Общество, безусловно, желало. С верхней палубы не приходило пока никаких вестей, делать по-прежнему было нечего, а «северный вопрос» интересовал всех. Даже оправившегося от возмущения ир-Силэйна.

– Итак, слушайте. – Эрн Дэйрун промочил горло еще одним глотком бренди, выпустил пару колечек дыма и откинулся в кресле. – Служил у нас в полку некий Бенэш, чистокровный шурий, с острова Тэлэйт...

Майор рассказывал, компания увлеченно реагировала, периодически прерывая сказителя ахами и охами, а Грэйи, полуприкрыв глаза и слегка улыбаясь, наслаждалась мягким вкусом вина, ароматным табаком и воспоминаниями. Последнее, безусловно, было самым приятным. И это хорошо, что ролфи рассказывают друг другу такие истории, а еще лучше – что «любезные кузены» постепенно из диковинных обитателей загадочного острова превращаются в неотъемлемых членов общества – и армии. Шурия полезны, а в борьбе с северянами – даже необходимы. Это прекрасно. Это дает надежду...

– ...и сказал: «Представь себе разрытую могилу и полуразложившийся труп в ней. Вот таким я вижу его дух». И поверьте, господа, когда я различил этот запах, то немедленно согласился. Именно так они и смердят. Так что шурия правы: северяне – это ходячие покойники. Вы согласны, эрна?

– А? – встрепелась Грэйи. – Да. Да, безусловно. Но мне интересно вот что, господа... Локка создала диллайн, так? Мать всех ветров и всех кораблей, – согласно традиции, эрна Кэдвен именovala Морайг иносказательно, дабы ненароком не привлечь к себе ее нежелательного внимания, – породила нас, ролфи, а Глэнна – Мать яблонь, змей и шурия...

– Вы решили пересказать нам историю сотворения народов? – тонко улыбнулся майор.

– Разве что вкратце, – ухмыльнулась Грэйи, а затем посерьезнела и спросила: – Но вы не задавались никогда вопросом – а кто создал северян? Откуда они взялись?

– Ну... – Лэхри задумчиво нахмурился, а потом предположил: – Может, Живоглот их создал?

– Предвечный? – Эрн Дэйрун продемонстрировал свое недоверие выпяченной губой. – Не думаю. Кроме того, согласно последним сведениям, Живоглот – суть неразумное... магическое образование, вроде некой машины. Не-разумное, господа! И даже не существо! Оно не может ничего создать, подобно тому, как от одного парохода не может родиться дюжина маленьких пароходиков.

– Но откуда-то же они взялись! – не согласился ир-Силэйн, решив, видно, внести свою долю в обсуждение столь любопытного вопроса. – И нам неведомы иные силы, способные породить живых разумных существ, кроме богов. И Предвечного.

– Живоглот – не божество, – резко сказала Грэйи. – Не забывайте об этом, почтенный, и не смейте ровнять его с богами даже мысленно, не то что вслух!

– А что, если они зародились сами, а? – предложил еще один вариант Лэхри. – Ну, как грибок или плесень?

– Хм... – задумчиво покачал головой эрн Дэйрун. – Тоже теория вообще-то... А знаете, господа, я припоминаю в этой связи любопытное учение некоего господина Брихта. Довелось ознакомиться во время Идберранского конфликта. Так вот, сей господин издал презабавнейший труд, коий назывался «Размышления о происхождении жизни». И в нем утверждал – вообразите! – что все, абсолютно все живые твари в мире постепенно развились из мельчайших, видимых лишь сквозь микроскоп существ. Волшебный путь от кишечного червя до человека, каковой есть венец и князь всему живому миру.

– Ерься какая... – с отвращением поморщился Лэхри и украдкой покосился на свое отражение в стекле кормового окна.

– Ищете сходство с прародителем – кишечным червяком? – усмехнулся майор. – Ну-ну, не пугайтесь так, эрн Лэхри! Ближайшими предками нам с вами, согласно учению господина Брихта, приходится обезьяны.

– Я полагаю, он плохо кончил, этот господин Брихт, – заметила Грэйи. – Но, впрочем... В отношении северян, возможно, его теорию можно и принять. За неимением лучшей.

– Вот только в наших широтах, а тем паче, севернее обезьяны не водятся. – Эрн Дэйрун пожал плечами.

Обсуждение происхождения северян занимало компанию еще довольно продолжительное время. В итоге общество сошлось на том, что прародителями их, согласно теории господина Брихта, могли быть либо полярные медведи, либо какие-нибудь морские свиньи, и последнее вероятней. И за оживленной беседой пассажиры даже не сразу почувствовали, как завибрировал корпус «Славы». Но когда заметили...

– О! Это заработали наши паровые машины, господа! – радостно оповестил всех Лэхри. – Скоро будем на месте!

И вошедший в салон мичман подтвердил:

– На горизонте Коготь, господа. Завтра, не позднее третьей склянки, мы прибудем в Ама-лер. Извольте присоединиться к капитану за ужином.

Джойана Ияри

«Давным-давно, в Земле Джэвэйд, что означает Вечная Земля, жила женщина по имени Шиярша, у которой была единственная дочь – Сибя...» – так начиналась бесконечная шурианская сказка, столь любимая Джоной в детстве. Правда, Элишва снисходила до посиделок с дочерью редко, только во время болезней, а хворала маленькая шуриа нечасто. Зато мать так увлекалась рассказом, что могла еще несколько месяцев после выздоровления приходить вечерами к Джоне, дабы поведать еще одну занимательную историю про странствия Шиярши в поисках пропавшей дочери. Удивительно упорная женщина родом из Джэвэйда претерпевала на своем пути множество испытаний, встречалась с животными, духами и богами, летала на волшебных птицах и плавала во чреве морских чудовищ. Слушать – не переслушать. Элишва утверждала, что на Шанте сказку начинали рассказывать в первый день зимы и заканчивали в день весеннего равноденствия, но сама так ни разу не дошла до того момента, где Шиярша отыскала Сибу. Впрочем, почти все шурианские сказки со счастливым концом, и тут Джона была спокойна за судьбу героинь, но интересно же, как у них все вышло. Зато какой простор для воображения! Чаще всего Джона почему-то представляла себя плывущей в животе у исполинской касатки, попутно размышляя о том, насколько удобно будет подобное путешествие. И разрешит ли касатка зажечь свечу? И как странник узнает о том, что прибыл в нужное место? Подробности смущали, но отнюдь не мешали мечтать о подвигах Шиярши. Если уж женщина из неведомой земли Джэвэйд разобралась, то умная синтафская девочка и подавно.

В каюте у Аластара было не более уютно, чем в брюхе у сказочной касатки. Сумеречно, пусто и одиноко. Компаньонка – дочка полковника Нера по имени Яфа, взятая Джоной в далекое путешествие за бесстрашие и бойкий нрав, как-то сразу сникла и забилась мышкой в угол. Эск благородно предоставил дамам свое логово в полное распоряжение и сбежал в кубрик к офицерам. А хитрая «Меллонтан», чей дух был одним из воплощений Дилах, поймала шурианскую княгиню, так же как ребенок ловит бабочку. Самое простое дело – сложить ладони лодочкой и дожидаться подходящего момента. Потом – раз! И с удивлением чувствовать, как в темноте неплотно сомкнутых рук боязливо трепещет перепуганная жизнь.

«Вот ты и попалас-с-сь», – прошептала Меллонтан, осторожно заглядывая чуть прищуренным золотым глазом в щелочку-кормовое окно.

«Давным-давно, в Земле Джезим, что зовется Землей Радости, жила женщина по имени Джойана, у которой было три мужа и три сына?» – передразнила богиню обнаглевшая Джона.

«А почему ты удивляешься? Ты ведь всегда мечтала о судьбе Шиярши. Разве нет? И ты уже спасла одного из сыновей и одного мужа».

«Вилдайра и Шэrrара?»

«Тебе виднее», – хихикнула Меллонтан, преобразившись из премудрой Матери диллайн в лукавую зазнайку Дилах.

«Отчего ты не спасешь Аластара? Он же и твой сын тоже».

«Разве я могу спасти его от самого себя? – удивилась богиня. – Я приняла невинных, я простила раскаявшихся, я одарила талантливых, но я не в силах снять проклятье, которое люди накладывают на себя. Никто не может».

«Особенно если проклятья эти принимают форму паровозов».

«Ты затаила обиду, но хочешь его спасти?»

«Я зла на обоих, на ролфи и на диллайн, и... все равно люблю их».

«Да, да, я помню. В Земле Джезим, что зовется Землей Радости, жила женщина по имени Джойана», – поддела собеседницу баловница Дилах.

«Меллинтан» неслась по волнам к берегам Джебима, словно касатка, опасная пушками и умная опытом капитана, а в ее тесном нутре, в сердцевине, пряталась маленькая женщина, так сильно любившая в детстве героические сказки.

Свечу Джона зажечь не пыталась. Зачем, если она внутри богини, как птенец в скорлупе? Что нового увидят глаза, если смотреть в себя?

«Чем же кончилась история Шиярши?»

«А как тебе бы хотелось?»

«Я думаю... – Джона сразу же вспомнила свои детские фантазии. – Она нашла Сибу, победила ее обидчиков, и они зажили счастливо в Земле Джэвэйд... А где она теперь, эта земля?»

«Спит на дне океана».

«Значит, сказка закончилась плохо», – опечалилась шурианка.

«Это значит, что Шиярша не отыскала Сибу. Если мы не находим того, кого любим всем сердцем, то земля уходит из-под ног и наш мир исчезает».

«Я не понимаю...»

«А ты подумай».

И Джона думала. Свернулась клубочком под жестким одеялом, пахнущим Аластаровым табаком, засыпая и просыпаясь в его шерстяных объятиях. Бравый вестовой воспользовался отсутствием Яфы и, тихонечко заглянув за шторку, по секрету шепотом пересказывал вахтенным матросам, будто своими глазами видел, как черные косы шурианки сами по себе ползали по койке, точно змеи.

– Блестящие, толстые и шевелятся, что твои гадюки, клянусь Очами Меллинтан!

– Брехня! Баба как баба, – фыркал недоверчивый рулевой. – Полюбовница нашего князя.

– Ты че? Она ж княгиня!

– Новенький ты еще, Рори, не знаешь, что шурия эта – виртджорна давняя любовь.

– А чего ж он с ней не спит?

– Знать, рассорились. А чего такого? Меж милыми такое завсегда бывает.

Но слухи про живые косы-змеи шурианской колдуньи, влюбившей в себя Эска, поползли не хуже юрких ужей, во все стороны, проскользнули во все щели.

– Наш-то черный ходит, – шушукались мальчишки-мичманы. – Злой и весь больной от тоски.

– Знамо дело – по ночам черные змеи кровь ему сосут.

– Вернемся, сразу же к оракулу пойду. К Деве Калтрине.

На том и порешили: если шурианка навела порчу, то предсказание сразу на это укажет. И попеняли на то, что не жгут больше на кострах проклятых *Третьих*, как это делали добрые ролфи в былые времена. Жгли и топили, и правильно делали.

А Джоне снились злые дети с ветхими лицами. Они водили вокруг нее хороводы и пели ей звонкие песни. Слов сновидица не понимала, но знала точно – песни эти о смерти, о тлене, о гнили, о прахе, о том, из чего они созданы и чем станут, окончательно... обветшав.

«Кто они, о Дилах?»

«Те, кто, убегая от Проклятия, избрал дорогу смерти. Те, кто за спасение расплатился душой», – молвила Золотая Луна и добавила: – *Те, кто спрятался от Шиярши».*

«Я снова не понимаю. Ты все время говоришь загадками».

«Значит, просто найди Сибу, о Джойана, женищина из Джебима», – рассмеялась Дилах и снова стала кораблем-фрегатом.

Рамман Никэйн, граф Янамари

Погоды в Янамари стояли почти летние, но тепло это было обманчиво. Дни становились короче, ночи холоднее, а рассветы туманнее. Вроде бы солнышко еще припекает, но вдруг так повеет студенной прохладой, что сомнений не остается – отцвело лето янамарское, прекрасное. И впереди всех ждет в гости зима, которая в последнее время что ни год, то с сюрпризом. В прошлом году вообще никакой зимы не было – слякоть даже не подмерзла ни разу. Древние приметы утратили смысл, новых еще не придумалось. И будто сломалось что-то в божественном механизме смены времен года и природного цикла. Впрочем, чему удивляться, если за последние двадцать лет в Синтафе все, что можно, пошло трещинами – начиная от государственного устройства и заканчивая, по слухам, главной башней Мэйтагаррского замка в Санниве. Никто уже не удивился, когда в середине мая вдруг выпал снег, а из Дэйнла взяли и ушли все кошки. Старожилы не уставали повторять, что не за горами Последний Час Мира, а народ валом повалил на поклон к ведающим тропы в Тонкий мир. Кто к оракулам, кто к рунным магам, кто к древним шурианским алтарям, а кого-то и на развалины храмов Предвечного заносило ненапроком. Спросить бы у шуриа, что происходит с духами, которых те видят, как обычные люди – соседей по улице, но не осталось в Янамари детей Шиларджи. Ускользнули из горячих объятий гражданской войны, от пылких взоров любителей подпустить «красного петуха» в дом подозрительного инородца, от искателей виноватых во всех бедах, сбежали на свой остров. Даром, что ли, каждый год в Амалер и Вэймс Священный Князь присылал по кораблю, на борту которого любого шуриа встречали с расprostертыми объятиями. И, поговаривают, даже подъемные давали на первоначальное обустройство домашнего хозяйства. Беженцы из Синтафа, чудом спасшиеся от гонений эсмондов, все равно плакали навзрыд, покидая Джезим, но задержаться решились единицы.

Граф Янамари с радостью последовал бы примеру Вилдайра Эмриса. Он-то не понаслышке знал, зачем нужны шуриа Джезиму. Но, к сожалению, ничего хорошего предложить народу своей матери не мог. У него и без *Третьих* хватало забот. Попробуй сохранить равновесие между желаниями горячих голов из совета провинции и нуждами Северного Княжества, попробуй удержаться в рамках лояльности к Аластару и одновременно не прослыть в глазах народа «подголоском Эска». Сложно это и непросто.

Рамман в очередной раз с благодарностью глянул на портрет отца. Как бы там ни повернулось с душами полукровок, но дух Бранда Никэйна будет всегда жить в его сердце.

«Думай, прежде чем сделать, всегда попытайся представить последствия своего поступка. Не надейся на чужую помощь. Слушайся только своего разума и никогда не поддавайся на призывы толпы, ибо это всего лишь слова, а когда дойдет до дела, то каждый вспомнит лишь о собственной выгоде», – любил повторять Бранд во время долгих прогулок в холмы. И не важно, что собеседнику его было всего десять лет. Детская память цепкая, а отец никогда не относился к Рамману как к несмышленишу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.